

история / география / этнография

Юрий Селезнёв

Р

усские князья
при дворе ханов
Золотой Орды

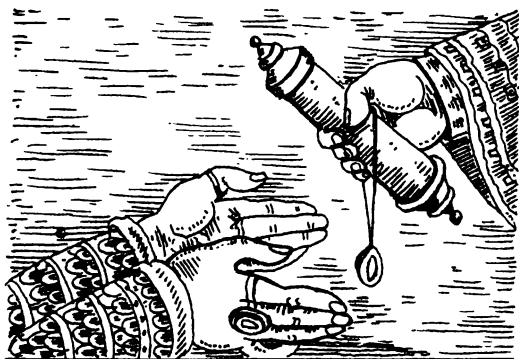

Ломоносовъ
издательство

Юрий Селезнёв

РУССКИЕ КНЯЗЬЯ
при дворе ханов
Золотой Орды

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2017

УДК 94 (47).031
ББК 63.3(2)43
С29

Составитель серии Владислав Петров

Рецензенты:

доктор исторических наук
Д. М. Исхаков

доктор исторических наук
Е. И. Нарожный

доктор исторических наук
В. В. Трепавлов

Иллюстрации Ирины Тибилевой

История Руси XIII–XV столетий неразрывно связана с историей Джучиева Улуса (или Орды; в источниках начиная с XVI века — Золотой Орды). Русские князья, которые в этот период управляли своими землями и определяли пути развития княжеств, признали иноземную власть и были вынуждены ездить на поклон к хану. Именно там — при дворе ордынского властителя — на протяжении практически 250 лет, решалась судьба того или иного князя, того или иного княжества, в конечном итоге — всей Руси¹.

Тем не менее статус и положение русских князей в системе отношений правящей элиты Джучиева Улуса, их место в ее составе практически не исследованы. Более того, сама постановка подобной задачи нередко вызывает сомнение в правомерности и необходимости ее рассмотрения. Хотя совершенно

очевидно, что лица, получающие свои не только владельческие, но и управленческие права из рук иноземного правителя, должны занимать определенное место в составе правящей группы соответствующего государства.

Несмотря на признание в исследовательской и учебной литературе факта зависимости Руси от Орды, русские князья традиционно рассматриваются как вполне независимые правители. За пределами внимания исследователей при этом остаются особенности политической и социальной системы ордынского государства, закономерности функционирования элит, которые формировали правила взаимодействия в рамках политической системы Джучиева Улуса. Сведения же источников показывают, что русские князья действовали в соответствии именно с этими правилами.

Настоящее исследование посвящено социально-политической группе, которая объединяла русских владетельных князей, — ее отличительным признакам, статусу, особенностям поведения и особенностям функционирования в составе правящей элиты Орды. Такая постановка вопроса подразумевает в первую очередь необходимость доказать, что *русские князья были составной частью ордынской элиты.*

Глава 1
Русско-ордынские отношения
в освещении русского летописания

1. Представления о природе верховной
власти ордынского хана в русской
письменной традиции

Завоевание Руси монголо-татарскими войсками в 1237–1241 годах поставило вопрос как о политическом признании/непризнании власти Орды, так и о том, как оценивать выстраиваемые отношения.

Принципы, на основании которых русские князья считали возможным в XIII столетии включать себя в состав элиты Джучиева Улуса, основывались главным образом на представлениях о природе ордынского владычества², и эти представления не могли не отразиться в памятниках русской письменной традиции. К таковым произведениям, сохранившим информацию о восприятии власти ордынского хана над русскими землями в XIII веке, необходимо отнести Галицко-Волынскую и Лаврентьевскую летописи, а также «Повесть о житии Александра Невского», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» и Слова и Поучения Серапиона Владимирского.

В основном перечисленные памятники были созданы во второй половине XIII века, во всяком случае, не позже 1320-х годов³.

Летописная традиция Северо-Восточной Руси рассматривала само нашествие как «кару Господню», а спасение виделось в смирении перед захватчиками — «бичом Божиим»; сопротивление по этой причине считалось обреченным на провал⁴. В связи с этим русские книжники того времени в большинстве своем просто фиксируют события, связанные с отношениями Руси и Орды.

Так, Лаврентьевская летопись, основой которой послужил свод 1305 года великого князя Михаила Ярославича Тверского⁵, содержащая в основном владимирское летописание, отмечает под 1242, 1244, 1245 годами поездки русских князей в Орду и признание власти хана Батыея. Причем это рассматривалось в летописях как почетный и не унижительный процесс. Авторы отмечали оказанный в Орде русским князьям почет и уважение. На протяжении практически всего XIII столетия Лаврентьевская летопись (материалы которой для этого времени большей частью ростовского происхождения⁶) отмечает, что получить ярлык на княжение — это большая честь⁷.

Показательно описание в летописи событий, связанных с борьбой русских князей за ярлык на великое княжество Владимирское. Например, говоря о событиях 1281 года, когда Андрей Александрович Городецкий «прииде ис Татар... ратью на брата своего старейшаго Дмитрея, истпросив себе княжение великое под братом своим»⁸, автор прямо указывает, что верховным распорядителем княжеских столов является ордынский хан.

Наиболее яркие оценки власти ордынского хана содержатся в летописных источниках при описании событий в Курском княжестве, помещенных в Лаврентьевской и Симеоновской летописях под 1283–1284 годами. В. А. Кучкиным установлено, что эти события относятся к 1289–1290 годам⁹. Суть их в том, что ордынский откупщик дани Ахмат выступил организатором двух слобод, которые располагались в пределах Курского княжества, и туда начало стекаться местное население. Это вызвало протест местных князей —

Олега Воргольского и Святослава Липовичского. Они отправились с жалобой к хану Тула-Буге, который дал им войско для разорения слобод. Однако баскак Ахмат привел карательную экспедицию от Ногая, который возглавлял в то время второй политический центр в Орде и имел напряженные отношения с Тула-Бугой. В ходе дальнейшей борьбы князья Олег и Святослав погибли.

Описывая эти события, автор повествования неоднократно подчеркивает, что судьбами русских земель распоряжается ордынский хан: «Князь Олег иде въ орду... с жалобою къ царю Телебузе»¹⁰; при описании спора князей Олега и Святослава говорится: «Со мною еси ко цесарю не бежал» и «ныне затерял еси правду мою и свою ти не идешь ни к своему царю ни к Ногою на исправу»¹¹. Таким образом, верховными распорядителями земель и правом суда являются ордынские правители — хан Тула-Буга и Ногай.

В то же время галицко-волынский летописец характеризует ситуацию несколько в ином ключе. Описывая возвращение князя Даниила от Батыя, южнорусский книжник подчеркивает, что честь татарская — злее зла: «О, злее зла честь татарская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею: Киевом и Володимеромъ и Галичем со братомъ си, инеми странами, ныне седить на колелу и холопом называееть ся! И дани хотять, живота не чаееть. И грозы приходять. О, злая честь татарская!.. Злобе бо их и льсти несть конца. Ярослава, великого князя Суждальского, и зелием умориша, Михаила, князя Черниговьского, не поклонившуся кусту, со своим боярином Федоромъ, ножем заклана быста»¹².

Правда, в одной из последних частей Галицко-Волинской летописи, в так называемом «летописце Владимира Васильковича»¹³, охватывающем события с 1272 по 1289 год, автор, которым считается епископ Евсигиний, более нейтрально, в сравнении со своими предшественниками, высказывается об ордынской зависимости. Так под 1274 годом в летописи отмечается, что ханом Менгу-Тимуром была удовлетворена просьба князя Льва. В результате Лев Данилович получил в свое распоряжение ордынские войска во главе с воеводой Ягурчином для ведения военных действий в Литве. Кроме

того, по распоряжению хана к объединенным войскам были обязаны присоединиться Роман Брянский со своим сыном Олегом и Глеб Смоленский. Авторское отношение к сложившемуся положению дел отразилось во фразе: «Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской»¹⁴.

Довольно подробно автор определяет положение русских княжеств при описании событий, помещенных под 1287 годом. Тогда ордынский хан Тула-Буга и его брат Алгуй совершили поход на Польшу, а русские князья обязаны были участвовать в походе. Автор говорит о положении русских князей: «Тогда бяхуть вси князи русции в воли татарьской, покорени гневом Божиим»¹⁵. В другом месте летописец отмечает: «Тогда же бяху вси князи в неволе татарьской»¹⁶. Таким образом, по мнению автора «летописца Владимира Васильковича», наказанием за прегрешения православных были «воля татарская» и «покорение гневу Божию».

В «Повести о житии Александра Невского» о взаимоотношениях Руси и Орды говорится трижды. Впервые, подчеркивая международное значение князя Александра и в то же время отмечая данную Богом ордынскому хану власть, автор отмечает, что Бату-хан (Батый) («царь с восточной стороны». — Ю. С.) «слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: “Александре, веси ли, яко Богъ покори ми многы языкъ? Ты ли един не хочещи покорити ми ся? Но аще хочещи съблюсти землю свою, то приеди скоро к мне и видиши честь царства моего”»¹⁷.

Второй эпизод связан с изгнанием с владимирского стола брата Александра Андрея, на которого «разгневался царь Батый»¹⁸.

Третий раз тема русско-ордынских отношений всплывает в связи с последней поездкой князя в ставку хана. По данным «Жития...», «бе же тогда нужда велика от иноплеменник, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати». Князь же Александр «поиде к цареви, дабы отмолити людии от беды»¹⁹. На обратном пути из Орды Александр умирает.

Для поставленного вопроса важно, что во всех трех эпизодах в качестве верховного распорядителя русских земель рассматривается именно ордынский хан. Более того, его власть исходит от Всевышнего, что делает Батюга божественным

орудием, а сопротивление ему становится противодействием воле Господа.

Таковым же верховным правителем Руси признан ордынский хан в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского». В первую очередь отмечается, что «не подобает жити на земли канови и Батыеве, не поклонившеся има»²⁰. То есть Русь — это земля монгольского императора (канови) и ордынского хана (Батыеве). Во-вторых, что ордынский хан имеет право осудить и казнить Михаила Черниговского. Правда, такое положение дел скорее предвестник «последних времен» — конца света, а стало быть, не вполне нормальное²¹.

Показательны для поставленной проблемы также суждения владимирского епископа Серапиона. Его авторству достоверно принадлежат пять Слов. Они представляют собой «записанные устные проповеди, произнесенные перед паствой»; как отметил В. А. Кучкин, «важным в Словах Серапиона представляются его суждения о монголо-татарском владычестве над русскими землями как самом крупном наказании за прегрешения русских людей»²². Другим выводом Серапиона является констатация факта порабощения ордынцами русских земель, что делает их власть над княжествами верховной, причем освященной Божественной волей²³.

Эволюция представлений о характере власти ордынского хана в русской письменной традиции отражена в Лаврентьевской летописи при описании борьбы за власть между князьями Дмитрием Переяславским и Андреем Городецким в 1281 году. Отмечая грабеж ордынцами монастырей и церквей, летописец считает возможным привести ветхозаветные слова: «якоже рече пророкъ: Боже, приидоша языци въ достояние Твое, оскверниша церкви святыя Твоя»²⁴. Это смысловая цитата из ветхозаветного Плача Иеремии: «...он видит, как язычники входят во святилище его, о котором Ты заповедал, чтобы они не вступались в собрание твое» (Плач. 1, 10).

Плач Иеремии полностью посвящен оценкам состояния Иудеи в результате завоевания ее вавилонским царем. Надо полагать, что летописец, рассказывая о вторжении ордынцев в 1281 году, опосредованно связывает это событие с «вавилонским пленом». Здесь необходимо отметить, что отно-

шение праведно верующего к «вавилонскому плену» должно было отличаться смирением перед волей Всевышнего.

Таким образом, книжники, переосмысливая отношения Руси и Орды, в прямой или косвенной форме признавали верховенство ордынского правителя над русскими землями. Мотив «вавилонского плена» принимает законченную форму в «Житии Михаила Тверского». Как идеологическая установка он требует от праведно верующих смирения перед волей Божией, а значит, перед лицом ордынской власти.

При этом ханская власть хотя и рассматривалась как верховная, требующая смирения, но в то же время — как иноплеменная, «поганая». Мотив же «вавилонского плена» подразумевает, что данная власть носит временный, преходящий характер.

2. Изменение титулования ордынских правителей в XIII–XV веках

Появление в XIII веке на карте Евразии огромного государства — Монгольской империи — и признание русскими княжествами политической зависимости от Джучиева Улуса требовали вписывания данной реальности в ценностную картину мира. Признание русскими князьями над собой верховной власти ордынского хана нашло отражение среди прочего и в титуловании ордынских правителей.

Титул по своему назначению несет в себе статусную функцию, определяя место правителя в международной политической иерархии. При этом титул напрямую связан с определенными прерогативами. В случае с ордынским ханом — это прежде всего чеканка монет с собственным именем и издание ярлыков. Таким образом, вполне справедливо заключение А. И. Филюшкина о том, что титулование в Средние века являлось «главной формой декларации претензий государства на определенное место на ментальной карте мира»²⁵.

Применительно к поставленной задаче весьма важно отражение в русской письменной традиции тех или иных статусных или территориальных притязаний ордынских правите-

лей в XIII веке, а также признание этих притязаний на Руси, выраженное именно в системе титулований.

Определяя статусное положение монгольских правителей в XIII столетии, А. А. Горский подчеркнул, что «после похода Батыея и установления зависимости русских княжеств от монголо-татар титул “цесарь”/“царь” начинает последовательно применяться в русских источниках к их правителю. Первоначально так именуется главным образом великий хан в Каракоруме, а с 1260-х годов, после утверждения полной самостоятельности западного улуса Монгольской империи — Орды, — хан, правящий в этой последней»²⁶.

Данное мнение основано на анализе сведений источников, проведенном А. Н. Насоновым, который отмечал, что в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях глава Джучиева Улуса долгое время не именовался «царем»: «Первые десятилетия владычества татар, когда Золотая Орда не отделилась еще от империи, “царем” для наших князей был именно “кан”, или император, и его, а не золотоордынского князя именовали они этим титулом». При этом А. Н. Насонов подчеркивал, что к ордынским правителям титул «царь»/«цесарь» стал применяться, начиная с Берке (свидетельство Ипатьевской летописи о смерти хана в 1266 году), а регулярно — с Менгу-Тимура (1266—1280), «когда Золотая Орда окончательно отошла от империи»²⁷.

Действительно, до 1260-х годов в русских памятниках ордынские правители упоминаются, как правило, без каких-либо титулов. В Лаврентьевской летописи при описании нашествия монголо-татары вообще выступают как безликая масса. К примеру, авторы и составители Лаврентьевской летописи, отмечая поездки русских князей в степь в 1240—1250-х годах, указывают в первую очередь этнический маркер (татары), а затем личные имена или титулы: «...князь Ярослав поеха в Татары, а сына своего Константина посла к Канови...»²⁸. При этом единственное встречающееся в это время титулование монголо-татарских властителей — титул «кан»/«каан» (см. также под 1246 годом, под 1247 годом, под 1249 годом)²⁹.

Лишь единожды в Лаврентьевской летописи титулы «кан» и «цесарь» отождествлены друг с другом. Под 1257 го-

дом отмечено, что «тое же зимы приеха Глебъ Василькович ис Кану земли от цесаря»³⁰. Встречается также два косвенных известия в той же Лаврентьевской летописи. Первое — под 1252 годом при описании так называемой «Неврюевой рати». Летопись сообщает, что владимирский князь Андрей Ярославич, который «здума... бегати нежели цесарем служить»³¹, вызвал гнев Батыя. С большой долей вероятности можно предполагать, что Андрей выказал неповиновение именно центральной монгольской власти, за что и поплатился военным вторжением.

Второе известие связано с описанием восстания в русских землях против ордынских баскаков-откупщиков в 1262 году, в преддверии которого «титям приехалъ от цесаря Татарского именем Кутлубий»³², под которым вполне обоснованно предполагается каан Хубилай (1259—1294 годы).

Южнорусское летописание представлено для рассматриваемого времени Галицко-Волынской летописью, которая сложна по составу и структуре. Традиционно она делится на летописный свод 1246 года, так называемую «летопись епископа Иоанна» (оканчивается 1260 годом), свод Василька Романовича Волынского (ок. 1263—1271 годы), «летописец Владимира Васильковича» (1272—1289 годы) и свод Мстислава Даниловича (1289—1291 годы).

Комплекс известий с титулованием монголо-татарских правителей в 1240—1260-х годах связан с «летописью епископа Иоанна». В свидетельствах о походе Батыя на Русь под 1240 годом отмечается: «Менгуканови же пришедшу сглядать града Киева»; «Меньгу и Кююкъ, — иже вратися уведавъ смерть канову, и бысть каномъ»³³. Показателен здесь факт упоминания сына Угедая Гуюка и сына Тулуя Менгу с титулом «каан», чего не могло быть в отношении первого ранее 1246 года, а в отношении второго — ранее 1251 года.

Однако упоминаемые при описании поездки в степь князя Даниила имена ордынских правителей не сопровождаются никакими титулами. Лишь однажды старшая жена Батыя поименована с титулом «великой княгини Баракъчинови»³⁴. По всей видимости, перед нами калька с именованя жен Чингизидов, известного нам по мусульманским источникам, — хатун-и бузург — «старшая госпожа» или хатун-и бу-

зургтар — «великая госпожа»³⁵. Тем не менее составитель и читатель данной части Галицко-Волынской летописи должен был косвенно воспринимать Батыя как «великого князя» — мужа великой княгини.

Таким образом, в большинстве случаев в русской письменной традиции в 1240—1250-е годы было принято именовать монгольского императора «кааном», за которым признавался как эквивалент титул «царь»/«цесарь». Ордынские же правители выступают в источниках без титулов и без почетных определений. Только в Галицко-Волынской летописи применительно к Батыю в косвенном свидетельстве обнаруживается возможное титулование «великий князь»/«князь».

Именованье ордынских правителей «царями» впервые встречается под 1266 годом. «Рогожский летописец» отмечает: «Того же лета умре царь Татарский Беркай»³⁶. И далее, под 1275 годом, отмечено: «...поеха велики князь въ Татары къ цареви»³⁷. В Симеоновской летописи читаем под 1277 годом: «...поехаша на воину съ царемъ Менгутемеромъ... царь же почтивъ добре»³⁸; под 1282 годом: «Князь же Дмитрии... отъеха въ орду къ царю Татарскому Ногою»³⁹. Наиболее концентрированно в Лаврентьевской и Симеоновской летописях титулование ордынских правителей «царями» прослеживается при описании событий в Курском княжестве, о которых уже упоминалось. В Лаврентьевской летописи говорится: «Со мною еси ко цесарю не бежал», «ти не идешь ни к своему цесарю ни к Ногою на исправу... и оуби Святослава по цесареву слову»⁴⁰.

В «Повести о житии Александра Невского», первоначальная редакция которой связывается с монастырем Рождества Богородицы во Владимире и, по аргументированному мнению В. А. Кучкина, написана в период с конца 1263-го по 1265 год, то есть сразу же после смерти Александра, Батый уже фигурирует с царским титулом: «В то время бе царь силен в Восточной стране...»; «По сем разгневался царь Батый на брата меньшаго Андрея»⁴¹.

Неоднократно привлекали внимание исследователей «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» и тексты, относящиеся к смерти Михаила в Орде⁴². Составлено «Сказание...» было в Ростове

(в одной из редакций автором назван отец Андрей, в другой — отец Иоанн). Однако идейным вдохновителем создания памятника была дочь Михаила Всеволодовича Марья, что дает возможность предполагать влияние южнорусской письменной традиции (это тем более вероятно, если учитывать, что ростовское летописание для второй половины XIII века традиционно лояльно по отношению к Орде).

В «Сказании...» говорится, что «не подобает житии на земли канови и Батыеве не поклонившеся има»; «обычай же имяше канъ и Батый»⁴³. Однако, как отметил В. А. Кучкин, непосредственно перед именем Батыя титул «цесарь» не употребляется. Таким образом, свидетельства «Сказания...» отразили переходный момент — перенесения царского титула с монгольских правителей на ордынского хана.

Для последнего десятилетия XIII века также характерно упоминание ханов с титулом «царь» — Лаврентьевская под 1294 годом: «Цесарь Тотарский приде въ Тверь, имя ему Токтомерь»⁴⁴; Симеоновская под тем же 1294 годом: «...царь Тохта седе на царство въ орде»⁴⁵.

Галицко-Волынская летопись в своих завершающих частях под 1274 годом указывает, что князь Лев Галицкий «...посла в татары ко великому цареву Меньгутимереву»⁴⁶. Показательно, что далее ни один ордынский правитель персонафицированно «царем» не назван. Такого титула не удостоились ни хан Тула-Буга, ни глава второго политического центра, с которым у галицких и волынских князей были тесные связи, Ногай. Лишь при описании под 1287 годом распределения наследства князя Владимира Васильковича неоднократно встречается царский титул, который в конце XIII века приобрел безличный характер, отражая тем самым лишь место русских князей и ордынского правителя в международной политической иерархии. При этом один раз ордынский правитель (Менгу-Тимур) назван «великим царем», что должно соответствовать титулу «великий хан».

Таким образом, надо полагать, что изменение титулований монголо-татарских правителей в русской письменной традиции в XIII веке тесно связано с внутривосточной ситуацией в Монгольской империи. Подчиняясь изначально главе империи каану, именно его русские книжники зо-

вут «царем»/«цесарем». Ордынские правители обычно упоминаются без титулов. Правда, по косвенному свидетельству можно предполагать, что ханы, в частности Батый, могли именоваться «великими князьями»/«князьями». Только после того, как хан Берке оказался в оппозиции к центральному правительству, что сделало Джучиев Улус фактически независимым, титул верховного правителя «царь» переносится на него. Прочно ордынские правители именуются «царями», начиная с Менгу-Тимура, который однажды назван даже «великим царем», что обусловлено значительными суверенными прерогативами фактически и юридически первого независимого главы Орды.

Для XIV века — времени наивысшего могущества Орды — в летописных и публицистических памятниках характерно упоминание ордынских правителей исключительно с царским титулом. В Новгородской I летописи (старший извод которой представлен пергаменным Синодальным списком XIII—XIV веков) на протяжении всего повествования до обрыва в 1330-х годах авторы и составители именуют ордынских правителей «цесарями» и присваивают царский титул и тем ордынским правителям, которые таковой в XIII веке не носили (например, Батыю). Памятники тверской письменной традиции, отразившиеся в «Рогожском летописце» и Тверской летописи, фиксируют царский титул ордынского правителя с почетным определением «господине царю»⁴⁷ (под 1338 годом).

С последней трети XIV века появляется возможность проследить систему титулований в официальных документах. Показательно, что если в духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 года) фигурируют безликие «татарове»⁴⁸, а в духовной его сына князя Ивана (ок. 1358 года) — Орда⁴⁹, то в более поздних грамотах появляются столь же безликие, но «цари». Например, в договоре московского князя Дмитрия с Ольгердом (1372 год) говорится: «А что пошли в Орду ко царю люди жаловатися на князя на Михаила, а то есмь въ божьей воли и во Цареве...»⁵⁰. Договор Дмитрия Ивановича с Олегом Ивановичем Рязанским (1381 год) содержит отсылку: «как было при царице при Таидуле»⁵¹. В соглашении великого князя Василия Московского с великим князем Михаилом Твер-

ским (1399 год) сказано: «...пойдет на нас царь ратию»; «а что есмя воевал со царем...» и т. д.⁵²

Таким образом, к рубежу XIV–XV веков в русской письменной традиции, в том числе в официальной документации, за ордынскими правителями прочно закрепился титул «царь».

Изменение места ордынских правителей на ментальной карте мира в представлениях русских книжников того времени можно наглядно проследить, на наш взгляд, по двум летописным записям (1378 и 1410 годов) и «Житию Стефана Пермского» (около 1396 года).

При упоминании о смерти княгини Василисы (1378 год), жены князя Андрея Нижегородского, выстраиваются представления о месте Руси в иерархии государств к 1378 году. Высшей властью признана духовная власть византийского императора и константинопольского патриарха; верховной светской властью признана власть ордынского хана (Узбека); следующую ступень в иерархии занимает великий князь Иван Калита; на последнем месте поставлен митрополит Феоногност⁵³.

Подобную формулу мы дважды встречаем в «Житии Стефана Пермского». Здесь главной духовной властью на Руси признаны император византийский и патриарх Константинопольский. Власть светскую разделили князья Московский, Литовский, Тверской и Рязанский⁵⁴. Царская власть Орды признана, но она занимает в иерархии последнее место — видимо, в силу ослабления после походов Тимура (1391, 1395 годы) и фактического раскола. Встречается данная формула в летописях и при описании событий начала XV века (1410 год). Упомянув о возвращении из Константинополя митрополита Фотия⁵⁵, летописец признает на Руси высшей властью (духовной) византийского императора и константинопольского патриарха; светская власть представлена великими князьями Московским и Тверским; власть Орды признана высшей (царской) властью, но по отношению к Руси это власть второго (если не третьего) порядка; замыкает список князь Рязанский.

В официальных документах позиция русских князей и духовенства сохраняет незыблемость. В частности, в договор-

ной грамоте Василия II с Дмитрием Шемякой (1441–1442 годы) при описании расклада ордынского выхода отмечается посылка киличеев «ко царемъ к Кичи-Махметю и к Сиди-Ахметю»⁵⁶. А в послании духовенства Дмитрию Шемяки (29 декабря 1447 года) отмечается: «...отъ царя Седи-яхмата пришли къ брату твоему старейшему Великому Князю его послы...»⁵⁷.

Вполне закономерно, что с распадом Орды круг лиц получающих право именоваться «царями», расширяется за счет независимых правителей Джучидов — глав отдельных ханств и орд — ханов Казанского, Крымского и Большой Орды⁵⁸. Но при этом для 1480-х годов становится характерным применение к царскому титулу ордынских правителей нелицеприятных с точки зрения православного христианина эпитетов. Если в «Повести о стоянии на Угре» ордынский хан фигурирует с нейтральным титулом: «царь Ахмат идетъ... хотя разорити христианство», то в послании митрополита Геронтия Ивану III на Угру отмечается: «...на ню же сверепует гордый он змий вселукавый, враг диавол, и въздвизаетъ на ню лютую брань поганым царем...»⁵⁹.

Наибольшую негативную оценку в это время ордынские правители получают в послании Вассиана: «...на всю землю нашу окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплени всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска»⁶⁰. Ахмату отказано в царском титуле, он превращается в «фараона», ведь власть хана не только нелегитимна политически, но и не освящена Божественной волей: «...который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель, научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю...»⁶¹. Таким образом, ростовский архиепископ отказывает ордынским правителям не только в царском достоинстве, но и в царском титуле, объявляя их самозванцами.

Для официальных документов этого времени — духовных и договорных грамот — характерно нейтральное политическое обозначение — Орда. Титулатура ордынского правителя — «царь» — попадает в документы достаточно редко. Опосредованно верховным титулом именуют хана при обозначении дани в Орду: «царев выход». Лишь в договоре мо-

сковского князя с тверским от 1456 года прямо упоминается титул «царь»: «А к Орде ти, брате и ко царю путь чисть»⁶².

Таким образом, со времени приобретения независимости ордынского государства ханы неизменно титулуются «царями», а с распадом Орды большую роль приобретает территориальная, объектная атрибуция — царский титул Джучидов получает владетельный (Казанский, Крымский, Ногайский и т. д.) маркер. Однако к концу XV столетия место ордынского хана на ментальной карте мира, в иерархии государств, определяется все ниже и ниже вплоть до объявления ханов-Чингизидов самозванцами и соответственно лишения их царского титула («Послание Вассиана Рыло на Угру», 1480 год). Тем не менее в делопроизводстве именованье Джучидов царями сохраняется и в конце XV, и в XVI столетии.

3. Особенности и характер сообщений о смерти ордынских правителей на страницах русских летописей

Русская летописная традиция важное место отводила сообщениям о смерти. Это было связано с особым отношением православных христиан к переходу в новое состояние человека: смерть — это переход к вечной жизни. При этом записи некрологического характера посвящены в основном кончине представителей правящих династий и высших церковных иерархов.

Т. В. Жданова представила классификацию княжеских летописных некрологов (в зависимости от объема заключенной в них информации) и выявила наиболее часто встречающиеся структурные элементы княжеских некрологических записей⁶³. По ее мнению, летописный некролог — это не только литературная традиция, но и обязательный элемент погребальной практики, которая, в свою очередь, включает в себя не только погребальный обряд, но и меры по сохранению памяти об усопшем, а также является «зеркалом» общественного статуса правящей элиты.

Особенности некрологических записей о смерти иноземных правителей, их сходство и отличие от летописных за-

писей о смерти русских князей дают нам информацию об отношении русских книжников к соседним государям, об их представлениях о месте Руси в ментальной картине мира и реальной геополитической ситуации в тот или иной период⁶⁴.

Кроме того, в ситуации зависимости русских княжеств от ордынских правителей свидетельства об их кончине помогают уяснить степень вовлеченности Руси в культурное поле степного государства, понять, каковы были в XIII–XV веках представления книжников о природе и характере ханской власти и саму степень признания этой власти православными княжествами.

Анализ летописных памятников позволяет утверждать, что со времени появления в пределах Восточной Европы монголо-татарских завоевателей и потери независимости русскими княжествами записи о кончине ордынских правителей на страницах русских летописей становятся регулярными.

В первую очередь обращает на себя внимание сообщение в составе Ипатьевского свода в Галицко-Волынской летописи под 1224 годом о смерти Чингиз-хана: «Ожидая Бога покаяния крестьяньскаго и обрати и воспать на землю восточную и воеваша землю Таногоускою и на ины страны тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьень бысть»⁶⁵.

Наиболее часто о смерти ордынских правителей сообщает «Рогожский летописец» и подробный компилятивный Никоновский свод (XVI век). «Рогожский летописец» впервые упоминает о кончине ордынского правителя под 6756 (1248) годом: «Въ лето 6756... Тое же зимы оумре царь Батыи и по немъ седе на царстве Сартакъ сынъ его»⁶⁶. С этой записи, сообщения о смерти или гибели ордынских ханов становятся регулярными («Въ лето 6767 царь Оулаchia оумре, а Кутлубеи седе на царстве»⁶⁷; «Въ лето 6773 оумре Татарьскии царь Беркаи»⁶⁸; «Въ лето 6821 оумре Токта царь»⁶⁹ и т. д.). Всего «Рогожский летописец» содержит записи о смерти или гибели 16 ордынских ханов, о насильственной смерти двух цариц и четырех случаях убийства в жестокой борьбе за власть сыновей правителей. Есть сообщение и о расправе с татарскими князьями: «Въ лето 6868... Тое же весны приде на царство Волжское некий царь со вьстока Заядьскы, именемь

Хидырь... а князи ординьскихъ Муалбоузиноу чадь множьство оубиль»⁷⁰.

Однако даже внимательный к степному миру «Рогожский летописец» не всегда точен и сообщает о смерти не всех ордынских ханов. Во-первых, неверна датировка смерти Батыея — 1248 год. Установлено, что завоеватель Руси умер в 1255 году⁷¹. Во-вторых, не упомянуто о смерти Сартака, смерти Менгу-Тимура и смерти Туда-Менгу. Дело в том, что Сартак умер (отравлен Берке и Беркечаром), не доехав до столицы Орды и не вступив в полномочия в отношении русских княжеств. А Туда-Менгу был отстранен, и обстоятельства его смерти после этого неизвестны. Потому оба они на момент смерти могли не представлять интерес для русского книжника.

Менгу-Тимур является первым ордынским ханом, начавшим чеканить собственную монету, то есть открыто заявил о своей независимости от центрального монгольского правительства в Каракоруме. Именно его Галицко-Волынская летопись в своих завершающих частях под 1274 годом называет «...великому цареви Меньгутимереви»⁷². То, что в летописной традиции о его кончине не упоминается, можно объяснить дефектом — отсутствием в Лаврентьевской летописи нескольких листов — с 1263 (появление «Жития Александра Невского») до 1283 года (события в Курском княжестве). Что же до «Рогожского летописца», то «вплоть до 6796 (1288 г.) текст его представляет довольно краткую компиляцию, основанную на двух источниках — суздальском летописце, доведенном до последней четверти XIII века, и кратких выдержках из Летописи Новгородской IV»⁷³. Таким образом, сведения об Орде и русско-ордынских отношениях на рубеже 1270–1280-х годов выпали из поля зрения летописцев.

С 1291 года наблюдается регулярная фиксация смертей ордынских ханов с обязательным упоминанием преемников. Регулярность прослеживается и в 1360–1380-е годы, когда в период «великой замятни» русские летописи скрупулезно фиксируют смену одного хана другим, время их правления (с точностью до дней), судьбу преемников. При этом с 1363 года смерть сарайских ханов не фиксируется — появляются записи о смерти ханов Мамаевой Орды, а за-

тем и о смерти самого Мамай. Данный факт свидетельствует о переориентировании русских князей на крымское правительство могущественного временщика.

С 1412 года регулярные записи о смерти ханов прекращаются. Отмечается лишь гибель Ахмата после его поражения на Угре в 1480 году⁷⁴. Таким образом, с 1410-х годов ханы перестают восприниматься в летописной традиции как главы русских княжеств. Указанное наблюдение четко соотносится с особенностями монетной чеканки в данный период: к 1410-м годам Москва начинает чеканить монеты с обеими русскими сторонами. А с окончанием правления Токтамыша в Орде Василий I перестает помещать на монетах знаки зависимости (в частности — имя хана)⁷⁵. Позже, после возобновления Василием I в 1412 году вассальных отношений Руси и Орды, начинается чеканка монет с нечитаемыми подражаниями. Как отмечал Г. А. Федоров-Давыдов, помещение нечитаемых подражаний было политической акцией — такой же, как и помещение имени хана, но «только на более низком уровне»⁷⁶. Оно выражало общую зависимость княжества от Орды, а не от конкретного хана, занимающего в данный момент престол. Но уже к середине 1420-х годов в Московском княжестве вновь появляются монеты с обеими русскими сторонами. На русских монетах более никогда не появляются ни имена ханов, ни нечитаемые подражания⁷⁷.

В Новгородской I летописи за весь период ордынского владычества отмечена только смерть Узбека. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о неважности для Новгорода событий, связанных с Ордой, и нахождении Новгородской земли вне ордынской государственной системы и политического поля⁷⁸. С другой стороны, упоминание хана Узбека в новгородском летописании подчеркивает значимость личности хана, жизнь, деятельность и, главное, смерть которого оказываются достойны упоминания в летописном памятнике.

Таким образом, регулярность записей о кончине ордынских правителей свидетельствует об их особом положении в череде персон, упоминаемых в летописных памятниках. Обуславливается это тем фактом, что ордынская власть признавалась более высокой по статусу — «царской»⁷⁹ — и имела

реальное право (в отличие от «царской» византийской) распоряжаться русскими землями и судьбами русских князей.

Показательно при этом, что в русской летописной традиции было не принято называть ордынских правителей «преставившимися»: «оумре царь Беркалий» (Суздальская летопись)⁸⁰; «умре царь Озбякъ» (Симеоновская летопись)⁸¹; «Тое же зимы оумре царь Батыи» («Рогожский летописец»)⁸²; «оумре Токта царь» («Рогожский летописец»)⁸³; «И умре царь Беркай» (Тверская летопись)⁸⁴.

Вероятно, это напрямую связано с тем, что «преставиться» значит «предстать пред Богом» (церковь молилась, чтобы «душа преставившегося взошла на святую гору небесного Синая, удостоилась лицезрения Божия, достигла обетованного ей блаженства»⁸⁵). Ордынские ханы-язычники, а после 1313 года — мусульмане не могли, по мнению русских книжников, войти в царство Божие. Поэтому кончина для них — это смерть, то есть путь в Царствие Небесное для них закрыт.

Сообщения о смерти ордынских ханов ни в одном из русских источников никогда не содержали подробностей смерти и погребения: точной даты и времени кончины, имен присутствующих на похоронах, места погребения; но во многих случаях называется имя преемника (который зачастую имел непосредственное отношение к гибели хана): «Въ лето 6756 (1248). Тое зимы оумре царь Батыи и по немъ седе на царстве [Сар] такъ сынъ его»⁸⁶ («Рогожский летописец»); «Въ лето 6767 (1259). Царь Оулавча оумре, а Кутлубеи седе на царстве»⁸⁷ («Рогожский летописец»); «(1313) Понеже тогда Тохта царь умре, а новии царь Озбякъ сель на царстве и обесерменился»⁸⁸ (Симеоновская летопись); «В лето 6849 (1341)... Тое же осени умре царь Озбякъ, а на зиму Жданибек оуби два брата Тинибек и Хыдырбек, а самъ седе на царстве»⁸⁹ («Рогожский летописец»); «(1357) Того же лета Бердибекъ царь въ орде седе на царстве, а отца своего убиль и братью свою побиль»⁹⁰ (Симеоновская летопись) и т. д.

Таким образом, сообщения о смерти ордынских правителей для «Рогожского летописца» не являются «некрологами» в подлинном смысле этого слова (торжественными записями в память о почившем), а информационными сводками,

уточняющими, когда и при каких обстоятельствах произошла смена власти.

Московский летописный свод конца XV века называет умершего татарского хана Джанибека добрым: «В лето 6865 (1357)... а в Орде тога замятня бысть велика, умре бо добрый Чжанибек»⁹¹. Однако можно допустить, что под словом «добрый» летописец мог подразумевать «толстый», «дородный». В таком случае вряд ли эту запись можно назвать хвалебной.

Необходимо отметить, что в отношении ордынских ханов русские летописцы никогда не позволяли себе создавать антинекрологи. Сообщения о смерти ордынских ханов, как отмечалось выше, — это информационные сводки: когда произошла смена власти, при каких обстоятельствах — не более. Так, Тверская летопись сообщает: «Въ лето 6774. И умре царь Беркай, и Руси ослаба бысть отъ насилья бесерменска»⁹². Оценки заменены фактами. Такое осторожное отношение к ордынским правителям связано с признанием легитимности власти Орды по отношению к русским землям в XIII—XV веках. Тем не менее в летописях идет четкое разделение на «свой русский православный мир» с устоявшимися (в том числе и некрологическими) традициями и ордынский мир, признаваемый, но чуждый, соседний.

Таким образом, сообщения о смерти ордынских ханов занимают особое место в ряду некрологических записей в летописных памятниках. Будучи признанными верховными правителями православной Руси — «царями», занимая четко определенное место в политической картине мира, они не могли не оказаться на страницах летописей. Однако, являясь язычниками или мусульманами, восточные ханы не могли быть включены в ментальную картину мира как положительные примеры. Негативная же их оценка вступала в различного рода противоречия в картине мира: сакральные (почему наблюдается подчинение заведомо неправедным «царям»?) и политические (нелояльность к правителю может вызвать гнев — как собственного князя, так и хана).

Находившиеся в зависимости от Орды и постоянно с ней контактирующие русские княжества жизненно были заинтересованы в информации о том, что происходило у соседей, по каким правилам политической этики они играют. Хлад-

нокровная расправа нового претендента на власть со своими родственниками не предвещала «теплых» отношений и с русскими князьями и ожесточала нравы самих князей. Именно поэтому фиксация кончины ордынских правителей не оказывается некрологом в прямом понимании его как помертвой записи, посвященной почившему⁹³.

Несмотря на тесные контакты с иностранными государствами, политические и родственные связи, ситуацию внешней зависимости, период раздробленности внутри русских земель, иностранные правители никогда не ставились на страницах летописей на одну ступень с русскими князьями. Даже в период существования отдельных самостоятельных княжеств сохранялось общественное единство русско-го мира⁹⁴.

4. Понятия «честь» и «жалование» в русской письменной традиции как отражение характера взаимоотношений Руси и Орды в XIII и XIV веках

Оформление зависимости русских княжеств по отношению к Орде не могло не вызвать определенные оценочные характеристики. Мы попытаемся проследить процесс изменения смыслового восприятия русско-ордынских взаимосвязей на протяжении XIII–XIV веков, опираясь на терминологию, встречающуюся в источниках.

Коренными понятиями в нашем анализе будут *честь* и *жалование*.

Как показывает изучение источников, в XIII столетии при определении характера отношений русских князей и ордынских ханов ключевым является слово «честь». В частности, Лаврентьевская летопись, основой которой послужил свод 1305 года великого князя Михаила Ярославича Тверского⁹⁵, содержащая в основном владимирское летописание, отмечает начиная с 1243 года, что русские князья возвращаются из Орды с *честью*: «Батыи же почти Ярослава великого

честью и мужи его и отпусти и рече ему: Ярославе буди ты старей всех князей в Русском языке. Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью»⁹⁶; под 1244 годом: «Князь Володимеръ Костянтинович, Борис Василькович, Василий Всеволодич и с своими мужи поехаша в Тата [ры] к Батыеве про свою отчину. Батыи же почтивъ я честью достойною я расудивъ имъ когождо в свою отчину и приехаша с честью на свою землю»⁹⁷; под 1245 годом: «Князь Костянтинъ Ярославичъ приеха ис Татар от Кановичъ къ отцю своему с честью»⁹⁸; под 1246 годом: «Сартак же почтивъ князя Бориса отпусти я в своя си»⁹⁹; под 1247 годом: «Поеха Андреи князь Ярославич в Татары к Батыеве и Александр князь поеха по брате же к Батыеве. Батыи же почтивъ ю и посла я г Каневиче»¹⁰⁰; под 1249 годом: «Поеха князь Глебъ Василкович в Татары к Сартаку. Сартак же почтивъ и отпусти и в свою отчину»¹⁰¹; под 1250 годом: «Поеха князь Борисъ к Сартаку. Сартак же почтивъ отпусти и в свою отчину»¹⁰²; под 1252 годом: «Идее Александр князь Новгородский Ярославич в Татары и отпустиша и с честью великою давшее ему старейшинство во всеи братьи его»¹⁰³; под 1256 годом: «Поехаша князи на Городецъ да в Новгородъ. Князь же Борисъ поеха в Татары, а Александр князь послалъ дары. Борисъ же бивъ Оулавчия дары давъ и приеха в свою отчину с честью»¹⁰⁴.

Как мы знаем, из-за механического повреждения в Лаврентьевской летописи не сохранился текст за 1263–1283 годы. Восстановить сведения этих лет позволяют данные Симеоновской летописи. В ней под 1276 годом отмечается: «Царь же почтивъ добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаливъ, отпусти въ свояси съ многою честью, кождо въ свою отчину»¹⁰⁵. Ордынскую *честь* подчеркивает и автор «Жития Александра Невского»¹⁰⁶. Принятие от хана *чести* фиксирует и Галицко-Волынское летописание. Правда, с точки зрения южнорусского книжника, как мы уже знаем, «злее зла честь татарская».

Как бы то ни было, и для северо-восточной и юго-западной книжной традиции, несмотря на диаметрально противоположные оценки данного явления, характер подчинения русских князей ордынским ханам определяется в XIII столетии словом «честь».

В XIV веке происходит замена понятия «честь» словом «пожалование».

К сожалению, наиболее ранняя летопись конца XIV — начала XV века — Троицкая — сгорела в пожаре 1812 года. Однако восстановить сведения летописи можно по данным Симеоновской летописи и «Рогожского летописца».

Симеоновская летопись конца XV века сохранилась в единственном полном списке XVI века. До 1391 года она близка к Троицкой летописи и вместе с «Рогожским летописцем», по мнению ряда исследователей, содержит Тверскую редакцию общерусского свода конца XIV или начала XV века — протографа летописи Троицкой¹⁰⁷.

«Рогожский летописец» — летопись первой половины XV века; единственный ее список середины XV века состоит из нескольких частей. Интересующая нас часть, за 6836—6882 (1328—1374) годы, представляет собой систематическое соединение двух источников — тверского, сходного с Тверской летописью, и общерусского, сходного с Симеоновской летописью и восходящего, очевидно, к тексту, близкому к Троицкой летописи. Скорее всего, в его основе лежал протограф Троицкой летописи, а редакция была составлена в Твери около 1412 года¹⁰⁸.

Начиная с XIV века авторы или редакторы летописи последовательно отмечают именно ханское «пожалование». Под 1304 годом: «Того же лета на осень князь велики Андреи вышелъ изъ орды съ послы съ пожалованиемъ царевымъ...»¹⁰⁹; под 1329 годом: «...божиимъ жалованиемъ выиде изъ Орды князь Костянтинъ въ свою отчину въ Тферь...»¹¹⁰; под 1336 годом: «Князь Иванъ Даниловичъ поиде въ орду; тое же зимы и прииде изъ орды съ пожалованиемъ въ свою отчину»¹¹¹; под 1338 годом: «На ту же зиму выиде изъ орды во Тферь князь Александръ, пожалованъ животомъ отъ царя...»¹¹² и «...и приять пожалование отъ царя, въсприимъ отчину свою»¹¹³; под 1339 годом: «Того же лета и на Русь прииде изъ орды князь велики Иванъ, а въ свою отчину, пожалованъ Богомъ и царемъ»¹¹⁴, «...а князя Семена и брата его съ любовью на Русь отпустиша, и придоша изъ орды на Русь пожалованы Богомъ и царемъ»¹¹⁵ и «...того же лета на Русь прииде изъ Орды князь Иванъ, а въ свою отчину пожалованъ Бо-

гомъ и царемъ»¹¹⁶; под 1344 годом «...выиде изъ орды князь великий Семень Ивановичъ, а съ нимъ братья его, князь Иванъ, князь Андреи, пожаловани Богомъ да царемъ Чинибекомъ»¹¹⁷; под 1348 годом: «...прииде изо Орды на Русь князь велики Семень Ивановичъ съ пожалованиемъ, и съ нимъ братъ его князь Андреи»¹¹⁸; под 1348 годом: «...постигоша его гонци киличеи изъ орды. Онъ (князь Семен. — Ю. С.) же възвратися на Москву слышати слова царева и жалованиа...»¹¹⁹; под 1350 годом: «Того же лета выиде изъ орды на Русь князь велики Семень съ своею братьею и съ пожалованиемъ»¹²⁰.

«Рогожский летописец», созданный, скорее всего, в Твери, подчеркивает, что «пожалование» исходило не только и не столько от хана, сколько от Бога. То есть тверская письменная традиция старалась выделить в первую очередь волю Всевышнего, а не власть иноверного «царя». Игнорируя наличие воли ордынского хана, авторы или составители летописца ставили под сомнение необходимость подчиняться власти хана, а стало быть, и саму власть.

Надо полагать, что изменение терминологии отражало и изменение восприятия характера взаимоотношений князей с верховной ордынской властью. В чем же заключалось это изменение?

В первую очередь необходимо отметить, что слово «честь» относится к словам, «которые выражают высшую оценку деятельности или являлись атрибутами высшей власти и силы...»¹²¹. При этом честь «исходит от человека или дается ему»¹²².

В. В. Колесов пишет, что «по наблюдениям Ю. М. Лотмана, который ссылается на других исследователей, в древнерусских источниках эпохи Киевской Руси *слава* и *честь* различаются сразу по многим семантическим признакам: нематериальное или материальное выражение высшей оценки (при этом слава выше чести), небесное или земное ее выражение (маркирована слава), вечность или временность проявления (только слава вечна, честь же преходяща)»¹²³. Кроме того, Ю. М. Лотман отмечает, что «в русских источниках... честь всегда дают, берут, воздают, оказывают... Честь неизменно связывается с актом обмена, требующим материального знака»¹²⁴.

В то же время П. С. Стефанович, рассматривая понятие чести на предмет принадлежности к рыцарской чести и славе, пришел к выводам, немаловажным для поставленной нами задачи. Во-первых, «основное значение этого слова — “почет, уважение”». Во-вторых, «в силу образности и синкретичности древнего мышления под “честью” могли понимать не только уважение, которое следовало оказывать лицу, облеченному той или иной властью или саном, обладающему тем или иным статусом, но и сам сан, статус, власть». В-третьих, «в древнем понятии чести яснее всего просматривается материальная и социальная сторона»¹²⁵.

Содержательную сторону термина «пожаловать», «жаловать» проанализировал А. Л. Юрганов. В частности, он отметил, что «природа монгольского “пожалования” заключалась в том, что, по словам Платона Карпини, “всё настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: ‘Это мое или его’...”, — а потому любой владелец получал как бы часть родовой собственности семьи монгольского хана во временное пользование»¹²⁶.

Далее А. Л. Юрганов подчеркивает: «Любопытно, что слово “пожаловати” является калькой тюркского слова “soyugga” Монгольский термин “сойургал” в XIII веке означал пожалование государя служилому человеку в самом широком смысле. Источники XIV—XV веков фиксируют то, что сойургалом называют особый вид земельного владения, которым жаловался человек за службу»¹²⁷. А. Л. Юрганов делает вывод, «что слово “жаловать” семантически связано со словом “служить” (жалуют тех, кто служит)»¹²⁸.

Таким образом, в XIII веке для русской письменной традиции характерно восприятие взаимоотношения русских князей и ордынских ханов как неравноправные, но все же высшего порядка. Русским князьям оказываются достойные их статуса уважение и почет, но распоряжение их властными полномочиями исходит от ордынского хана. Тем не менее как подданные «царя» русские князья обладают определенной самостоятельностью во внешней и внутренней политике, а также в распоряжении своими княжествами.

Книжная традиция рассматривает происходящие явления в традиционных категориях: «честь» связана с матери-

альными проявлениями зависимых отношений. При этом, кроме подарков со стороны русских князей, подразумевается отдарок от хана. Вероятно, в состав такого «отдарка» входили: колчан, футляр для него, меч, шапка, украшенная драгоценными камнями¹²⁹. Данное перечисление сохранилось при описании в сокращенной редакции «Сельджук-намэ» Ибн Биби пожалования Бату-ханом власти турецкому султану. Кроме перечисленных предметов, как атрибут власти султану был передан ярлык. Надо полагать, что подобные материальные атрибуты власти тесно связаны и с древнерусским представлением о «чести».

В XIV столетии зависимость русских князей от ордынских ханов воспринимается как служба. Данное положение дел и отражает термин «пожаловать». Изменение восприятия статуса русских князей должно было вызвать и изменение оценки земельной собственности: русские княжества теперь рассматривались как владения хана. Этот вывод подтверждается формулировкой, встречающейся в русских летописях при описании событий 1349 года: «И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердь съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ»¹³⁰. То есть русская письменная традиция хотя и считала владения великого князя Владимирского и всея Руси его отчиной, но при этом также улусом ордынского хана. И это не требовало дополнительных пояснений: такое положение дел для книжника того времени и, вероятно, его читателей было в порядке вещей.

Благодаря Симеоновской летописи мы можем зафиксировать переходный момент в восприятии зависимости Руси от Орды — от «чести» к «пожалованию». Под 1278 годом авторы или редакторы летописи отмечают: «Тое же зимы в Филипово говеино преставися князь Глебъ Василковичъ Ростовский, живъ отъ рожения своего летъ 41. Сесь отъ уности своя, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Рускыя земля, нача служити имъ...»¹³¹. Здесь появляется термин «служить», тесно связанный, как показал А. Л. Юрганов, с понятием «жаловать».

Таким образом, категории «чести» и «жалования», встречающиеся на страницах древнерусских памятников, отражают изменение восприятия отношений русских князей к ор-

дынской верховной власти. Это, в свою очередь, показывает, по всей вероятности, изменение властных и поземельных взаимоотношений Руси и Орды в пользу усиления собственных претензий последней на протяжении XIII—XIV столетий. Содержательный смысл данных изменений выразился в приобретении русскими князьями статуса не только «улусников», но и «служебников» ордынского хана.

5. Оценка русско-ордынских отношений в правление Ивана III и концепция ордынского владычества Вассиана Рыло

По мнению А. Н. Никитина, «изучение древнерусских текстов XIII — первой трети XVI века показало системообразующее значение ордынского периода в процессе формирования российской государственности». Он считает, что «в джучидский период на северо-востоке и на северо-западе Руси сложилось представление о существовании на ордынском пространстве системы царств во главе с верховным властителем», но при этом полагает, что этот «период был также временем развития идеи русского царства. Подчиняясь повелителям всех татар и русских, князья Северо-Восточной Руси постепенно обретали прерогативы царей Орды». То есть «формирование российской государственности определялось не антиордынской борьбой, а сосредоточением в руках московских князей прерогатив верховных властителей»¹³².

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что со второй половины XV столетия упоминания об Орде и татарах носят редкий и отрывочный характер. Это говорит о том, что отношения Руси и Орды для летописца стали не столь актуальны, как в предыдущие годы. Орда становится для русских писателей внешнеполитическим фактором. Показателем этого может служить восприятие в источниках ордынских послов именно как представителей иноземного государства («Того же лета (6982 (1476) года. — Ю. С.) месяца иуля 7 пришел из Орды Микифоръ Басенков с послом царевымъ Ахмутом Болшиа орды с Кара Кучумом, а с ним множество татаръ пословых было 6 сот, коих кормили, а гости с коньми и со иным

товаром было 3 тысячи и двесте, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много... Того же месяца 19 отпустил князь великы посла Болшиа Орды Кара Кучюка. А с ним посла своего Дмитрея Лазарева, да и Венецейского посла Ивана Тривизана с ним же отпустил, а помогши ему всем, и людьми и коньми и поминкы»¹³³).

Во-вторых, внимание летописцев расплывается в связи с распадом Орды на отдельные ханства. Авторы различают казанских, крымских татар, татар Большой Орды. Важное значение в этот период приобретают взаимоотношения с Казанским ханством. В 1460-е годы в московском правительстве созревает план поставить на ханство своего ставленника. При этом летописец подчеркивает, что все действия Москвы связаны с борьбой за веру: «все хотим на оканных Татаръ за святые церкви и за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство» (1469 год)¹³⁴.

Наибольшую актуальность с начала 1470-х годов приобретают отношения Москвы и Большой Орды. Происходящее в это время также рассматривается в рамках борьбы за веру. В частности, при описании событий 1472 года, когда хан Ахмат попытался прорваться на Русь в районе города Алексина, летописец отмечает, что ордынская армия отступила от границ Руси «по не же бо всемилостивый человеколюбец богъ, милуя род христианьски, посла и смертоносную язву на Татаръ, начаша бо напрасно умирати мнози в полце их, и убоавшеся бегу яшася... Сие бысть милосердие господа нашего Иуса Христа на нас грешных, и толика победа на противных сыроядецъ, молитвами и молением пречитыа матери его владычица нашеа богородица и приснодевы Мариа и заступлениемъ честных небесных сил бесплотных и всех святых и святых чудотворецъ Русскихъ, пресвященных митрополит наших Петра, Алекея и Ионы и прочих всех»¹³⁵.

Наибольшее число откликов в русской письменной традиции получили события конфронтации Москвы и Орды летом—осенью 1480 года. Летописная «Повесть о стоянии на Угре» оценивает эти события однозначно — противостояние православной веры и иноверцев. В первую очередь летописец отмечает, что «царь Ахмат идетъ со своею ордою и царевичи, уланы и князьми... хотя разорити христианство»¹³⁶. Ве-

ликий князь Иван III в Москве совершает молитвы, «прося помощи и заступления православному христианству». При этом на совете с митрополитом Геронтием, с матерью Марфой, дядей Михаилом Андреевичем, архиепископом Вассианом великого князя «молиша его великим молением, чтобы стоял крепко за православное христианство противу бесерменству»¹³⁷. Отступление ордынских войск рассматривается как Божья милость: «И тако избави богъ и пресчитая Рускую землю от поганых... прииде князь великий на Москву из Боровска и похвали бога и пречистую богородицу, глаголюще: “Ни аггел, ни человекъ спасе нас, но сам господь спасе нас пречистые и всех святых моленми”»¹³⁸.

Немаловажна в «Повести...» оценка эвакуации жены Ивана III великой княгини Софьи. Автор отмечает: «Тое же зими прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татарь, а не гоняль никто. И по которым странам ходила, темь пуще стало татарь, и оть боярьских холоповь, от кровопийцев христианских. Воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом рук их, дай же им. Быша бо их жены тамо, возлюбиша бо паче жены, неже православную христианскую веру и святые церкви, в них же просветишася и породившеся банею святого крещения, согласившеся предати христианство, ослепи бо я злоба их»¹³⁹. Таким образом, подвергаются осуждению все те, кто в суровую пору 1480 года уклонился от борьбы. Они объявлены отступниками от веры, и их ждет наказание Всевышнего.

Те же мотивы борьбы за православную веру мы встречаем в публицистических произведениях. В частности, в послании митрополита Геронтия Ивану III на Угру говорится: «...и о подвизе вашем, еже с божьею помощью и заступленьем мужествене добре стоите за дом святыя и живоначальна Троици, отца и сына и святого духа, и за дом Пречистыя Богородици и великого чудотворца Петра, и за вся святыя божиа церкви всея Руския земля, и за свою святую чистую нашу пречестнейшую веру, еже во всей поднебесней яко же солнце сияше православье в области и державе вашего отчества и дедства, и прадедства великого твоего господства и благородия, на ню же сверепует гордый он змий вселукавый, враг диавол, и въздвизаеть на ню лютую брань поганым

царем и его пособники, поганых язык, их же последняя зрят во дно адово, идеже имут наследовати огонь вечный неугасимый и тму кромешнюю»¹⁴⁰. И далее подчеркивается: «А еже, господине и сыну, во ополчении вашего пречестнаго подвига и благочестия случится кому от православных на той брани убьену быти за дом Пречистыя Богородици и за святыя церкви, и за все множество народа, людей православных, их же Христос искупи от мучительства адова честною своею кровию и той по реченному господню словеси второе святое крещение мученическое примет и пролитием своея крове очистится и отмыет от душа скверну своих согрешений, и добре место небесная и во труда место и хождения вышняго града наследье...»¹⁴¹.

Таким образом, митрополит объявляет войну с Ахматом битвой за веру; гибель русских воинов в этой войне приравнивается Геронтием к жертвенной смерти Иисуса Христа.

Еще более концентрированно призыв к открытой борьбе с Ахматом как противником истинной веры прослеживается в «Послании на Угру Вассиана Рыло». Оно появилось как следствие обеспокоенности ростовского архиепископа Вассиана (1467—1481) сведениями о колебаниях Ивана III во время «стояния на Угре». Вассиан призывает великого князя к решительным действиям против Орды, приводя в пример библейские сюжеты и деятельность его предков¹⁴².

Оценка позиции ростовского архиепископа в историографии различна. Некоторые авторы считают, что спор Вассиана с великим князем свидетельствует о принадлежности его к так называемой «консервативной группе феодалов». К примеру, П. Н. Павлов полагает, что «не выступает Вассиан в роли “мужественного патриота” и “прогрессивного деятеля”»¹⁴³. И в этом мнении он примыкает к А. Е. Преснякову, который писал, что «“церковники-иерархи” с преувеличенной риторикой требовали битвы в самый неподходящий момент, а затем по-своему окрасили изложение всей этой истории»¹⁴⁴.

Однако большинство исследователей (например, Л. В. Черепнин¹⁴⁵, А. Н. Насонов¹⁴⁶, Ю. Г. Алексеев¹⁴⁷) видели в Вассиане одного из идеологов складывающегося Русского государства. Н. М. Карамзин, в частности, подчеркивал, что

Вассиан был «старец ревностный ко славе отечества»¹⁴⁸. И. М. Кудрявцев делает вывод: Вассиан считал, что «пришло время освобождения и великий князь Московский должен выполнить свою великую миссию вождя-освободителя, миссию нового библейского царя-судьи». И аргументы Вассиана «усиливаются тем, что пронизаны идеями своего времени... главные из которых — идея богоизбранности русского народа, идея богоустановленности власти великого князя, идея преемственности власти московского князя от великих князей Киевских и другие. Все это идеологическое снаряжение подчинено главному стремлению к национальному освобождению и укреплению русского централизованного государства»¹⁴⁹.

А. А. Горский в своем исследовании «Москва и Орда» отмечает, что Вассиан призывал к активной вооруженной борьбе с ордынским ханом, который на протяжении XIII—XV веков считался сюзереном русских земель и носил титул «царь». Однако ростовский архиепископ, чтобы подвигнуть Ивана III на активные действия, «объявляет Ахмата самозванным царем», поскольку «и сам Батый, завоевавший Русь, не был царем, и не был царским род, к которому он принадлежал, то есть род Чингисхана»¹⁵⁰.

В то же время позицию ростовского архиепископа можно уточнить, рассмотрев взгляд Вассиана на историю отношений Руси и Орды с момента завоевания до второй половины XV столетия.

В первую очередь Вассиан связывает историю Руси с библейской историей: «Ныне же дерзнух написати къ твоему благородству (Ивану III. — Ю. С.), нечто же мало хощу воспамянути от божественаго Писания, елико Богъ вразумит мя»¹⁵¹. При этом Русь называется «новым Израилем»¹⁵². В связи с этой установкой ростовский архиепископ и раскрывает взаимоотношения Руси и Орды. Вассиан говорит, что нашествие монголо-татар во главе с Батыем стало наказанием за прегрешения русских людей. Однако это не единственная причина порабощения: «Но точию наши ради согрешения и неисpravления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыа, иже при-

шед разбойнически и поплени всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска». То есть наряду с грехами в качестве причины пленения особенно упоминаются отчаяние и маловерие.

Дабы избавиться от столь унижительного для христианского правителя рабского положения, необходимо раскаяние: «Яко же древле согрешающие израильтяне к Богу, и поработи их Богъ иноплеменником; егда же покаахуса, тогда воставляет имь Богъ от ихъ колена судиа и избавляаше их от работы иноплеменник...». Так же следует вести себя и русским людям: «Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не только свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, Новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»¹⁵³.

Библейская традиция связывает все несчастья израильского народа с волей Всевышнего, которую нельзя нарушить. И если ранее русская публицистика приравнивала ордынское владычество, как мы знаем, к «вавилонскому плену», который требовал от верующего смирения перед Божиим наказанием, то ростовский архиепископ вводит в свою аргументацию мотивы «египетского рабства». Избавление израильского народа от владычества египетского фараона также было связано с волей Бога. Однако переселение из Египта требовало активного сопротивления фараону. Причем Вассианом подразумевается завоевательная программа, подобно покорению израильтянами хананеев и фerezеев и пленению царя Адони-Везека (Суд. 1:4—7). Ведь Иван III, подобно ветхозаветным Моисею, Иисусу Навину и судье Иуде, объявляется освободителем «Нового Израиля». А укрепить его в этой мысли призвана оценка Вассианом именно действий Иуды по отношению к Адони-Везеку: «Июда же не усумневся и не рече тако, яко не царь есмь сый, ни от рода царьскаго, како царю съпротивлюся, но на Бога надеяние и всю надежу имея, царя царем побеждая. Поймав же и казнию повелев казнить его (Адони-Везека. — Ю. С.), и взя землю их, поработи их сыном Израилевом»¹⁵⁴.

Кроме того, активное сопротивление «окаанному мыслемому волку, еже глаголю страшливому Ахмату»¹⁵⁵ Вассиан

связывает с борьбой Дмитрия Донского с ордынским темником Мамаем. Князь Дмитрий «не пощаде живота своего избавления ради христьянского!». Он был готов «и до смерти страдати за веру и за святые церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овецъ, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мучеником»¹⁵⁶. В результате он «Аггелы удиви и человеки возвесели своим мужеством, и сподвизающимися ему иже до смерти, от Бога согрешением оставление приаша и венци мученичьскими почтени быша, равно яко же первии мученици, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедания ради Христова умроша»¹⁵⁷. А те, кто «от супротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии *кровию своею отмыша первые съгрешения* (курсив мой. — Ю. С.) и яко победители крепци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человекъ, но и от Бога»¹⁵⁸.

И здесь Вассиан проводит параллели уже с новозаветной историей. Ведь жертвенная смерть на кресте Иисуса Христа приводит к искуплению грехов человечества. В частности, в Послании к евреям святого апостола Павла подчеркивается: «И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для *искупления от преступлений, сделанных в первом завете* (курсив мой. — Ю. С.), призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9: 15). Далее в Послании отмечается: «Да и все почти по закону *очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения* (курсив мой. — Ю. С.)» (Евр. 9:22).

По мнению Вассиана, нелегкая победа Дмитрия Донского над Мамаем не только и не столько показала возможность борьбы с Ордой в связи с покаянием в грехах, но и явилась искупительной жертвой, которая сделала возможным покровительство Всевышнего в противостоянии безбожным татарам. Теперь же именно в связи с новым качеством христианского благочестия, с превращением Руси в «Новый Израиль», московскому князю предстоит не только окончательно освободить ее от владычества иноземцев, «но нам и их *поработит* (курсив мой. — Ю. С.)»¹⁵⁹. Ведь власть хана не только нелегитимна политически, но и не освящена Божественной волей — он, вспомним, «богостудный» и «скверный» и потому

должен «повиноватися тебе (Ивану III. — Ю. С.), великому Русских стран христьянскому царю!»¹⁶⁰.

Таким образом, призывая Ивана III к открытой борьбе с ханом Ахматом, Вассиан в «Послании...» формулирует целостную концепцию ордынского владычества на Руси. Во-первых, связывая Русскую землю — «Новый Израиль» — с библейской историей, автор уподобляет ей историю отечественную. Отсюда вытекает сентенция о наказании за грехи. Именно так рассматривает ростовский архиепископ нашествие Батыея на русские княжества: монголо-татарское вторжение есть кара Божья за отступление русских людей от православной веры. И, подобно древнему Израилю, по факту искреннего раскаяния должно последовать помилование Руси и освобождение от власти иноплеменников. При этом мотивы искупления грехов, которые можно приравнять по значению к Воскресению, перекликаются с идейными установками «Сказания о Мамаевом побоище»¹⁶¹.

Все это подводит к объявлению не принадлежащими к царскому роду самого Ахмата и всех потомков Чингисхана, что, в свою очередь, делает вполне оправданным открытое вооруженное сопротивление ордынскому хану. Более того, Божественное покровительство, по мнению Вассиана, не только должно способствовать освобождению от иноземного владычества, но и в дальнейшем привести к покорности Орды московскому великому князю как главе «Нового Израиля». Это уже внешнеполитическая программа, которую Иван III начинает осуществлять, активно выдвигая свои войска против Большой Орды в 1485, 1487 и 1491 годах, а также устанавливая фактический протекторат над Казанским ханством в 1487 году.

Подведем некоторые итоги.

Русские книжники в прямой или косвенной форме признавали верховенство ордынского правителя над русскими землями. Со времени фактического приобретения независимости ордынского государства ханы неизменно титулуются в русских письменных памятниках «царями». Показательно, что с распадом Орды большую роль приобретает территориальная, объектная атрибуция — царский титул Джучидов

получает владетельный (Казанский, Крымский, Ногайский и т. д.) маркер.

При этом ордынские «цари» занимали четко определенное место в политической и ментальной картине мира русского книжника. Они воспринимались как верховные правители Руси, а их смерть существенным образом влияла на политическую жизнь в русских княжествах. Для сравнения можно отметить регулярную запись армянских хронистов о смерти и смене иранских Ильханов — монголо-татарских сюзеренов средневековой Армении¹⁶².

К концу XV столетия место ордынского хана на ментальной карте мира, в иерархии государств определяется все ниже и ниже вплоть до объявления ханов-Чингизидов самозванцами и, соответственно, лишения их данного титула. Тем не менее в делопроизводстве именование Джучидов царями сохраняется даже в XVI столетии.

Русские книжники не только нашли эквивалентные понятия к ордынской системе титулований, но и вплели их в повествования о событиях того времени. Четкая система титулований ордынской аристократии («князь», «великий князь», «царевич», «царев сын», «царь»; «посол») позволяет понять степень зависимости русских князей от ордынских ханов. Само по себе включение ордынской иерархической системы в культурное поле Руси свидетельствует о значительности влияния социальных институтов Орды на русскую политическую практику того времени¹⁶³.

Сами русские князья также оказываются вписанными в социально-политическую систему ордынского государства. В этой связи русские княжеские владения должны были представлять собой аналогию ордынским улусам: великие княжества — улусам-туменам (тьмам); удельные — улусам-тысячам; князья же имели статус ордынского «улусника»¹⁶⁴. Их административные прерогативы, как и ордынских владетелей¹⁶⁵, определялись ханским «жалованием», сведениями «деверей» (податных списков, по которым взималась дань с русских княжеств) и ярлыком¹⁶⁶.

О значительности влияния Орды на русские политические институты, иерархию и титулатуру свидетельствует и то, что в XV веке при ослаблении татарского государства Моско-

вия начинает рассматриваться как преемник и наследник Орды¹⁶⁷ Сюда же примыкает идеологическое обоснование принятия русскими князьями царского титула в послании Вассиана Рыло Ивану III на Угрю. Ростовский архиепископ четко формулирует зависимость: победишь царя — сам царем станешь; условием принятия царского титула становится поражение войск Орды на реке Угре в 1480 году. Во внешнеполитической практике Московского княжества становится принято ссылаться на покорение Иваном III Казанского «царства» (1487 год), на которое ранее распространялся ордынский «царский» суверенитет. В ряде документов Иван III начинает фигурировать с титулом «царь», перешедшим к нему от хана в силу одержанных военных, дипломатических и политических побед¹⁶⁸.

Глава 2
Правящий слой Джучиева Улуса
в XIII–XV веках

Сын благородного отца,
Не возьму я себе бойца,
Если мне свое племя-род
Этот воин не назовет.

*Татарский народный эпос
«Идегей»*

1. Социально-политическая организация Улуса Джучи в XIII–XV веках

Завоевания Чингизидов в XIII веке привели к образованию на обширных пространствах Евразии огромной империи, которая к концу столетия распалась на ряд самостоятельных и полусамостоятельных ханств.

Улус Джучи (в русских источниках XIII–XV веков — Орда, а с XVI века — Золотая Орда) был образован при выделении старшему сыну Чингиз-хана кочевого удела. Как убедительно показано М. Г. Сафаргалиевым, это произошло в 1207–1208 годах¹⁶⁹.

После похода монголо-татарских войск на государство хорезмшахов в 1219–1221 годах и его покорения владения Джучи расширились за счет захваченных земель. В частности, старший сын Чингиз-хана получил город Ургенч (Хорезм) и степные территории по берегам реки Иртыш. Там же на Иртыше располагалась и ставка Джучи.

После смерти Джучи-хана в феврале 1227 года во главе улуса стал его второй сын Бату (в русских источниках Батый). При нем территория улуса значительно выросла. За две военные кампании (1229–1230 годы и 1235–1242 годы) были присоединены степные территории Башкирии, Дешти-и-Кипчака (половецкой степи), завоеваны Волжская Булгария, Русь, признало свою вассальную зависимость от татар Закавказье.

В 1260-х годах Монгольская империя переживала острый политический кризис, связанный с борьбой за верховную власть. Глава Джучиева Улуса Берке (сын Джучи) поддержал в борьбе за верховный престол в Каракоруме после смерти Менгу Ариг-Бугу, тогда как глава Ирана Хулагу — Хубилая. Это привело к военному конфликту, который развивался с переменным успехом. Ордой было окончательно потеряно Закавказье, перешедшее под юрисдикцию Улуса Хулагу. В то же время победа в борьбе за имперский трон Хубилая поставила Улус Джучи в оппозицию к центральной власти и привела к фактической независимости.

В 1280–1300 годах Орда испытывала политический кризис, связанный с борьбой за власть. Этот период тесно связан с деятельностью праправнука Чингиз-хана Ногая, который, не претендуя сам на ханский престол, тем не менее создал второй политический центр на западе Улуса Джучи. Борьба великих ханов с его военно-политическим влиянием завершилась победой хана Токты и гибелью Ногая в 1299 году.

Период с 1300 по 1357 год традиционно считается в историографии временем наивысшего могущества Джучиева Улуса¹⁷⁰. Начало этого периода принято связывать с именем хана Токты (1291–1313 годы)¹⁷¹. Во многом основой данного суждения является свидетельство в персоязычном «Продолжении сборника летописей» о том, что «в дни его царствования... весь улус его стал богат и доволен»¹⁷².

Значимые достижения в военном, политическом, экономическом и культурном развитии связываются с именами ханов Узбека (1313–1342 годы) и Джанибека (1342–1357 годы). Приходу к власти Узбека в 1313 году сопутствовало принятие ислама как государственной религии. Мусульманское духовенство с этого времени начинает играть при дворе значительную роль, нередко определяя направления внешней и внутренней политики.

После смерти хана Джанибека Орда вступает в период острого политического кризиса. Русские источники метко называли его «великой замятней». На протяжении 1360–1380 годов на ханском престоле, по различным оценкам, побывало от 16 до 20 претендентов¹⁷³. Были нарушены политические и экономические связи отдельных регионов ордынского государства, которое было поставлено на грань распада.

В 1380–1395 годах великому хану Токтамышу удалось объединить под своей властью практически всю бывшую территорию Джучиева Улуса. Однако война Орды со среднеазиатским полководцем Тимуром не принесла ожидаемой победы. Более того, в результате двух походов (1391 и 1395 годов) Тимур удалось разгромить основные силы Орды, разорить ее города. Экономика страны была окончательно подорвана¹⁷⁴.

Попытку восстановить Джучиев Улус предпринял эмир Идегей. Управляя страной от имени ханов Шадибека (1400–1407 годы), Булата (1407–1411 годы) и в начальный период правления Тимура (1411–1412 годы), он на короткое время добился относительного единства страны. Однако постоянная политическая оппозиция в лице Токтамыша и гибель в 1405 году его сыновей не позволили эмиру добиться прочных результатов. В одном из междоусобных столкновений в 1419 году он погиб.

С этого времени Орда как единое государственное образование фактически перестает существовать; активно идет процесс распада. В 20-е годы XV века от нее отпадают восточные владения: образуются Сибирское, Казахское, Узбекское ханства и Ногайская орда¹⁷⁵. На протяжении 1438–1445 годов свергнутый хан Улуг-Мухаммед ведет самостоятельную политику, которая завершается появлением на карте Восточной Европы самостоятельного Казанского ханства¹⁷⁶. С со-

бытиями 1445 года исследователи связывают организацию Касимовского ханства¹⁷⁷. В 1460-е годы начинается активная борьба за самостоятельность Крымского и Астраханского улусов, продолжающаяся с разной интенсивностью и переменным успехом вплоть до 1502 года¹⁷⁸. Самым крупным осколком Джучиева Улуса оказывается Большая (или Великая) Орда, занимавшая кочевья от Днестра до левобережья Волги¹⁷⁹. Однако с 1456 года, с потерей Ак-Кермана, который захватили турки, татары Большой Орды не рискуют кочевать даже в правобережье Днепра. Не часто они появляются и в левобережье Волги¹⁸⁰.

Социальная структура ордынского государства и ее эволюция в XIII–XV веках достаточно подробно рассмотрены в монографии Г. А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды». Во главе всех Чингизидов в XIII веке выступал каган (каан). За ним в иерархической системе следовал хан — глава какой-либо основной чингизидской ветви — потомков Угедея, Хулагу, Джучи, Джагатая. Следующую ступень занимали царевичи-Чингизиды. Далее следовали нойоны (беки, эмиры) — по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, представители аристократии, обычно не связанные кровным родством с Чингизидами. «Это были либо главы родов, находившиеся в вассальной зависимости вместе со своим родом, т. е. потомки старой дочингизовской аристократии, не порвавшей еще связей со своим родом или племенем... либо назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел-улус, в который часто входили разные и чуждые самому военачальнику*племена, либо, наконец, служилый слой аристократии при дворе хана или каана». Слой, который можно сопоставить со служилым дворянством, составляли нукеры («верный слуга», «друг», дружинник), которые обычно являлись выходцами из аристократического рода, пришедшего в упадок¹⁸¹. Социальную систему замыкали массы кочевых и оседлых трудящихся.

Перед нами выстраивается довольно сложная иерархическая система, в основе которой изначально была неоднородная общность с правящим родом в качестве аристократии. Принадлежность к этой общности была закреплена в генеалогии¹⁸².

Именно поэтому важной стороной общественной системы Джучиева Улуса является его родоплеменная, клановая дифференциация¹⁸³. Можно согласиться с мнением Д. М. Исхакова и И. Л. Измайлова о том, что «вся внутренняя политика в Золотой Орде вращалась вокруг двух основных элементов политической власти — дома Чингизидов и кланово-племенной организации с ядром в виде конфедерации четырех «правящих племен»»¹⁸⁴. При этом Орда по сравнению с Монгольской империей эпохи завоеваний представляла собой более сложный социальный организм, фактически — государственное образование. В Джучиевом Улусе мы уже наблюдаем расчлененность этнического и потестарного* сознания, тогда как для империи было характерно его совмещение¹⁸⁵.

Не стоит смешивать социальную (социально-политическую) и этническую (этнополитическую) системы отношений — это две различные грани в политической жизни ордынского общества. В каких-то моментах они пересекаются (к примеру, в кровнородственном влиянии на социальный статус отдельного представителя элиты), в каких-то — диаметрально противоположны.

Социально-политическая иерархия нашла отражение и в системе титулований представителей аристократии. Главой империи являлся каган (хан ханов)¹⁸⁶. Он выдавал ярлыки на владения региональным ханам и в 1240—1250-х годах ряду русских князей. Во главе Джучиева Улуса, одного из региональных владений, стоял хан¹⁸⁷ (к 1270-м годам он стал фактически независимым правителем и возглавил социальную структуру, заняв место кагана). За ним следовали «царевичи» Чингизиды — потенциальные претенденты на трон¹⁸⁸. В военном плане они, как правило, командовали 10 000 воинов — то есть были темниками и возглавляли соответствующие улусы (тумены или тьмы — число жителей и территории, способные мобилизовать или содержать десятитысячный корпус).

*Термин «потестарность» (от *лат.* potestas — власть) связан с характеристикой обществ, в которых уже существует устойчивые иерархические отношения и как следствие этого — публичная власть, но государства еще нет. — *Прим. ред.*

Далее шли еке нойоны (XIII век) или старейшие (великие) эмиры (XIV век) — темники, не являвшиеся по происхождению Чингизидами¹⁸⁹. Об этом наглядно свидетельствуют данные русских источников. К примеру, в Московском летописном своде конца XV века при описании карательной экспедиции, посланной ханом Узбеком зимой 1327—1328 годов на Тверь для подавления вспыхнувшего там восстания, «темники» и «великие князья» прямо отождествлены между собой: «Того же лета (1327 год. — Ю. С.) поиде великий князь Иван Данилович во Орду, а на зиму прииде из Орды на Русь, а с ним пять темников, великих князей»¹⁹⁰. Статус ордынских «царевичей» и «великих князей» фактически сопоставлен между собой в послании российского духовенства князю Углицкому Дмитрию Юрьевичу от 29 декабря 1447 года: «Не те же ли пак царевичи и великие князи у сего царя Седи-Яхмата, которые тогда и у того царя (Улуг-Мухаммеда. — Ю. С.) были да тоже дело делали?»¹⁹¹. То есть царевичи поставлены на первое место в сравнении с великими князьям, но статус и тех и других обозначен ниже царского/ханского.

Еще ниже числились нойоны (XIII век) или эмиры (XIV век) — тысячники¹⁹².

В эту систему иерархии были включены и представители национальных (русской, сербской, болгарской, армянской и др.) аристократий завоеванных монголо-татарами земель¹⁹³.

Особенностью источниковой базы истории Джучиева Улуса является отсутствие собственно ордынских летописных произведений. Небюрократически из среды ордынского общества происходят лишь ярлыки ордынских ханов и татарский народный эпос «Идегей». Но политическая, экономическая и культурная жизнь страны нашла отражение в хрониках других стран (русских летописях, восточных — арабских, персидских, армянских, грузинских — хрониках, записках западноевропейских путешественников т. д.). Необходимо отметить, что в анналах соседних стран попадали события, связанные в первую очередь с деятельностью высших слоев общества. То есть мы можем на основе имеющихся в нашем распоряжении источников составить представление исключительно об элите Улуса Джучи.

Цель настоящей главы — попытаться выяснить принципы формирования и существования элиты Орды, системы взаимоотношений отдельных членов и групп, составлявших элиту, функции элиты, а также степень влияния процессов внутри элиты на политическое, социально-экономическое, внутри- и внешнеполитическое развитие Джучиева Улуса. Речь идет о периоде с начала 40-х годов XIII века, когда после похода на Европу Джучиев Улус максимально расширил свои границы; политически с этого времени он представляет собой значительную единицу. Завершается же этот период в первой трети XV века, когда Золотая Орда, распад которой начался в 1420—1430 годы, перестала существовать как политическое и государственное образование.

2. Правящий род Джучиева Улуса

К высшему слою элиты Орды относились прямые потомки Чингиз-хана, которые составляли правящую верхушку аристократии. Чингизиды могли претендовать на ханский престол¹⁹⁴. Представители других родов и кланов были лишены возможности стать во главе государства.

Основа такого положения была заложена Чингиз-ханом. Как полагает В. В. Трепавлов, в политической традиции кочевников Великой Степи власть монарха и его рода была тесно связана с представлениями о сакральном характере главенства в государстве. В качестве одной из иллюстраций В. В. Трепавлов приводит надпись на печати каана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246 год): «Силою вечного Неба беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык». В. В. Трепавлов отмечает также, что «представление об империи как о сфере управления и власти только чингисидской ветви тайджиутского рода борджигинов отразилось на особенностях престолонаследия. Родовой принцип передачи трона был ведущим в улусных ханствах, что... традиционно для политических образований Великой Степи»¹⁹⁵. Данное положение запечатлено и в Билике — высказываниях Чингиз-

хана и его потомков, приравненных к правовым нормам (в отличие от Ясы — письменного права Монгольской империи).

Сила традиции и правовые нормы удерживали такое положение дел на протяжении всего существования ордынского государства. Например, «Аноним Искандера», повествуя о восшествии в 1411 году на престол Орды Тимур-хана и о его противостоянии Идегею, отмечает, что у ордынцев «всегда было стремление к проявлению себя как державы потомков Чингиз-хана»¹⁹⁶. В то же время к первой половине XV века относится появление претендентов на ханский престол из других знатных родов. Идеологическая борьба между приверженцами традиционного господства Чингизидов и представителями других династий ярко отразилась в эпосе «Идегей». В «Песне тринадцатой» от имени Токтамыша говорится:

От Чингиза веду я свой род.
Пусть Идегей на престол взойдет,
Голову мне велит отрубить,
Но ему никогда не быть
Падишахом, чей предок Чингиз.

Точно такое же положение наследования власти родом закрепились и за отдельными частями Джучиева Улуса. Например, правое крыло Ак-Орда (Белая Орда) наследовалось родом Бату, а левое крыло Кок-Орда (Синяя Орда) находилось во владении потомков Орды-Ичена, старшего брата Бату¹⁹⁷. По тому же родовому принципу происходило наследование улуса Шейбана¹⁹⁸.

При этом потомки Джучи не могли претендовать на высшие государственные должности в других улусах (во владениях потомков Чагатая, Угедея и Тулуя).

По праву рождения потомки Джучи также получали первоочередное право на высшие государственные должности. По данным персидских авторов, при Бату и Берке на должность «командующего войсками» — беклярибека — был назначен правнук Джучи Ногай (Иса-Ногай)¹⁹⁹. А после его гибели эта должность досталась сыну великого хана Ток-

ты — Иксару (Ильбасару), который исполнял обязанности «командующего войсками» до своей смерти (между июнем 1309 и маем 1310 года)²⁰⁰.

Столь же непрерываемое первоочередное право Чингизиды имели на выделение улусных владений. Наиболее ярко это прослеживается на примере разделения завоеванных кыпчакских степей после возвращения армий Бату из похода на Западную Европу в 1242—1243 годах. Улусы получили все братья Джучиды, а также их взрослые сыновья. Достоверно известно, что уделы получили Бату (междуречье Волги и Яика²⁰¹); Берке (на Северном Кавказе, а затем в — левобережье Волги²⁰²); Шейбан (междуречье Эмбы и Сырдарьи, с севера удел был ограничен бассейном рек Иргиз, Савук, Орь, Илек и Уралом, с юга — северным побережьем Аральского моря²⁰³); Орду-Ичен, Удур, Тука-Тимур, Шингкур, Сингкум (их уделы составили левое крыло Джучиева Улуса — Кок-Орду²⁰⁴); старший сын Бату — Сартак (междуречье Дона и Волги²⁰⁵).

Подобная процедура наблюдается также около 1380 года, когда Токтамыш подчинил междуречье Днепра и Волги — так называемую «Мамаеву Орду». Эти земли были распределены между сторонниками великого хана, и в первую очередь между Джучидами. Уделы получили Бек-Ярык-оглан (левобережье Днепра²⁰⁶), Бек-Ходжа (полуостров Крым²⁰⁷), Бек-Булат (Подонье²⁰⁸).

Немаловажное значение для социально-политического и экономического статуса имело и родство с родом Чингиз-хана по женской линии. В XIV — первой трети XV века, когда должность «командующего войсками» всё чаще стала оказываться в руках служилой аристократии, ее неизменно занимали родственники великого хана, как правило, зятя — гургены. К таковым относятся Кутлуг-Тимур и Иса-бек при Узбеке, Мамай в период «великой замятни», Идегей при Тимур-Кутлуке и Шадибеке. Владетели улусов также приобретали большой социальный вес в случае женитьбы на родственнице хана. В XIII веке известен Картан, муж сестры Бату. Наконец, женитьба русских князей на ордынских царевнах увеличивала их шансы в борьбе за княжеские титулы. В XIII веке Федор Ростиславович Черный после женитьбы

на дочери великого хана сумел укрепить свои права на ярославский стол. В 1317 году, взяв в жены сестру Узбека Кончаку, приобрел владимирский великокняжеский титул князь Юрий Данилович Московский.

Приближала к высшему слою Джучиева Улуса и выдача замуж дочери за Чингизида, особенно за великого хана или наследника престола. Так поднялся по иерархической лестнице Иса-бек — отец Урдуджи, жены Узбека. Кроме того, он женился на Иткуджуджук, дочери великого хана Узбека²⁰⁹, то есть был одновременно и ханским зятем, и ханским тестем. В 1411 году попытался упрочить свое положение Идегей, выдав свою дочь замуж за хана Тимура.

О том, сколь важное значение высший слой ордынской аристократии придавал родству с домом Чингиз-хана, свидетельствует процесс принятия решения о выдаче замуж царевны из рода Чингиз-хана за границу (например, за египетского султана). Разработка брачного соглашения длилась около четырех лет. Причем обсуждался договор высшим советом государства, состоявшим из семидесяти эмиров²¹⁰. То есть решение носило не семейный или родовой, а общегосударственный характер.

Женщины, принадлежавшие к роду Чингиз-хана (матери, сестры, жены, дочери), имели право на участие в государственных делах (например, Джиджек-хатун, Тайдула и др.). Нередко они становились регентшами при малолетних ханах²¹¹. Вдовы управляли улусами своих мужей и распоряжались их имуществом. На протяжении XIII—XIV веков наблюдается их активное участие в придворных интригах и борьбе за власть. Большую роль в политической жизни женщинам из дома Чингиз-хана отводит и эпос «Идегей».

Чингизиды и их ближайшие родственники занимали привилегированное положение и в правовой системе ордынского государства. По нормам Ясы в случае нарушения законодательства представителями рода «один раз, пусть его усовещают словом; если сделает вопреки два раза, пусть действуют на него красноречием; в третий раз же пусть пошлют его в отдаленное место (ссылка)... Когда он сходит туда и возвратится — он будет внимателен. Если же он не образумится, пусть посадят его в оковы и тюрьму. Если выйдет оттуда

добронравным и образумившимся — очень хорошо; в противном случае пусть соберутся все родственники, составят общее совещание и положат, что с ним делать»²¹². Отголоски этой нормы прослеживаются в татарском народном эпосе «Идегей», где повествуется, как знатный бий Урман был четырежды пойман на воровстве, после чего казнен. Причем решение о казни Урмана принимал совет из девяноста «знатных парней», а решение о смертном приговоре Идегей в отчете Токтамышу аргументирует тем, что:

Таков закон в державе твоей:
Если, трех укравши коней,
В четвертый раз попадется вор, —
Повелевает твой приговор
Вору голову отрубить.

Ярким примером, свидетельствующим о неподотчетности Чингизидов общегосударственному суду, стало событие, последовавшее за смертью Ногая. После поражения в битве с Токтой Ногай бежал с поля боя, но был настигнут и убит русским воином²¹³. Хан Токта казнил этого воина за убийство Чингизида без суда родственников. Аргументацией смертного приговора стали следующие слова: «Правосудие требует смерти его, чтобы не появился снова кто-нибудь, который сделал подобное этому», а также: «...простой народ да не убивает царей»²¹⁴.

Таким образом, судить и казнить представителя рода Чингиз-хана мог только общий совет представителей данного рода.

Ордынские ханы имели фактически неограниченную власть над своими подданными, в том числе и над представителями элиты Джучиева Улуса. Но, будучи, по сути, гарантом стабильности, правопорядка и процветания государства²¹⁵, кроме прав ордынский властитель имел и ряд обязанностей. Как пишет В. В. Трепавлов, «власть государя осуществлялась по трем направлениям: охрана целостности и укрепление державы (эля, улуса); забота о ее населении, народе; ведение завоевательных войн, забота об армии»²¹⁶. При возведении на престол с претендента брали обещание править спра-

ведливо под угрозой свержения. То есть неисполнение ханом своих обязанностей давало право нойонам (эмирам) оставлять службу этому государю и даже право отстранить его от власти.

Примером может служить судьба хана Туда-Менгу. По сведениям Рашид-ад-Дина, он царствовал «некоторое время». Затем, около 1286 года, Алгуй и Тогрыл, сыновья Менгу-Тимура, и Тула-Бука и Кунчек, сыновья Торбу, его сместили «под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет»²¹⁷. То есть когда в результате «помешательства» Туда-Менгу не мог более исполнять свои обязанности, он был отстранен от власти советом Чингизидов.

В «Сокровенном сказании» одним из преступлений великого каана признано несправедливое убийство им подданного²¹⁸. Несправедливая прямая угроза жизни эмира со стороны государя могла быть принята как оправдание прекращения ему службы. Так, оправданием побега Токты из ставки хана Тула-Буки, а затем свержения правителя в 1291 году была, по данным Рашид-ад-Дина, угроза смерти: «двоюродные братья покушаются на мою жизнь»²¹⁹. Столь же верным оправданием убийства хана служит его намерение убить Ногаю²²⁰.

Одними из главных мотивов прекращения службы Токтамышу Идегеем приводится нарушение ханом своего долга правителя:

Лишил ты мой народ земли,
У него, значит, счастья нет...
...значит, справедливости нет,
Правды нет в державе твоей²²¹.

3. Служилая знать Орды

Следующий слой элиты Джучиева Улуса представлен служилой знатью — нойонами (эмирами, беками, князьями).

Начало формирования этого слоя было положено еще Чингиз-ханом при распределении тысяч и десятков тысяч (туменов) в 1206 году. Провозглашенный ханом, он лично

назначил каждого из тысячников и темников²²². Таким же образом осуществлялись назначения и при его преемниках, в том числе при дворе ордынских ханов.

Социальная структура слоя служилой знати повторяла военную организацию империи — место эмира в системе определялось его военным статусом: выслуженным или наследственным. В силу своего положения эмиры получали соответствующий их статусу улус (эмиры-темники — улусы-тумены, эмиры-тысячники — улусы-тысячи).

Социальный статус был закреплён в системе титулований. Эмиры-темники к своему титулу «нойон» получили добавление «еке» — великий²²³. К XIV веку монгольское наименование стало заменяться тюркским термином «бек». В персидской и арабской письменной традиции нойонов и беков называли «эмирами», а на Руси — «князьями».

В систему ордынской иерархии были включены также представители знати завоеванных монголо-татарами государств. Подобно собственной кочевой служилой знати, владетели русских княжеств, сербских, болгарских, армянских земель получали ярлыки на свои владения, то есть назначались на военные и административные должности, а их земли приравнивались к ордынским улусам. В частности, русские князья оказались четко вписаны в социальную систему и систему ордынских титулований. Великие князья приравнивались к еке-нойонам (темникам), а князья к нойонам (тысячникам)²²⁴.

Принципы формирования служилой знати были закреплены в Ясе: «Всякий кто может вести верно свой дом, может вести и владение; всякий, кто может устроить десять человек согласно условию, прилично дать тому и тысячу и тьму (тумен. — Ю. С.), и он может их устроить хорошо»²²⁵. Наряду с условиями продвижения по службе существовали и условия отстранения от должности: «Всякого бека, который не может устроить свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми и выбираем в беки кого-нибудь из его десятка. Так же поступаем с сотником, тысячником и темником»²²⁶. Как видно из приведенных отрывков, социальная иерархия дублировала военную иерархию, то есть формирование слоя опиралось на правила формирования командного состава.

Примером продвижения по служебной лестнице и одновременно повышения социального статуса может служить биография эмира Байдера. В 1320 году он возглавлял ханское посольство к Юрию Даниловичу Московскому и Владимирскому. Русские летописи называют его «князем», то есть в это время он был эмиром-тысячником. Под 1334 годом Байдеру упоминает арабский путешественник Ибн Баттута. В это время эмир возглавлял пятитысячный отряд и сопровождал в Константинополь жену великого хана Узбека, византийскую принцессу Баялунь. Поскольку в системе социальной иерархии Золотой Орды не предусмотрено место для командующего пятью тысячами воинов, то, вероятно, к этому времени Байдера дослужился до темника и был «великим эмиром» («еке нойоном») ²²⁷. В 1340 году Байдера участвовал в посольстве в Египет. К этому времени он занимал должность «начальника охоты» и назывался «вельможей». Таким образом, Байдера вошел в ближайшее окружение великого хана, вероятно, в его гвардию.

Возможность продвижения вверх по социальной лестнице отмечается и в эпосе «Идегей». В «Песне третьей» кратко пересказывается биография эмира:

Овчар вчерашний твой,
Пастух вчерашний твой,
Ставший бием теперь
Советник всегдашний твой... ²²⁸

Низшую ступень в ордынской иерархической системе занимали представители среднего командного звена — сотники и десятники, которые подчинялись тысячникам и темникам. Потенциально они сами могли выслужиться до тысячников и темников, особенно в периоды войн. Их продвижение по службе и имущественное положение зависели от воли эмиров. Данное положение дел ярко иллюстрируется словами папского легата Плато Карпини: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми... Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» ²²⁹.

Особое место в социальной иерархии Орды отводилось гвардии правителя. При формировании особого десяти-тысячного корпуса при особе хана Чингиз-хан повелел: «Мой рядовой кешиктен (гвардеец. — Ю. С.) выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников»²³⁰. Гвардия должна была состоять и пополняться из сыновей «нойонов-темников, тысячников и сотников, а также... людей свободного состояния»²³¹. Причем сыновья нойонов-тысячников являлись с десятью нукерами и, вероятно, становились десятниками. В ведении гвардейцев, кроме охраны, состояли установка лагеря хана, провиант ставки, охота и т. д.²³² Следовательно, основные придворные должности занимали гвардейцы.

Гвардия была личной охраной великого хана, в период войн — «главным средним полком»²³³, а также являла собой высший слой военной и придворной элиты степного государства.

Надо полагать, что практика нахождения при хане гвардии сохранялась и в отдельных частях империи — владениях потомков Чингиз-хана, в том числе и в Джучиевом Улусе. Русские источники отмечают наличие при особе великого хана военизированного «двора». В «Житии Федора Ярославского» упоминаются «царева двора множество татар»²³⁴. Московский летописный свод конца XV века зафиксировал прибытие в 1393 году в Москву трех ордынских князей «двора царева»²³⁵. Под 1426 годом при описании похода литовского великого князя Витовта на Псков отмечается, что он «у царя Махмета (Улуг-Мухаммеда. — Ю. С.) испроси двор его»²³⁶. Понятие «двор» в русской письменной традиции тесно связано с понятием «личные слуги», «личная охрана»²³⁷

Об охране, функции которой совпадали с обязанностями гвардии при дворе Чингиз-хана, упоминается в эпосе «Идегей»²³⁸.

«Повесть об убиении Михаила Черниговского» сохранила упоминание о том, как Бату «посла единого от велмож своих,

стольника своего именем Елдегу»²³⁹. Плано Карпини, посетивший ставку Бату около 1245–1246 годов, называет Елдегу управляющим великого хана²⁴⁰. Есть все основания полагать, что Елдега был гвардейцем ордынского правителя и все связанные с ним определения относятся к гвардейцам.

При образовании государства в составе элиты Орды был выделен привилегированный род. Его положение определялось наследственной принадлежностью к дому Чингиз-хана, точнее, его старшего сына Джучи. Несколько позже выявился ряд аристократических родов. Например, при Бату-хане (Батые) старейший эмир (великий князь) из племени сайджиут (сиджиут) Мункеду-нойон (Мунгеду-нойон, Мунгкур) был главой левого крыла войск. При хане Токте ту же должность занимал его потомок Черкес²⁴¹.

В XIV — начале XV века выделились аристократические роды беклярибеков. В 1350–1360 годах эту должность последовательно занимали отец и сын эмиры Могул-Бука и Ильяс²⁴². На рубеже XIV–XV веков в таком же положении находились отец и сын эмиры Балтычака и Идегей²⁴³.

Необходимо отметить, что, вероятнее всего, наследственное право, закрепленное за родом, распространялось на социальный статус, титул (еке нойон — великий эмир; нойон — эмир) и улусное владение. Должности же являлись формой вознаграждения этого слоя элиты, и на них назначались претенденты из нескольких аристократических родов.

Такой вывод подтверждается наличием родовых владений у ордынской аристократии. Например, М. Г. Сафаргалиев, основываясь на родословной татарских князей Сеид-Ахметовых, Кудашевых, Тенишевых и Янгалычевых, отмечает, что ордынский князь Бехан и его род «по власти Золотой Орды царя владел многими окрестными городами и другими станицами — татарскими и мордовскими», по долине реки Мокши²⁴⁴. Далее ученый пишет: «Ту же картину мы видим в Крыму, где четыре фамилии, происходившие из четырех знатных родов (Ширин, Барын, Аргин и Яшлав), разделивши между собою весь Таврический полуостров в период захвата Крыма монголами, владели своими земельными участками до падения Крымского ханства»²⁴⁵.

Национальная аристократия завоеванных стран на первый взгляд была исключена из возникшей системы социально-политической иерархии. В частности, русские князья получали свои владения по наследству. Однако при внимательном анализе источников выясняется, что княжеские династии, которые имели право на получение инвеституры от Джучидов, были основаны — точнее, закреплены — при оформлении зависимого положения Руси от Орды в середине XIII века. Во Владимирском княжестве закрепилась династия Ярославичей (потомки Ярослава Всеволодовича); в Рязанском — Ингваричей; в Смоленском — потомков Давыда Ростиславича; в Черниговском, а с конца XIII века Брянском — Михайловичей; в Галицко-Волынской Руси — династия Романовичей. Такое положение сохранялось на протяжении всего периода зависимости Руси от Орды. Нам не известны случаи, когда какой-либо представитель этих династий занял бы великокняжеский престол в княжестве, где правила другая династия. Более того, не известны случаи вокняжения в уделе княжества с другой династией без санкции на таковые действия ханской власти²⁴⁶. Таким образом, на территории завоеванных земель была установлена система владычества, подобная ордынской. Права на княжеские владения получили княжеские роды, основателями которых были князья, первыми признавшие власть Орды над своими землями.

О закреплении монголами передачи власти по родовому принципу в Грузии, первоначально входившей в Джучиев Улус, повествует Киракос Гандзакец²⁴⁷. Он же отмечает включение в состав монголо-татарской элиты правителей Армении: монгольский полководец Чармагун «велел ему (атабеку Авагу. — Ю. С.) сесть ниже всех вельмож, сидевших при нем... Назавтра он посадил [Авага] выше многих вельмож. И так изо дня в день он оказывал ему больше почестей, пока не посадил его вместе с вельможами по рождению»²⁴⁸.

Родовой принцип распространялся в Джучиевом Улусе на все слои аристократии — как кочевой, так и не кочевой. Попытки перейти в XIV веке к династическому принципу наследования высшей (ханской) власти (Узбек — Динибек; Джанибек — Бердибек) не достигли успеха²⁴⁹.

Ордынская традиция наследования верховной власти подразумевала, по словам Г. А. Федорова-Давыдова, «особый порядок престолонаследия, при котором наследником являлся не сын, а брат или дядя или другой представитель правящего рода, который оказывался по утвердившимся в данном обществе обычаям старшим и имеющим наибольшие права». Данный порядок, «сопровождавшийся выборами правителя на совещаниях членов правящего рода — курултае, не давал возможности одной какой-либо ветви этого рода закрепиться у власти и создавал подобие некоего единства всего правящего дома как воплощение единства территории всего государства»²⁵⁰.

Однако тенденция наследования старшим в роду постоянно сталкивалась с тенденцией передачи власти от отца к сыну²⁵¹. Наиболее явные предпосылки к этому сложились после принятия ханом Узбеком ислама как государственной религии. В первую очередь это было связано со сломом той системы, которую создал Чингиз-хан. Надо отметить, что ордынская, в первую очередь кочевая, аристократия сопротивлялась исламизации — явно и тайно. Тем не менее исследователи фиксируют на рубеже XIII—XIV веков «переход от старинной системы исчисления старшинства и прав на ханский престол к укреплению единой династической линии одной ветви царевичей в ущерб курултаю и всему роду Бату»²⁵². И уже «после Узбека... права сына, прямого наследника хана, получили общее признание»²⁵³. Таким образом, наследником хана Узбека был объявлен его старший сын Динибек (Тинибек), что должно было стать основой новой традиции престолонаследия.

О старшем сыне Узбека известно крайне мало. Но именно он в 1342 году возглавляет войска, отправленные ханом Орды в набег на владения Чагатаидов²⁵⁴. Вероятно, отец хотел сделать его в глазах подданных удачливым полководцем, что также поддержало бы традицию наследования престола наилучшим военачальником правящего рода. Кроме того, наличие боеспособной армии под командованием старшего сына делало Динибека практически неуязвимым со стороны недоброжелателей и противников как за рубежами степного государства, так и внутри Орды.

Однако во время этого — не самого победоносного — похода хан Мухаммед Узбек скончался, и перед столичной знатью возникла проблема управления государством в отсутствие легитимного наследника ханского престола. Эмиры приняли решение возложить обязанности главы государства на следующего по старшинству сына Узбека — Джанибека. Как отмечается в арабской летописи «Биография султана Эльмелик-Эннасыра», «эмиры государства постановили, чтобы средний сын его (Узбека. — Ю. С.), Джанибек, правил государством до времени прибытия старшего брата его, Танибека (Динибека. — Ю. С.)»²⁵⁵.

Таким образом, «исполняющим обязанности великого хана» стал именно Джанибек. А Динибек, получив известие о смерти отца, направился в столицу Орды, «чтобы сесть на престол царский»²⁵⁶.

Когда в Сарае было получено известие о возвращении наследника, Джанибек обратился к своей матери и матери Динибека Тайтугле (Тайдуле) за советом. Он сказал, что «вот теперь является брат мой, чтобы отнять у меня царство»²⁵⁷, и Тайтугла убедила сарайских эмиров убить старшего сына. Арабские авторы объясняют такое решение хатуни тем, что она «...любила Джанибека больше других»²⁵⁸.

Эмиры выехали навстречу Динибеку, встретили его в городе Сарайчике и убили во время принесения присяги. Так Джанибек очистил себе путь к престолу. На всякий случай, чтобы обезопасить свое положение, он убил, как пишет арабский источник, «привязавшись... за что-то», и своего младшего единокровного брата Хызр-Бека и «стал править единой державно»²⁵⁹.

Таким образом, несмотря на постепенное укрепление новой традиции престолонаследия, произвол претендентов на трон играл в Орде главную роль. Этот вывод подтверждается и событиями, сопровождавшими переход власти уже от самого Джанибека к его старшему сыну и наследнику Мухаммед Бердибеку.

Фоном для смены власти в Орде послужили события в Иране, где в 1350-е годы происходило постепенное отстранение от власти династии Хулагу (внука Чингиз-хана). Страна оказалась в остром политическом кризисе, при факти-

ческом распаде и в состоянии междоусобных войн. В Орду хлынул поток беженцев.

В этих условиях Джанибек принял решение о военном походе на Иран. В 758 году хиджры (25.12.1356—13.12.1357) ордынские войска во главе с великим ханом вторглись в Закавказье и, форсировав Куру, заняли Тебриз²⁶⁰. Как сообщает Ибн Халдун, Джанибек «посылал всё новые войска в Хорасан, пока не овладел им»²⁶¹. Эласади отмечает, что 20 июля — 17 августа 1357 года в Дамаск прибыло ордынское посольство извещавшее о том, что Джанибек овладел Хоросаном «и отнял его у беззаконника и злодея Элашрефа, сына Тимурташа»²⁶². Таким образом, вторжение в Иран произошло до лета 1357 года²⁶³. В «Истории Шейх-Увейса» отмечено, что «он (Джанибек. — Ю. С.) отправился в Чагатайское государство и подчинил себе ту страну»²⁶⁴.

По данным «Анонима Искандера», «вожди стран Рума, Сирии, Дезиры, Диярбекра, Фарса и Ирака покорно и охотно направились ко двору [Джанибека] и единогласно просили, чтобы он посадил на престоле Азербайджана Бердибека, старшего [своего] сына»²⁶⁵. Хан с войсками отправился обратно в Орду, а в Тебризе наместником остался Бердибек с 50 000 человек.

По пути в Сарай Джанибек тяжело заболел. Как подчеркнуто в «Рогожском летописце», «отъ некоего приведения на поути разболелся и възбесися»²⁶⁶. Один из высокопоставленных эмиров Тоглу-бай (в русских летописях — Товлубей) направил гонца к Бердибеку и вызвал его в Сарай. Однако великому хану стало лучше, и он выразил явное неудовольствие слухами о том, что его сын покинул Тебриз. В этих условиях Тоглу-бай, Бердибек и его мать Тогай-Тоглу-хатун составили заговор.

На аудиенции у хана по приказу Тоглу-бая Джанибек был убит. Причем, как подробно описывает «Аноним Искандера», Бердибек «вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех уничтожил. Его единокровного брата, которому было восемь месяцев, принесла на руках Тайдулу-хатун (бабка Бердибека. — Ю. С.) и просила, чтобы он пощадил это невинное дитя. Бердибек взял его из ее рук, ударил об землю и убил»²⁶⁷. «Рогожский летописец» отметил под 1357 годом, что Берди-

бек «пришедь отца оудаи, а братью изби, а самъ седе на царство»²⁶⁸.

Так при переходе верховной власти в Орде главенствующее место занял произвол сильнейшего. Причем убийства ближайших родственников — претендентов на престол и первых возможных противников, привели к пресечению династии Бату — сам Бердибек на момент своей смерти не имел детей мужского пола.

В 1359 году хан Бердибек и его беклярибек и главный помощник Тоглу-бай погибли в результате государственного переворота. Как прокомментировал автор или редактор «Рогожского летописца»: «Сеже есть братью и отца оубивыи и оубиты и оубивыи оба»²⁶⁹.

Именно с этого момента в Орде наступает политическая чехарда, частая смена ханов, сопровождающаяся кровопролитием и произволом, — «великая замятня» русских летописей. Новой для ордынского государства традиции наследования власти от отца к сыну укрепиться было не суждено. На долгое время в степи главенствующим средством взятия власти стала сила.

Как бы то ни было, можно сказать, что в Джучиевом Улусе, как и в Монгольской империи (по данным В. В. Трепавлова)²⁷⁰, родовой принцип наследования в целом довлел над династическим.

Более того, родовой принцип существования распространялся в Орде на все слои аристократии, как кочевой, так и не кочевой. В Ясе говорится: «Старшие беки, которые будут начальствовать, и все воины должны, подобно тому, как, занимаясь охотой, отличать имена свои, означать имя и славу свою, когда занимаются войной...»²⁷¹. Это положение призвано было выделять зачинателей родов военной аристократии.

В «Сокровенном сказании» сохранились сведения о том, как Чингиз-ханом были заложены основы формирования отдельных родов. Согласно источнику, основатель империи заявил: «Хасаровым (Хасар — брат Чингиз-хана. — Ю. С.) наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгутаея. В таком-то разумении я

и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?»²⁷². Таким образом, власть целенаправленно передавалась одному из представителей рода. Причем в случае неспособности потомков из какой-либо ветви управлять наследством Чингиз-хана на наследство мог претендовать любой представитель рода.

О прочном господстве родового принципа на протяжении существования Орды говорят и положения татарского эпоса «Идегей». В «Песне пятой» от имени эмира Идегея говорится:

Имени отца не узнав,
Сыну я не скажу: салям!²⁷³.

В «Песне тринадцатой» от имени Токтамыша говорится:

Сын благородного отца,
Не возьму я себе бойца,
Если мне свое племя-род
Этот воин не назовет²⁷⁴.

Здесь великий хан, во-первых, ссылается на свою родовую, свое благородное происхождение. Во-вторых, указывается, что основой для поступления на военную службу служит принадлежность к тому или иному роду. Человек без «роду-племени», не знающий своих корней, не мог рассчитывать на высокое положение в социально-политической иерархии Джучиева Улуса.

Другой основой формирования и существования элиты Золотой Орды, наряду с родовым принципом, была военная служба хану и в его лице всему роду Чингизидов и государству. Данное положение было закреплено в Ясе: «Каждый мужчина, за редкими исключениями, обязан службой в армии»²⁷⁵. Другая норма монгольского законодательства гласила: «Всякий, не участвующий лично в войне, обязан в тече-

ние некоторого времени проработать на пользу государства без вознаграждения».

Известно, что и русские земли должны были пополнять золотоордынскую армию своими рекрутами. Однако после восстания 1262 года князю Александру Невскому удалось «отмолить» от этой повинности свой народ. Вероятно, в соответствии с нормой Ясы о трудовой повинности, русские княжества стали вносить определенную денежную сумму в периоды войн в составе дани либо в составе «царева запроса». О вхождении этой суммы в «царев запрос», а возможно, и того, что весь «царев запрос» состоял из «откупа» от участия в войне, говорят сведения русских летописей о приходе в 1357 году от хана Джанибека посла «именем Иткара по запрос ко всем князем русским». Далее летописцы отмечают военные действия ордынцев в Закавказье, в результате которых «царь Чанибек взял Мисюр и посади тоу на царство сына своего Бердибека»²⁷⁶.

Кочевой аристократии пункт законодательства о «трудовой повинности» открывал дорогу на гражданскую службу. Так формировалось высшее ордынское чиновничество.

Условия службы также нашли отражение в Ясе. Военная аристократия должна была участвовать в военных советах: «Беки (начальники) тьмы, тысячи и сотни, приходящие слушать наши мысли в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском»²⁷⁷. Здесь необходимо отметить, что в 1276 году в походе ордынского хана на Северный Кавказ участвовали русские войска. Вероятно, непосредственно перед военными действиями в совете принимали участие и русские князья-военачальники.

От эмиров, составлявших командный состав армии, требовалось обучать новобранцев, держать в постоянной боевой готовности свои подразделения, иметь запасы оружия для вооружения своих подчиненных²⁷⁸.

Чингиз-ханом была установлена четкая субординация. Прежде всего «он запретил эмирам обращаться к кому-нибудь, кроме государя, а если кто-нибудь обратится к кому-нибудь, кроме государя, того предавали смерти»²⁷⁹. Далее было жестко установлено, что «кто без позволения переменит пост, того предавали смерти»²⁸⁰ и что «ни один человек

не должен переходить в другое место из тех тысячи, сотни и десятка, в которых он состоит, не смеет искать другого пристанища. Никто не может впускать к себе такого [беглого] человека, а если кто-нибудь преступит данный приказ, то их публично пытаются и казнят, как того, кто ушел, так и приютившего его»²⁸¹.

Нарушение условий службы со стороны эмира влекло за собой самые жесточайшие наказания вплоть до смертной казни: «Должностные лица и начальники, нарушающие долг службы или не являющиеся по требованию хана, подлежат смерти»²⁸². Известно также, что Чингиз-хан «узаконил, чтобы старейший из эмиров, когда он проступится и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы перед ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя то было лишение живота»²⁸³.

Источники донесли до нас известия о казнях в Орде. Наиболее массовые были произведены по требованию Ногай ханом Токтой в период с декабря 1292-го по декабрь 1293 года. Были казнены эмиры Кальтикая, Ютука, Каракуюка, Маджара, Баринтоку, Куби, Юку, Туратемира, Алтемира, Туку, Байтару, Баймектемира, Байтуктемира, Байгурактайджи, Баруха, Малджука, Бурулги, Кунджука, Судука, Караджина, Хаджари, Ишку, Баяджи²⁸⁴. Все они поддержали Тула-Бугу, и их действия были расценены как измена хану и государству.

Русских князей в Орде тоже казнили по нормам Ясы. В частности, великий князь Михаил Ярославич Тверской и Владимирский был казнен по следующим обвинениям: «Горд еси непокорив царю нашему, и посла царева Кавгады соромотил еси, и с ним бился еси, и татар побил еси, и дани царевы имал еси себе, а царю еси не давал, и в немцы с казною бежати хотел еси, и княгиню Юрьеву зелием уморил еси, и князей и татар царевых побил еси»²⁸⁵. То есть в глазах татарского суда русский князь предстал как государственный изменник («непокорлив царю», «казну в Рим к папе отпустил», «в немцы с казною бежати хотел»), злоупотребляющий должностным положением («дани царевы имал еси себе»). Более того, он рассматривался как мятежник («князей и татар ца-

ревых побил»), покусившийся на жизнь представителя рода Чингиз-хана — сестры Узбека Кончаки-Агафьи («княгиню Юрьеву зелием уморил»).

В подобных же преступлениях обвиняет Василия I в 1408 году Идегей: «...послы царевы и гости изо Орды к вам приездят, и вы послов и гостей на смех поднимаете, да еще велика им обида и истома у вас чинится... А Тимур-Кутлуй сел на царство, а ты улусу государь учинился, и от тех мест у царя еси во Орде не бывал, царя еси во очи не видал, ни князей ни старейших бояр, ни меньших, ни иного еси никогда не присылывал, ни сына, ни брата ни с которым словом не посылавал. И потом Шадибек осмь лет царствовал, и у того еси такоже не бывал и ни кого еси ни с которым же словом не посылавал. И Шадибеково царство такоже ся минуло, и ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже третий год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшиаго боярина не присылывал»; и далее: «...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся деваете?»²⁸⁶. Здесь московский князь обвиняется практически по тем же пунктам, что и Михаил Тверской: 1) «непокорлив царю» (Михаил) — «у царя еси во Орде не бывал, царя еси во очи не видал» (Василий); 2) «дани царевы имал еси себе» (Михаил) — «а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся деваете?» (Василий); 3) «князей и татар царевых побил» (Михаил) — «послов и гостей на смех поднимаете, да еще велика им обида...истома у вас чинится» (Василий). Московский князь избежал лишь обвинения в покушении на жизнь представителя рода Чингиз-хана.

Показательно, что в конфликте в 1270 году великого владимирского князя Ярослава Ярославича с Новгородом Великим подобные обвинения в сторону новгородцев звучат из уст посланника Ратибора: непокорность хану («новгородци тебе не слушают...»); невыплата дани («мы дани прошали тебе, и они нас выгнали...»); неуважение к ордынскому чиновнику, которым в отрывке выступает владимирский князь («...а Ярослава беществовали») ²⁸⁷.

Итак, представитель элиты Орды, не являвшийся членом правящего рода, мог быть казнен по решению суда аристо-

кратии или указу хана. Смертная казнь применялась к эмирам (князьям), обвиненным в государственной измене, злоупотребляющим должностным положением, покусившимся на жизнь члена рода Джучи (и другого представителя знати Орды) без приказа великого хана.

Невыполнение служебных обязанностей влекло за собой отстранение от должности. Так, был смещен с должности беклярибека великий эмир Кутлуг-Тимур в 721 году хиджры (31.01.1321 — 19.01.1322) в связи с невыполнением им приказа о вторжении в Хоросан²⁸⁸. В 1322 году был лишен ярлыка на великое княжение Владимирское князь Юрий Данилович Московский. Решение это было обусловлено тем, что он «поимав серебро оу Михайловичев (Тверских. — Ю. С.) выходное по докончанию, не шел против царева посла, но ступил с серебром в Новгород Великий»²⁸⁹. Подобный мотив прослеживается и в рассказе Ибн Арабшаха об Идеее. По его сведениям, Токтамыш заявил: «И наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели», на что Идигу возразил: «Не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завять деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил»²⁹⁰.

В то же время самовольное устранение от службы законному хану неизменно рассматривалось как измена государству и должно было караться смертной казнью. К такому выводу нас приводят события, связанные с противоборством Ногай и Токты в конце XIII века.

Около 1297 года ряд эмиров Токты, среди которых были эмиры Таз и Тунгуз, «почувствовали страх вследствие одного дела, дошедшего до них... покинули его и ушли к Ногаю»²⁹¹. Вероятно, в этих словах хрониста подразумевалась угроза жизни. Великий хан потребовал выдачи этих эмиров. Ногай отказался выполнить требование хана, нарушив тем самым положение Ясы. В результате войны Ногай погиб, а эмиры продолжили службу его старшему сыну Джеке. Но последний без суда убил своего брата Теку. Этот факт вызвал недоверие со стороны Таза и Тунгуза: «Если он не пожалел брата своего, как же он пожалеет нас»²⁹². Данный мотив послужил оправданием для мятежа, поддержка которого силами Токты положила конец сепаратистским тенденциям на западе Джучиева

Улуса. Таз и Тунгуз были вновь приняты на службу к великому хану. Таким образом, в полномочия главы государства входило также и право миловать.

В 1337 году был помилован князь Александр Михайлович Тверской. При личной аудиенции у Узбека Александр Михайлович заявил: «Господине царю, аще много зло сотворих ти, во се есмь предъ тобою, готов есмь на смерть». Великий хан Узбек, однако, помиловал князя Александра; летописец отмечает, что «удивишася вси» (по данным Никоновского свода XVI века)²⁹³.

Особое место в преступлениях против государства занимала узурпация власти. Поскольку власть в степи носила сакральный характер, покусившийся на нее при живом хане должен был быть безоговорочно казнен. Например, около 1281–1282 годов были казнены Джиджек-хатун, жена Менгу-Тимура, и эмир Байтера. По данным арабского автора Бейбарса, «она правила [государством]... в царствование Тудаменгу», а эмир «выполнял приказания ее»²⁹⁴. Ордынская аристократия воспротивилась такому положению дел и, по приказу Ногая Джиджек-хатун и Байтера были убиты. Обвинение в узурпации власти играло большую роль при начале военных действий против Ногая в 1297 году («Токта... отправился на войну против Ногая... а это [произошло] оттого, что Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смешал тех из царей их, кто ему не нравился, и ставил [тех], кого сам выбирал»²⁹⁵).

Наряду с военной службой эмиры Орды выполняли дипломатические миссии. Как отмечал Б. Я. Владимирцов, посол в монгольском обществе рассматривался как представитель рода и племени, «почему особа посла считалась неприкосновенной»²⁹⁶. В этой связи у монголо-татар «есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отомстить им»²⁹⁷.

Такое же отношение к послам сохранилось и в Джучиевом Улусе.

Как правило, дипломатические миссии осуществлялись именно представителями элиты золотоордынского государства. Чаще всего в качестве послов выступали нойоны — ты-

сячники, которыми на протяжении XIII—XIV веков было большинство послов в Египет. Например, Джелаль-эд-Дин в 661 году хиджры (15.11.1262—03.11.1263)²⁹⁸; Намун в 706 году хиджры (13.07.1306—02.07.1307)²⁹⁹; Мангуш в 714 году хиджры (17.04.1314—06.04.1315)³⁰⁰; Хасан в 786 году хиджры (24.02.1384—11.02.1385)³⁰¹. В таком же статусе эмиров (князей) — тысячников выступает большинство послов на Русь.

Источники зафиксировали также случаи, когда дипломатические миссии возглавляли еке нойоны (великие эмиры). В 717 году хиджры (16.03.1317—04.03.1318) этот статус имел Шерин, посол к египетскому султану³⁰². Такой же статус был у Баянджара (Бабуджи) — главы посольства, которое в 720 году хиджры (12.02.1320—30.01.1321) сопровождало хатун Тулунбий, родственницу Узбека, просватанную за египетского султана³⁰³.

Русские летописи называют послом Тоглу-бая (Товлубея), который зимой 1339—1340 годов прибыл в Рязанское княжество. Однако его миссия носила скорее военный, нежели дипломатический характер. Великий эмир возглавлял поход ордынских войск на Смоленское княжество³⁰⁴.

Крайне редко выступают послами Чингизиды. В 1294 году посольство великого хана Токты к ильхану Ирана Гейхату возглавлял царевич Калынтай (Калинтай)³⁰⁵.

Посольскими полномочиями ограничивают миссию царевича Чол-кана (Щелкана) в Твери в 1327 году русские летописи³⁰⁶. Мятеж в княжестве и убийство, с одной стороны, посла, а с другой стороны, Чингизида послужили тогда причиной карательного похода на Тверь ордынских войск. На Руси этот поход стал известен как «Федорчукова рать», по имени татарского командующего Федорчука.

Определенное место в системе золотоордынской социальной иерархии занимали представители духовенства. Известно, что монголо-татары отличались веротерпимостью. Однако — и об этом уже говорилось — власть в кочевых обществах носила сакральный характер. Поэтому служители культа неба играли огромную роль еще при образовании империи. В частности, близок к трону был шаман Тэб-Тенгри³⁰⁷. Посол французского короля Людовика IX Вильгельм де Рубрук

отмечал, что «прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и всё, что они предписывают делать, совершается без замедления»³⁰⁸. О роли шаманских обрядов при дворе Бату свидетельствует «Повесть о убиении Михаила Черниговского»³⁰⁹. Ал-Бирзами отмечает, что великий хан Токта «был неверным [державшимся] религии поклонения идолам, любил уйгуров, то есть лам и волшебников, и оказывал им большой почет»³¹⁰.

В силу закрепленной в Ясе традиции служители различных культов имели прежде всего налоговые и иные экономические привилегии. Русское православное духовенство получало иммунитетные ярлыки, в которых оговаривалось условие «молиться за нас и за племя наше... и род»³¹¹.

Особо привилегированное положение при ордынском дворе с середины XIII века стал занимать ислам. Первым ханом, перешедшим в мусульманство, был Берке. При нем же отмечено принятие ислама представителями элиты Золотой Орды — эмирами и Чингизидами. Большую роль играло мусульманское духовенство при дворе великого хана Туда-Менгу и беклярибека Ногая. Покровительствовал исламу и хан Токта, не будучи, однако, сам мусульманином³¹².

Роль государственной религии ислам приобрел с приходом к власти в 1313 году хана Узбека. Одним из вдохновителей переворота в пользу Узбека был Ала-эд-Дин Энноман Эльхарезми, ордынский имам, путешественник, врач, ученый. С приходом к власти Узбека высшая ордынская аристократия обязана была принять ислам³¹³. Те, кто был не согласен с политикой хана и активно противостоял новой власти, были казнены³¹⁴.

Устоялось мнение, что с этого времени исламское духовенство занимает исключительное привилегированное положение. Правда, гонений на другие конфессии со стороны властей не наблюдалось. Положение русской православной церкви не изменилось³¹⁵, о чем можно судить³¹⁶, опираясь на многочисленные свидетельства русских источников и подробное описание исламского духовенства арабским путешественником Ибн Баттутой.

В 1330-х годах, когда Ибн Баттута посетил Улус Джучи, здесь, по его мнению, был один из центров исламского мира.

Он отмечает значение, которое приобрел имам Ала-эд-Дин Энноман Эльхарезми. Его каждую пятницу посещал великий хан Узбек. Причем Эльхарезми, сообщает Ибн Баттута, «не выходит к нему на встречу и не встает перед ним. Султан (хан Узбек. — Ю. С.) садится перед ним, говорит с ним самым ласковым образом и смиряется перед ним, шейх же [поступает] противоположно этому». В то же время «обхождение его с факирами, нищими и странниками было иное, чем обхождение его с султаном: он относился к ним снисходительно, говорил с ними ласково и оказывал им почет». Ибн Баттута говорит, что «это один из отличнейших шейхов, прекрасного нрава, благородной души, чрезвычайно скромный и чрезвычайно строгий к обладателям благ мирских»³¹⁷

Как утверждает Ибн Баттута, религиозным центром Улуса Джучи и Улуса Джагатая был город Хорезм. Он выделил Джелаль-эд-Дин Эссамарканди — шейха одной из общин под Хорезмом и преподавателя (он «благочестивый, добродетельный... [один] из великих праведников»); Абухавса Омара Эльбекри — кади-старшину Хорезма (он «по летам юноша, по делам старик... тверд в своих приговорах и силен в благочестии»); Нур-эд-Дина Элькормани — помощника Абухавса Омара Эльбекри и одного из «великих правоведов»; Хатыба Хусам-эд-Дина Эльмешати, жителя города Хорезма (он «красноречивый оратор и один из четырех проповедников, лучше которых я не слышал на свете»)³¹⁸

В то же время количественный анализ показывает, что из 1287 выявленных представителей высшего слоя Орды³¹⁹, духовных лиц (представителей ислама), персонифицируемых по данным источников, — 47 человек (3,6 процента). При этом больше половины из них — 29 (2,2 процента) — называют именно Ибн Баттута, посетивший Орду в 1330-е годы. Во все остальные периоды истории Орды доля представителей исламского духовенства составляет лишь 1,6 процента. Эти показатели позволяют усомниться в суждении, например, Ю. Шамильоглу о расцвете религиозной жизни в Орде при хане Узбеке. Однако его вывод об «интеграции Улуса Джучи в исламскую религиозную культуру, как в смысле богословской мысли, так и на уровне народного ислама»³²⁰, следует признать обоснованным: в Орде фиксируется оживление ис-

ламского богословия, что особенно подчеркивает Ибн Баттута. Необходимо при этом отметить, что слишком малый процент представителей мусульманской культуры в составе элиты Орды говорит об относительно небольших масштабах исламизации в XIII — первой трети XV века. А с учетом того, что чаще всего представители исламского духовенства упоминаются в узкий временной отрезок 1333–1334 годов (время посещения Орды Ибн Баттутой), можно поставить под сомнение и их определяющую роль в выработке политических и идеологических концепций развития Джучиева Улуса.

Тем не менее нельзя не признать, что религиозные деятели составляли в Орде отдельный слой элиты, который оказывал большое влияние на ордынскую аристократию. Г. А. Федоров-Давыдов отмечает практику, характерную для ордынской аристократии XIV века, давать детям мусульманские имена³²¹. Д. В. Васильев указывает на широкое распространение мусульманского погребального обряда на территории Орды³²².

4. Ордынская элита и ее функции

Итак, ордынская элита в XIII — первой трети XV века состояла из нескольких слоев, что свидетельствует о сложной организации не только правящего слоя, но и всего ордынского общества. Высшей стратой был род Джучи, имевший право на наследование государственной власти. Привилегированное положение занимали эмиры-нечингиды, находившиеся в родстве с правящим домом по женской линии. Близкое к ним место отводилось гвардейцам великого хана. Эти слои элиты имели первоочередное право на высшие государственные, военные и административные должности, а также на получение улусных владений.

Далее следовали еке нойоны (великие эмиры) и нойоны эмиры — владельцы улусов-туменов и улусов-тысяч. Их социальное положение зависело от пожалований великого хана, который лично назначал их на должности. Основной их обязанностью было несение военной службы, которая позволяла продвигаться вверх по социальной лестнице. Этот

слой являлся источником для воспроизводства высшего слоя служилой аристократии. Его резервом были сотники и десятники.

К этой же страте необходимо отнести и большинство представителей национальной аристократии завоеванных стран, например русских княжеств.

Как отметил М. Г. Сафаргалиев, ордынская служилая аристократия оказывала большое влияние на все стороны государственного управления³²³. Более того, элита Орды, судя по тексту «Повести о Михаиле Тверском», отложившейся в Никоновском своде, чувствовала себя неотъемлемой частью государства: «Не хощем бо мы великий царю обидима тебе видети, и нас твоим князей поношаемых: наше бо безчестье — твое безчестье, а твоя слава и честь — всех нас и всеа Орды житье и пребывание»³²⁴. Составитель свода вложил в уста представителей ордынской знати слова, которые отождествляют государство и элиту, главу политического образования и народ.

На протяжении XIII–XIV веков наблюдается тенденция к сосредоточению властных полномочий в ограниченном ряде родов. Владетелями правого крыла Джучиева Улуса Ак-Орды (Белой Орды) становятся потомки Бату, стремящиеся к династическому принципу наследования, то есть к передаче власти от отца к сыну. Наследование левого крыла Кок-Орды (Синей Орды) закрепляется за родом Орду-Ичена. Власть в улусе Шейбана переходит также лишь к его потомкам. Выделяются аристократические роды, пытающиеся закрепить за собой высшие административные должности. Перед нами процесс концентрации власти и богатства в высших стратах элиты, который можно сравнить с концентрацией власти в европейских обществах Средневековья, выделяемый Ф. Броделем³²⁵.

Родовой принцип наследования власти в XIII–XV веках пронизывал всю структуру социальной иерархии ордынского общества, затрагивал как кочевую, так и оседлую аристократию Джучиева Улуса. Эта форма наследования позволяла ордынским ханам выбирать на должности из наличных родов наиболее одаренных представителей, то есть соблюдался принцип меритократии, на основе которого формировалась

империя Чингиз-хана. Кроме того, важные должности занимали наиболее выгодные центральному правительству кандидатуры. В этом случае на первые роли выдвигались наиболее талантливые и способные или же хотя бы неординарные претенденты, прошедшие сложную конкурентную борьбу, часто связанную с опасностью для жизни.

Необходимо отметить, что наследование власти по родовому принципу характерно не только для кочевых обществ, но и вообще для начальных этапов формирования государства у ряда народов. Примером могут служить общества Великой Степи — хунну, тюрки (данные В. В. Трепавлова³²⁶). Л. С. Васильев отмечает подобную форму наследования в Древнем Китае³²⁷; Б. И. Кузнецов — в Эламе³²⁸. По данным И. Дройзена, характерные черты наследования по родовому принципу наблюдаются в эллинистических государствах, особенно в Македонии³²⁹. Но если у оседлых народов, как правило, указанный принцип господствовал на начальном этапе формирования государства, то в кочевых обществах, и в особенности в Орде, он доминировал на протяжении всего существования. Таким образом, развитие политических институтов в Джучиевом Улусе проходило в рамках и параллельно с развитием родовых принципов и достигло в ордынском государстве, в отличие от других обществ, максимально возможного уровня³³⁰.

Важным органом регулирования отношений внутри элиты Золотой Орды являлся курултай. Как отметил Г. А. Федоров-Давыдов, «курултай был символом единства правящего рода, символом того, что улус и вся империя рассматривается как общее достояние рода. На курултай съезжались царицы, эмиры и нойоны. Значительный вес на курултаях имели вдовы покойных ханов. На этих имперских и улусных курултаях улаживались спорные вопросы престолонаследия, а так же... пересматривались границы кочевий и улусов»³³¹.

Важно, что курултай оказался органом, который, по словам Д. М. Исхакова и И. Л. Измайлова, выражал коллективные интересы ордынской аристократии, «опиравшейся на свое военное могущество»³³². С одной стороны, он был силой, сдерживавшей стремление ханов к единовластию³³³. С другой стороны, атрибутировал принадлежность к правя-

щей элите государства: только включенный в состав ордынской аристократии человек имел право принимать участие в курултае.

Элита золотоордынского государства несла ряд функций — и в первую очередь она отвечала за сохранение государственных традиций. Аристократия влияла на политическое развитие Джучиева Улуса, на изменение политических институтов, идеологических установок, религиозных верований. Показательной в этом плане является борьба внутри элиты Золотой Орды в 1310-х годах по вопросу о принятии ислама как государственной религии.

Немаловажной составляющей ордынского государства было военное дело. Обязанность поддержания и развития военного искусства также лежала на элите Джучиева Улуса. Более того, основные командные должности, как правило, занимали представители высшего слоя элиты — Джучиды, а наиболее ответственные военные экспедиции возглавляли лично великие ханы (Берке, Токта, Узбек, Джанибек, Токтамыш).

На элиту Золотой Орды — точнее, на ее служилую аристократию — было возложено исполнение посольских миссий. Аристократия Джучиева Улуса не выпускала из-под своего мощного контроля важную дипломатическую функцию, от исполнения которой зависели дела войны и мира, заключение политических союзов, брачных контрактов и торговых договоров.

Служилая аристократия была источником пополнения чиновничества, особенно высшего. Представителями ордынской администрации были и баскаки на Руси. Русские источники, отмечая, что в начальный период некоторые из них являлись откупщиками, называют их «князьями»; тем самым их статус приравнивается к статусу эмира-тысячника. В то же время летописи определяют должность владимирского баскака как «великий баскак»³³⁴. Возможно, в великие княжества баскак назначался из числа темников (еке нойонов). Такой вывод тем более правомочен, что в 1430-е годы должность даруги («надсмотрщика») Великого княжества Московского принадлежала человеку именно с таким социально-политическим статусом («великий князь ордынский...

Миньбулат»³³⁵). Об активном участии аристократии в сборе налогов говорит тот факт, что в переписи населения Закавказья в 1254 году принимал участие Тора-ага, «начальник из рода Батыя», то есть представитель высшего слоя элиты Золотой Орды. Таким образом, элита выполняла и административную функцию.

Но элита выполняла и экономическую функцию — на ордынскую аристократию возлагались обязанности сбора дани и контроля за взиманием налогов.

Ордынская аристократия покровительствовала торговле. Показателен в этом плане ярлык хана Менгу-Тимура: «Менгу Темерево слово к Ярославу князю: даи пути немецкому гостю (купцам. — Ю. С.) на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостит, и ко всем вам путь чист есть по моеи волости; а кто ко мне ратный, с тия сам ведаю; а гостю чист путь по моеи волости»³³⁶.

Одним из основных занятий населения Золотой Орды было скотоводство, причем первое место занимало разведение лошадей, в том числе и в улусах ордынской аристократии. Немаловажное значение для экономической системы Орды имела охота. Согласно установкам Чингиз-хана, охота была важна при подготовке к военным действиям (своего рода учения)³³⁷, и поэтому это занятие принадлежало исключительно элите Орды.

Особое место в составе элиты Орды занимало духовенство. Выделенное из военно-политической иерархии Джучиева Улуса, оно тем не менее занимало привилегированное положение в государственной системе. Объясняется это тем, что власть в Орде требовала идеологического обоснования. Поэтому не случайно в начале XIV века ислам стал государственной религией, заняв место шаманизма. Другие религии, в частности православная церковь, также были призваны обеспечивать идеологическую поддержку ханской власти (условие «молиться за нас и за племя наше... и род»).

Кроме идеологического обеспечения власти духовенство исполняло культурную функцию. Принятие ислама вызвало бурное строительство культовых сооружений. По указу великого хана Узбека в городе Сарае, столице государства, была построена соборная мечеть³³⁸. Большая строительная

деятельность в Хорезме связана с именем беклярибека и наместника города Кутлуг-Тимура³³⁹. Безусловно, справедлив вывод А. Ю. Якубовского о том, что «в поволжских городах, особенно в двух Сараях... был... крупный центр богословской мусульманской мысли»³⁴⁰.

Нельзя не упомянуть и о воспитательной функции мусульманского духовенства, которую оно делило с высшей знатью. Киракос Гандзакечи пишет, что у монголов существовала традиция, когда человек из «татарской высшей знати... поучал молодежь»³⁴¹. Ибн Баттута сообщает, что при ставке великого хана Узбека находился глава ордынских шарифов (потомков пророка Мухаммеда) Ибн Абдель Хамид, который занимался воспитанием второго его сына Джанибека³⁴², впоследствии взошедшего на престол отца. Ибн Баттута видел его и в свите наследника престола — старшего сына Узбека Тинибека.

За время существования золотоордынского государства элита Орды претерпевала изменения. Изначально привилегированный род Джучидов стал к началу XV века терять свое ведущее положение. На первый план выдвинулись выдающиеся деятели из эмирской среды, которые стремились захватить власть в свои руки. Данный процесс нашел свое завершение в развитии Ногайской Орды в XV—XVI веках. В конечном итоге в Ногайской Орде была сформирована новая политическая традиция, которая противопоставлялась политической традиции Орды, продолжавшей существовать и развиваться на осколках империи — в Казанском, Астраханском, Крымском, Сибирском, Казахском ханствах³⁴³.

Таким образом, элита Золотой Орды несла в той или иной степени все основные общественные функции: политические — военную, административную, дипломатическую и др.; экономическую; социальную; культурную; религиозную. В конечном итоге ордынская аристократия, организованная в аппарат власти, выполняла функцию господствующего слоя, господствующего класса. Как отметил Л. С. Васильев, такое положение дел характерно для традиционных обществ и государств Востока³⁴⁴.

5. Административно-территориальное деление Орды в XIII–XIV веках

Важной прерогативой и отличительной чертой элиты Джучиева Улуса было право управлять собственными земельными владениями, в которых проживало население, платившее налоги и выставлявшее строго определенное количество войск (улус). Такой порядок вещей берет начало в 1206 году, когда Чингиз-ханом были пожалованы земельные владения тысячникам и темникам; принцип пожалования сохранял свое значение во всех частях Монгольской империи и в дальнейшем³⁴⁵. Подобную процедуру мы наблюдаем весной 1236 года, когда каан Угедей жалует улусные владения в Северном Китае своим ближайшим родственникам (из рода Чингиз-хана) по женской линии — зятьям тех или иных Чингизидов и просто служилым нойонам³⁴⁶.

В отношении Джучиева Улуса процедура наделения представителей элиты земельными владениями фиксируется после завоевательного похода Бату-хана 1236–1242 годов. Например, Утемиш-хаджи в своей «Чингиз-наме» сообщает, что после возвращения в южнорусские степи Бату «овладел [всеми] этими вилайетами и этими элями... роздал он затем всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты»³⁴⁷.

Разделение завоеванных земель на отдельные владения подразумевает под собой соответствующую административно-территориальную структуру и деление государства. Сохранившиеся источники дают нам крайне скудные сведения об улусах внутри Орды. Обусловлено это во многом тем фактом, что собственно золотоордынских письменных источников не сохранилось (исключение составляют несколько ханских ярлыков). Поэтому особую важность приобретают сведения персидских и арабских авторов, известия которых о Джучиевом Улусе, впрочем, тоже далеко не полны. Это объясняется специфическими интересами составителей летописей: персидские авторы уделяют большое внимание Синей Орде (современный Казахстан) и Сараю; арабские — Причерноморью и связанным с ним территориям — сфере

своих торговых интересов. Дополнением к этим источникам могут служить сведения тюркоязычных авторов более позднего периода (XV—XVI веков). Ценнейшие сведения по исторической географии Улуса Джучи содержатся в сочинениях западноевропейских путешественников Платона Карпини и Вильгельма Рубрука, которые пересекли в XIII веке территорию степного государства с запада на восток и оставили подробные описания своего пути. Отрывочные и крайне малочисленные сведения о географии Орды сохранились в византийских хрониках и русских летописях.

Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский называют пять улусов: Сарай, Крым, Дешт-и-Кипчак, Хорезм, Булгар³⁴⁸. В то же время В. Л. Егоров в специально посвященной историко-географическому аспекту монографии «Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.», где уделяется большое внимание выяснению внешних границ Джучиева Улуса в XIII—XIV веках и их изменениям в этот период, а также развитию городов, выделяет на территории степного государства двенадцать улусов (два по берегам Днепра, два по берегам Дона, Крым, Северный Кавказ, Велико-ханский, два по берегам Яика, Хорезм, улусы Орду-Ичена и Шейбана)³⁴⁹. При этом автор использовал в основном данные археологии, которые часто являются единственным источником по истории кочевых народов.

Внешние границы ордынского государства, на наш взгляд, определены В. Л. Егоровым достаточно четко. Однако представляется возможным, опираясь на письменные данные, расширить число ордынских улусов и уточнить их границы.

В первые годы после образования Монгольской империи Чингиз-хан выделил уделы своим сыновьям. Младший сын от старшей жены — Толуй — получил во владение «отцов юрт», то есть собственно монгольские степи. Наследнику престола — Угедю — были отведены земли завоеванного Северного Китая. Второму сыну — Чагатаю — от отца достался улус, располагавшийся на территории бывшего государства Хорезмшахов (современная Средняя Азия). Хозяином части Хорезма с его бывшей столицей городом Ургенч, а также Половецких степей (Дешт-и-Кипчак) стал старший сын Чингиз-хана — Джучи. Позже, в 1260-х годах, на завоеванной

территории Ирана был образован новый удел — улус Хулагу. К нему отошла территория Азербайджана, которая до этого входила в состав владений Джучидов.

Внешняя граница Улуса Джучи в XIII веке выглядела следующим образом. На западе граница степного государства шла по реке Дунай, а затем — по его притоку — реке Олт. Северная граница проходила по предгорьям Карпат и тянулась до реки Днестр (правда, на территорию прудо-олтского междуречья ордынская власть распространилась лишь с 1260-х годов). В бассейне Южного Буга монголо-татарские кочевья распространялись к северу, захватывая нижнее течение его левого притока — реки Синюхи. Они, видимо, достигали южных границ современных Винницкой и Черкасской областей, то есть среднего течения Южного Буга. В левобережье Днепра граница проходила на восток по реке Псел и, возможно, по реке Сула до верховьев Северского Донца, где поворачивала на северо-восток и тянулась вплоть до Оки. Затем граница поворачивала на юг и шла по реке Дон, которая отделяла ордынские владения от земель Рязанского княжества.

Выяснение границ Джучиева Улуса в левобережье Дона в районе соприкосновения его с владениями Рязани для XIII столетия представляется крайне затруднительным из-за полного отсутствия источников. Территорию княжества с востока ограничивали река Мокша и ее приток — Цна, за которыми находились земли, заселенные мордовскими племенами. Западный район расселения мордвы включал бассейны рек Цна, Мокша, Вада; восточный ограничивался левобережьем Суры — бассейнами рек Алатыря и Пьяны. Северная граница Орды в этом регионе в XIII веке, скорее всего, не имела четких очертаний. Данному обстоятельству способствовали протяженные лесные массивы. Об этом же говорит постепенное, но неуклонное продвижение русских по правобережью Оки.

Обширный район восточнее Суры (современная Чувашия) в XIII веке находился полностью под властью монголо-татар. Все восточные источники единодушно включают территорию Волжской Булгарии в границы ордынских владений. Северные рубежи Орды в этом регионе проходили в районах

правобережья Камы. Проживавшие восточнее булгар башкиры также были покорены монголами. Таким образом, все Предуралье к югу от реки Белой и Южный Урал включались в состав Золотой Орды. Северную линию границы этой части ее владений определить невозможно из-за полного отсутствия каких-либо указаний в источниках.

Нет в источниках конкретных сведений и о северной границе Золотой Орды на территории Сибири. Скорее всего, районы кочевков монголов в этом регионе ограничивались природными границами, то есть возможностью пасти скот. Согласно традиционным сообщениям арабских и персидских авторов, крайние северо-восточные пределы Джучиева Улуса включали в себя области Сибирь и Ибирь. Их восточной границей обычно называют реки Иртыш и Чулыман, за которыми уже начинались владения метрополии, зависимые от правительства Каракорума. Далее граница поворачивала к югу, проходя через предгорья Алтая по направлению к озеру Балхаш.

Южная граница государства на территории Средней Азии тянулась от Балхаша на запад к южной оконечности хребта Каратау. Далее граница шла через район среднего течения Сырдарьи, южнее Аральского моря в направлении Хорезма. В пределах Хорезма граница проходила между городами Хорезм и Хива. С севера к Хорезму примыкали обширные пространства плато Устюрт и полуострова Мангышлак. На западном берегу Каспийского моря южным пограничным городом Орды был город Дербент. От него граница тянулась вдоль отрогов Кавказского хребта к побережью Черного моря. Территория Крымского полуострова с первых лет существования ордынского государства также входила в его состав³⁵⁰.

Принципом административно-территориального деления ордынского государства была улусная система. В соответствии с ней все государство (Еке Улус — Великий Улус) делилось на более мелкие владения, которые также назывались улусами. По своей структуре они повторяли военную организацию монголов, а их размеры зависели от ранга владельца (темник, тысячник, сотник, десятник). Наиболее крупными владениями были улусы-тумены (число жителей и размер

территории, способные мобилизовать или содержать десяти-тысячный корпус).

Земля и люди, составляющие основное богатство кочевников, у монголо-татар считались собственностью потомков Чингиз-хана, а на территории Орды — потомков старшего сына Чингиз-хана — Джучи. Поэтому тумены чаще всего возглавлялись родственниками великого хана. Улусы-десятитысячники делились на тысячи, которые были наследственными владениями-улусами. Они, в свою очередь, делились на сотни, а те — на десятки. По словам французского посланника Рубрика, «они (монголы. — Ю. С.) поделили между собой Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью больше или меньше количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Именно зимой они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные»³⁵¹.

При этом, как отметил китайский сановник Сюй Гин, посетивший монгольские степи в 1235—1236 годах, «всякий — от татарского правителя... [членов] рода правителей и ниже — имеет определенные границы [владений]»³⁵².

При этом улусы как крупные этносоциальные объединения не определялись границами территорий, хотя последние и были достаточно стабильными, а фиксировались кругом лиц, возглавлявших отдельные его части. Основной акцент делался именно на людях³⁵³.

Границами между крупными улусами служили естественные природные преграды, чаще всего крупные реки. Владетели улусов, согласно монгольскому законодательству, останавливались только на тех землях, которыми владели их предки, начиная от Джучи и до хана Шейбана; порядок пользования летними и зимними пастбищами никогда не нарушался³⁵⁴. Откочевки с территории усуса категорически воспрещались нормами Ясы³⁵⁵. Поэтому для установления ордынских улусов, границы которых не получили отражения у современных им авторов, можно использовать данные и более поздних источников (XV—XVII веков).

При рассмотрении административного устройства Золотой Орды в XIII—XIV веках нельзя не обратить внимания на

такой традиционный для монголов обычай, как разделение всей территории государства на два крыла — правое и левое. Правое крыло Джучиева Улуса составляли земли от Дуная до Сары-Су. Оно получило название Ак-Орда (Белая Орда). Левое крыло называлась Кок-Орда (Синяя Орда). Его составила территория современного Центрального и Южного Казахстана³⁵⁶.

Основываясь на сообщениях Плано Карпини и дополняя их данными других источников, можно реконструировать членение ордынского государства в XIII—XIV веках на отдельные, более мелкие административные единицы.

Самым западным улусом степного государства был удел, располагавшийся между Дунаем и Днестром. Никифор Григора и Георгий Пахимер располагают места кочевков татар «по ту сторону Истра», то есть по отношению к Византии — севернее Дуная³⁵⁷. О таком местоположении улуса говорят также сведения арабских и персидских авторов. Восточная его граница проходила по Днестру, а центр первоначально находился на левом берегу реки, где Рашид-ад-Дин помещает «старинный юрт Ногая»³⁵⁸. Но к концу XIII века центр был перенесен на правый берег Днестра. Данных о существовании этого улуса в 1240—1260-х годах в источниках нет, однако М. Г. Сафаргалиев предполагает, что уже в правление хана Батыея он был выделен его младшему брату Бувалу (Мувалу). Как бы то ни было, после похода Батыея, в конце 1250 — начале 1260-х годов, здесь вновь появляются татарские войска, причем византийские авторы утверждают, что эту территорию им пришлось завоевывать заново³⁵⁹. С конца 1260-х годов здесь обосновался внук Бувала — Ногай, воевавший до этого на кавказском фронте и лично не участвовавший в присоединении этой территории.

Следующим улусом, если идти с запада на восток, был удел, расположенный между Днестром и Днепром. В 1240-х годах здесь кочевал Коренца (Куремса)³⁶⁰, который, вероятно, был лишь тысячником. По словам Карпини, «с другой стороны (по левому берегу Днепра.— Ю. С.) по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы»³⁶¹. В пользу такого вывода говорят и слова русского летописца о том, что Даниил Галицкий «воевал с Куремсой и никогда не бо-

ялся Куремса, потому что Куремса никогда не мог причинить зла», тогда как «Бурунда безбожный злый прииде со множеством полков татарских»³⁶². Появление здесь Бурунда, который «ста на местех Куремских», летописец относит к 1259 году, то есть к тому же периоду, когда начали вновь присоединяться к Джучиевому Улусу земли между Днестром и Дунаем. Видимо, эти передвижения татарских войск были связаны с активизацией западной политики ордынских ханов в 1250—1260-х годах. Это подтверждается и археологическими данными, которые фиксируют здесь в этот период усиление присутствия татар³⁶³.

Еще один улус составляли земли вдоль левого берега Днепра. О существовании удела на данной территории свидетельствует не только Карпини, но и персидские авторы, описывающие поход Тимура на Джучиев Улус в 1395 году. Низами Шами-ад-Дин писал: «Тимур снова повел войска в набег и, дойдя до местности Манкерман в стороне реки Узи (Днепр. — Ю. С.), разграбил область Бек-Ярыка»³⁶⁴.

Особый удел составлял полуостров Крым. Об этом свидетельствуют сообщения Рубрука, арабских авторов, а также ханские ярлыки³⁶⁵. Судя по наблюдениям Рубрука, сами монголы располагались в степных районах полуострова, обложив жителей горной части данью. Южное побережье Крыма и его горный район в XIII веке представляли собой целый ряд обособленных, полузависимых от монголов владений³⁶⁶.

Вдоль западного побережья реки Дон был расположен еще один улус. Карпини писал: «Ехали мы через всю страну Куманов, представляющую собою сплошную равнину и имеющую четыре большие реки... вторую Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату...»³⁶⁷ Где проходила граница между улусами Мауци и Картана, установить трудно. Возможно, в северной части рубежом между ними служила река Северский Донец.

О существовании в конце XIV века улусов в Подонье свидетельствуют данные, сохранившиеся в описании путешествия митрополита Пимена в Константинополь в 1389 году³⁶⁸. Анализ источников различного происхождения позволяет нам не согласиться с мнением В. Л. Егорова о том, что эти улусы принадлежали тысячникам (такое мнение, возможно.

справедливо по отношению к улусу Сары-ходжи; Бек-Булат и Ак-Буга являлись родственниками хана и командовали туменами, то есть были улусбеками-темниками). В то же время тяготение в позднейший период Бек-Булата к Крыму позволяет предполагать, что улус в правобережье Дона принадлежал именно ему (владельцы улусов в междуречье Днепра и Дона часто зимовали на полуострове)³⁶⁹.

Плано Карпини называет еще один улус, который находился на Северном Кавказе. Он писал: «...У Бату есть брат, по имени Берка, пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам (Дербент. — Ю. С.), где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции»³⁷⁰. О границах этого улуса можно судить по данным «Жития Михаила Тверского», где говорится: «...прииде в Орду благоверный великий князь Михаил у моря Сурожского, идежи втече Дон река... в вторую неделю поставиша его на судилище... Бывшу же ему в таковой нужи и безмерной тягости 26 день иже за рекою за Тверкою, под великими горами Ясьскими и Черкасскими, у града у Тетькова на реце Севенче»³⁷¹. В то время (1318 год) на территории от низовий Дона до Терека кочевал хан Узбек. В XVII веке на землях, ограниченных реками Маныч, Кубань, Терек и предгорьями Кавказа, располагались кочевья Малых Ногаев³⁷². Учитывая сохранение у татар традиционных маршрутов перекочевков на протяжении длительных отрезков времени, необходимо признать именно эту территорию землями ордынского северокавказского улуса.

Территория правобережья реки Терек до Каспийского моря и до города Дербент представляла собой особый улус. Он существовал на правах приграничного военизированного округа на протяжении всего существования ордынского государства³⁷³.

О границах еще одного улуса можно судить по сообщениям Рубрука. По его сведениям, «за Танаидом (Доном. — Ю. С.)... близ Этилии (Волги. — Ю. С.) в трех днях пути от нее» располагался улус старшего сына Батыя Сартака³⁷⁴. Южная его граница находилась южнее города Сарай, северо-западная проходила по реке Хопер.

На территории, получившей в русских источниках название Червлёный Яр, находился еще один улус. В историче-

ской науке принято считать Червлёным Яром территорию в междуречье Дона и Хопра³⁷⁵.

В историографии Червлёному Яру посвящена обширная литература, причем прежде всего обсуждается политико-административный статус этой территории. В начале XX века С. Н. Введенский³⁷⁶, основываясь на принадлежности междуречья Дона и Хопра к Рязанской епархии, отнес Червлёный Яр к владениям рязанских князей. Большую работу, посвященную истории этой территории в XIV—XVI веках, написал А. А. Шенников, который применительно к середине XIV столетия определил Червлёный Яр как «достаточно значительный объект». «Он должен был быть даже настолько значительным, что золотоордынские ханы в зените их могущества (Узбек, Джанибек), имевшие, казалось бы, полную возможность просто смести Червлёный Яр с лица земли, отнюдь не делали этого...»³⁷⁷. В обобщающем труде В. Л. Егорова по исторической географии Золотой Орды эта территория определяется как «буферная зона» между русскими и ордынскими землями³⁷⁸. Большой материал по истории Червлёного Яра дают археологические раскопки, проводимые кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета под руководством М. В. Цыбина³⁷⁹. Они выявили на территории междуречья Дона и Хопра остатки древнерусских поселений, а также погребений половцев, то есть следы достаточно обширного по численности населения. М. В. Цыбин также допускает возможность существования на территории Червлёного Яра одного из периферийных улусов «просуществовавшего, вероятно, до периода “великой замятни”»³⁸⁰.

Таким образом, различные аспекты существования и развития этого региона в интересующий период рассматривались как в общих трудах, так и в работах, специально посвященных Червлёному Яру. При этом вопрос о его государственной принадлежности и административном статусе в XIV веке остается открытым.

Однако если исходить из грамот русских митрополитов XIV века Феогноста и Алексия, можно сделать вывод о существовании в междуречье Дона и Хопра ордынского улуса. Из грамот мы узнаем о споре между Рязанской и Сарай-

ской епархиями, и этот спор позволяет определить статус Червлёного Яра. Спорная ситуация возникла при попытке сарайского епископа, отвечающего за православное население всей Орды, осуществить свои права на этой территории. Однако он встречает противодействие рязанского епископа. Тот отправляет жалобу митрополиту, и в результате ее рассмотрения права на территории в междуречье Дона и Хопра передаются Рязанской епархии. Таким образом, Червлёный Яр необходимо рассматривать как составную часть ордынских земель, получившую особый статус в системе русской православной церкви. По каким-то соображениям эти земли были исключены из ведения сарайского епископа и переданы Рязанской епархии.

В грамотах также говорится, что территория междуречья Дона и Хопра является «пределом» с «переделом»³⁸¹. Таким образом, речь идет о территории с четкими границами, то есть об административно-территориальной единице. Ссылки митрополитов Феоноста и Алексия на своих предшественников Максима (1283–1305 годы) и Петра (1305–1326 годы) позволяют отнести возможность существования здесь улуса к концу XIII века, а его появление — к 1240–1250-м годам, то есть ко времени образования Джучиева Улуса и учреждения других улусов.

Более сложным вопросом является определение размеров (улус-«тумен» или улус-«тысяча») этой административно-территориальной единицы. По сведениям русских летописей в конце XIV века здесь кочевал царевич Мамат-салтан (Мухаммед-султан), в подчинении у которого находились князья³⁸². В ордынской социально-политической иерархии «царевич» являлся темником, а «князь» — тысячником³⁸³. Таким образом, территория Червлёного Яра в конце XIV века представляла собой улус-«тумен». Как уже отмечалось выше, территория и размер улусов на протяжении существования Золотой Орды, как правило, оставались неизменными. Следовательно, Червлёный Яр в 1240–1250-е годы сразу возник как улус-«тумен».

Царевич Мамат-салтан (Мухаммед-султан) кочевал в междуречье Дона и Хопра в конце XIV века, то есть после «великой замятни» в Орде 1359–1370 годов. Летописные источни-

ки отмечают необычную активность ордынских правителей разного ранга на окраинных территориях в этот период. Например, в 1361 году князь (эмир) Тагай захватил мордовский улус («приде в Наручадь (Наровчат. — Ю. С.) и тамо сам о себе княжаше»³⁸⁴); князь (эмир) Секиз «Запиание все пограбил и, обрывся рвом, ту сяде»³⁸⁵; князь (эмир) Булат-Темир захватил Булгарский улус³⁸⁶. Тогда же, в 1361 году, в Крыму и Причерноморье образовалась «Мамаева Орда»³⁸⁷. Вероятнее всего, в этот период происходило не запустение территории Червлёного Яра, а, наоборот, приток населения в данный улус.

По данным археологических исследований М. В. Цыбина, в XIII–XIV вв. территорию Червлёного Яра осваивали как русские, так и ордынцы (с преимущественно половецким погребальным инвентарем). «Причем разноплановая направленность хозяйственной деятельности древнерусского населения и половцев позволяла им сосуществовать в одном районе»³⁸⁸. Улус состоял из представителей как оседлого русского, так и кочевого татарского (половецкого) населения. При этом ордынская администрация среднего звена (баскаки и сотники), по данным грамот митрополитов, была представлена православными, видимо русскими, людьми. В то же время высшие командные и административные должности (темников и тысячников), вероятно, занимали ордынцы, которые были мусульманами (о них нет упоминаний в грамотах). Такое положение дел подтверждается наличием на территории междуречья Дона и Хопра памятников с мусульманским погребальным обрядом³⁸⁹

На территории Червлёного Яра как на административной единице должны были присутствовать и другие должностные лица ордынского государства: писцы, таможенники, побережники, сокольники, «пардусники» (барсники), «буралыжники» (волчарники), заставщики или караульщики (караулы по Хопру упоминаются в грамоте митрополита Алексия) и др.³⁹⁰ Население улуса должно было выплачивать установленные налоги: всеобщий налог (дань), поземельную или подушную подать, пошлину с купли-продажи, транспортную повинность (ям, подводы), — а также обеспечивать провиант и фураж (корм, питье), запрашиваемые дары (запрос, дар) и др.³⁹¹

Немаловажное значение для уяснения внутривосточной жизни в Орде и ситуации на пограничных территориях имеет установление владельца Червлёного Яра как улуса в конце XIV века. Царевич-Чингизид Мамат-Салтан упоминается в связи с походом летом 1400 года объединенного войска князей Олега Рязанского, Ивана Пронского, Тита Козельского и муромской рати на кочевья «в пределах Червлёного яру и в караулах возле Хопорь до Дону». Русские войска, пройдя, видимо, по Ногайской сакме, «избиша множество татар, и царевича Мамат-салтана яша, и иных князей ординских поимаша»³⁹².

В родословных списках Джучидов сохранилось три имени, которые могли быть переданы в русской письменной традиции как Мамат-Салтан. Это, во-первых, Махмуд (Мам'уд) — второй сын Ак-Суфи, старшего сына Сунджек-оглана, второго сына Тунки (Туки), второго сына Бадакула, старшего сына Джучи-Буки, второго сына Бахадура, второго сына Шейбана, пятого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана³⁹³. Во-вторых, Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) — шестой сын Тимур-бека, второго сына Кутлук-Тимура, сына Нумкана (Томгана), второго сына Абая, второго сына Кин-Тимура (Уз-Тимура), четвертого сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана³⁹⁴. В-третьих, Махмудек-хан (Махмуд-султан) — четвертый сын Мухаммед-хана, второго сына Хасана, второго сына Джанса (Джине), сына Дервиш-хана, сына Тулек-Тимура, второго сына Куичека (Кунчека), сына Сарича, четвертого сына Урунка, третьего сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана³⁹⁵.

На период конца XIV — начала XV века выпадает активная политическая, военная и экономическая деятельность седьмого (например, великий хан Токтамыш) или восьмого (дети Токтамыша) поколений Джучидов. Из перечисленных выше представителей ордынского правящего рода Махмудек-хан (Махмуд-султан) принадлежит к десятому поколению. Известно также, что его двоюродный дядя Худайдад (Куидат) (старший сын младшего брата Хасана Алия), то есть представитель девятого поколения, активно участвовал в политической жизни Джучиева Улуса в 1420-х годах³⁹⁶. Следова-

тельно, деятельность Джучидов, принадлежащих к десятому поколению, относится к 1420—1440 годам (а не к 1400 году).

Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) принадлежит к седьмому поколению. Его старший брат, великий хан Тимур-Кутлук, умер в июне или июле 1400 года³⁹⁷.

Махмуд (Мам'уд) относится к восьмому поколению. Его двоюродный брат Юмадук-оглан (сын Суфи — младшего брата его отца), согласно записи важного источника по генеалогии Джучидов Муизза, сделанной в 829 году хиджры (то есть в период с 13 сентября 1425-го по 1 сентября 1426 года), «несмотря на то, что отец его еще в живых», был посажен «на царство». Таким образом, время активной деятельности Махмуда (Мам'уда) может приходиться на конец XIV — начало XV века.

Следовательно, в 1400 году на территории Червлёного Яра могли кочевать Махмуд (Мам'уд), второй сын Ак-Суфи, потомок Шейбана (Шибана), пятого сына Джучи, или Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан), шестой сын Тимур-бека, потомок Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи. В Никоновском летописном своде сообщение о походе объединенного рязанского войска на ордынские кочевья в междуречье Дона и Хопра расположено ниже сообщения о смерти хана Тимур-Кутлуга³⁹⁸. Вероятно, указанные события происходили в той же последовательности: сначала смерть хана, затем — поход на Червлёный Яр. Возможно, воспользовавшись смертью Тимур-Кутлуга, Олег Иванович Рязанский решил совершить военное вторжение во владения брата умершего хана и даже захватил его в плен. В то же время представляется маловероятным, что родной брат главы Джучиева Улуса занимал кочевья хотя и относительно недалеко от столицы, но всё же на периферии государства. Данное обстоятельство говорит в пользу Махмуда (Мам'уда) как владельца Червлёного Яра в 1400 году.

В XV веке земли Червлёного Яра запустели. В XVI веке, наряду с другими территориями, начинается, а в XVII веке завершается процесс его вхождения в состав Русского государства.

В XIII веке был организован еще один улус на территории, населенной мордовскими племенами³⁹⁹. М. Г. Сафарга-

лиев относит его возникновение к 1250–1260-м годам, когда в этой местности появился темник-десятитысячник, на месте резиденции которого позже возник город Темников. К началу XIV века центр улуса переместился в город Мохши, где с 1312 года чеканились ордынские монеты⁴⁰⁰. В русских летописях этот город известен под именем Наровчат (Наручадь). Под 1361 годом в летописях встречается упоминание о том, что «...князь ордынский, Тагай бе имя ему, и от Бездежа Наручадь ту страну отнял себе и тут живяще и прибывавши»⁴⁰¹. В 1365 году этот князь совершил набег на Рязанское княжество и взял Переяславль-Рязанский. Однако войска Олега Рязанского и Владимира Пронского нагнали отряд Тагая и разгромили его, а «гордый ордынский князь Тагай, в малой дружине убежа»⁴⁰².

В левобережье Волги было организовано два улуса. Первый располагался на территории бывшей Волжской Булгарии. Первоначально этот богатый район входил в состав личного удела великого хана, однако позже был выделен в особый улус. Такое положение дел подтверждается и существованием на этой территории во время «великой замятни» в Орде самостоятельного государства, а в XV веке образованием здесь Казанского ханства⁴⁰³.

Земли, ограниченные с запада Волгой, с севера — рекой Самарой, с востока — рекой Яик (Урал), с юга — побережьем Черного моря, составляли личный улус великого хана⁴⁰⁴. Находясь в центре Джучиева Улуса, на перекрестке основных торговых путей, эта территория наилучшим образом отвечала требованиям управления государством. В то же время она полностью соответствовала условиям ведения кочевого хозяйства.

Описанные выше границы улусов наметили пределы еще одного улуса, о существовании которого говорят источники. По словам Ибн-Халдуна, в 1360-х годах Хаджи-Черкес «завладел окрестностями Астрахани» и стал «владельцем Астраханского удела»⁴⁰⁵. Южная граница этого улуса проходила по бассейнам рек Кумы и Маныча к Дону; северная граница с улусом Сартака, видимо, была прозрачной; восточная шла по Волге. Предположение о таких границах подкрепляется возникновением именно на этой территории в конце XV века независимого Астраханского ханства⁴⁰⁶.

Более сложным вопросом является установление числа и границ улусов, располагавшихся за рекой Яик, о которых в источниках сохранились лишь отрывочные или косвенные сведения. Наиболее точно возможно установить границы улуса брата Батыя Шейбана. О его уделе свидетельствует Абулгази, по словам которого Батый при разделе земель сказал своему брату: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты будешь на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Кара-Кума и побережьях реки Сыр (Сырдарья. — Ю. С.) в устьях Чу и Сарису»⁴⁰⁷. Улус Шейбана упоминает и Карпини, называя его «Сыбаном». Описывая территорию, которой владеют потомки Чагатая, он говорит: «...с севера же прилегают к ней земли черных китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Батыя»⁴⁰⁸. Именно здесь кочевал один из прямых потомков Шейбана Абул-Хайр (XV век)⁴⁰⁹. Под контролем Шейбана находились и более северные территории, где, видимо, были уделы его сыновей. Здесь можно выделить два улуса.

В правобережье Ишима восточные авторы помещают улус Мустафы-хана, жившего в XV веке⁴¹⁰. Еще одно улусное владение должно располагаться на левобережье Ишима до впадения в Иртыш; его западная граница проходила по Уральскому хребту. На этой территории, на реке Тура, в середине XIII века возник город Тюмень как место пребывания темника-десятитысячника⁴¹¹. Это косвенно подтверждается летописным известием о покорении Сибири Ермаком, где говорится: «...и августа в первый день взяша град Тюмень... и царя Чингиза убиша»⁴¹². На Руси царями и царевичами называли владельцев туменов⁴¹³. В то время (конец XVI века) этот улус входил в состав Сибирского ханства.

Вероятно, река Эмба отделяла улус Шейбана от еще одного владения, находившегося в междуречье Яика и Эмбы, куда, по всей видимости, был переселен Батыем его брат Берке в 1245 году. Такое предположение вполне правомочно, поскольку известно, что Берке откочевал «за Этилию»⁴¹⁴, а земли между Волгой и Яиком составляли личный удел велико-

го хана. О существовании улуса на Яике в начале XIV века свидетельствуют арабские хроники. Причем ясно, что речь в них идет не о великоханском владении, — имеется в виду именно удел на левобережье Яика. Именно на этой территории был коренной улус эмира Идигу (Едигея) и позже — Ногайской орды⁴¹⁵.

Несомненно, что особый улус составляли земли, заселенные башкирскими племенами. По сведениям венгерских миссионеров, монголы истребили основной правящий слой башкир, который был заменен ордынской администрацией. В 1320-х годах существовал и глава всей Башкирии, то есть улус-бек⁴¹⁶. Восточной границей этого улуса был Уральский хребет. Южная его граница проходила в районе бассейна рек Бузулук и Самары. Именно здесь в XVI веке находился рубеж между Казанским ханством и Ногайской ордой⁴¹⁷. О границе между Булгаром и Башкирией ничего определенного сказать нельзя — возможно, она была прозрачной⁴¹⁸.

Все вышеперечисленные улусы входили в состав левого крыла степного государства Ак-Орды (Белой Орды). Правое крыло — Кок-Орду (Синюю Орду) — составляли владения пяти братьев Батыя: старшего Орду-Ичена и младших Удура, Тука-Тимура, Шингура и Сингкума. Каждый из царевичей получил в управление улус-тумен. Это подтверждается сведениями Рашид-ад-Дина о выделении в 1258 году для завоевания Ирана по два воина от каждого десятка, в результате чего набрался десятитысячный корпус⁴¹⁹. Следовательно, армия, предоставленная Синей Ордой, составляла пятьдесят тысяч человек, то есть пять улусов-туменов. Географически восточные авторы располагают Синюю Орду в пределах «Улуг-тага, Секиз-Ягача и Каратала до пределов Гуйсена, окрестностей Дженда и Баркченда»⁴²⁰.

Вероятно, территорию между рекой Иртыш и озером Балхаш, которая была владением Джучи-хана, получил в управление, по монгольскому обычаю, младший его сын Сингкум. Однако он не имел детей, и этот улус после его смерти был присоединен как выморочный к владениям старшей ветви Джучидов — потомкам Орду-Ичена. Позже, в XVI—XVIII веках, на этой территории располагались кочевья казахской Старшей Орды (самой малочисленной)⁴²¹.

Территория, ограниченная Сырдарьей и Сарысу с юго-запада и озером Балхаш с востока (включая нагорье Улуг-Тар), составляла улус старшего брата Батыя — Орду-Ичана. Впрочем, о таком расположении его удела можно судить лишь по косвенным данным, встречающимся у восточных авторов. В XVI веке на этой территории зимовал Касим-хан. Хайдар Дулати в «Тарих-и рашиди» («История Рашида») называет ее Каратал (видимо, по названию урочища на реке Сырдарье, в районе Туркестана). Под 1582 годом в сочинении ал-Бухари «Шараф наме-ий шахи» («Книга восхваления шахов») встречается упоминание о степи Минг-Булак, где останавливался во время похода в степь Абдалах-хан. Минг-Булак («тысяча ключей») — это степь на север от Сыгнака⁴²². В XVII—XVIII веках на этой территории располагались кочевья казахской Средней орды⁴²³.

Область западнее Аральского моря и при устье Амударьи составляла улус Хорезм⁴²⁴. На северо-западе его границей, вероятно, служила река Эмба.

Еще один улус располагался на полуострове Мангышлак. В XIV веке это был родовой удел Туй-Ходжи-оглана, отца Токтамыша⁴²⁵. О границе между Мангышлаком и Хорезмом ничего определенного сказать невозможно.

Территория между реками Амударьей и Сырдарьей, возможно, представляла собой отдельный улус. Город Дженд, находящийся здесь, упоминается среди владений ханов Синой Орды. Джувеини, описывая путь из Каракорума в иранские владения эмира Коргуза, отмечает, что он «на обратном пути заехал к Тангуту, брату Бату, а затем продолжил путь через Хорезм»⁴²⁶. Путь эмира с востока на запад дает возможность предположить во владениях Тангута именно Дженд и его округу. При этом весьма показательно, что характер чеканки на монетном дворе Дженда позволяет видеть в нем в XIII веке центр одного из значительных ордынских улусов⁴²⁷.

Однако никаких более точных сведений, подтверждающих или опровергающих существование в этом районе улусного владения, нет.

Таким образом, основываясь на сохранившихся в источниках сведениях, на территории Джучиева Улуса можно вы-

делить двадцать два улуса. Их названия условны и даются нами по географическим ориентирам или по именам известных нам владельцев (как правило, первых). В XIII—XIV веках на территории Золотой Орды существовали следующие улусы: «Ногая», «Бурундая», «Мауци», «Крым», «Картана», «Северный Кавказ», «Дербент», «Астрахань», «Сартака», «Червлёный Яр», «Мордовия», «Сарай», «Булгар», «Башкирия», улус в междуречье Яика и Эмбы, «Шейбана», «Тюмень», «Ишим», «Сингкума», «Орду-Ичана», «Хорезм», «Мангышлак».

Установление общего числа улусов степного государства позволяет нам определить общую численность войск Джучиева Улуса, поскольку каждый владелец улуса должен был выставлять точно определенное количество воинов: десятник — десять, сотник — сто, тысячник — тысячу, темник — десять тысяч человек. Исходя из этого, общее число войск Орды можно определить в 220—230 тысяч воинов (улусов-десятитысячников было 22 или 23). Такое положение дел косвенно подтверждается известиями источников о количестве войск эмира Идигу (Едигея) (1395—1411 годы) и хана Ахмата (1465—1481 годы). Независимые друг от друга источники называют в первом случае цифру в 200 тысяч человек⁴²⁸, а во втором — более 150 тысяч человек⁴²⁹.

В течение XIII—XIV веков в изменении внутренних границ Золотой Орды можно выделить несколько этапов:

первый — 1240-е годы — период образования государства, выделения улусов и пожалование ими представителей ордынской элиты;

второй — 1250—1260-е годы — эпоха активизации западной политики Орды; завоевание земель между реками Дунай и Днепр и образование на этой территории двух улусов: один в междуречье Дуная и Днестра, другой в междуречье Днестра и Днепра;

третий — 1280—1290-е годы — период образования в Орде второго политического центра — Ногаевой Орды и борьбы за единовластие; уничтожение в результате гражданской войны войск западных улусов привело к сокращению территории Орды; западная граница переместилась к реке Сирет;

четвертый — эпоха наивысшего могущества ордынского государства в правление ханов Узбека и Джанибека

(1300–1359 годы); характеризуется стабильностью внешних и внутренних границ, а также расширением территории Орды за счет закавказских земель (присоединение Азербайджана);

пятый — эпоха «великой замятни» (1359–1380 годы). Период распада государства на мелкие владения и сокращение территории Орды (потеря двух западных улусов; раздел государства между Мамаем и Токтамышем);

шестой — время объединения Токтамышем Орды от Днепра до Иртыша (1380–1395 годы); характеризуется активизацией военной экспансии во владения Тимура, что приводит к двум походам Тимура на Джучиев Улус в 1391 и 1395 годах и в итоге к полному краху государства; в дальнейшем владения великих ханов не восстанавливались даже в границах земель, подвластных Токтамышу.

6. Признаки принадлежности к элите Джучиева Улуса в вещевой атрибутике

Принадлежность к знати не могла не найти выражения во внешних признаках, в вещевой атрибуции элиты ордынского общества — ведь, по словам А. Г. Юрченко, «тот, кто облачился в монгольский костюм, был интегрирован в имперские структуры (независимо от его вероисповедания)»⁴³⁰. Однако подобная система выражения включения в состав аристократии почти не нашла отражения на страницах письменных источников.

На возможность детализировать социальную структуру Орды на основе археологического материала обратил внимание В. А. Иванов. Учитывая 850 погребений ордынского периода от Урала до Карпат, он отмечает, что «всаднические погребения» составляют почти треть из них — 29,7 процента. Причем 12,7 процента содержат в том или ином виде конские захоронения, а 17 процентов — принадлежности конской сбруи, но без коня⁴³¹. Эти данные позволили В. А. Иванову сделать следующие выводы. В первую очередь он отмечает, что «всаднические погребения» у кочевников эпохи Золотой Орды Поволжья и Южного Приуралья, веро-

ятнее всего, играют роль не этнического, а *социального репера* (курсив мой. — Ю. С.) и указывают на имущественное положение погребенного или погребенной»⁴³². Одной из главных характеристик достатка для кочевого общества В. А. Иванов вполне справедливо определяет наличие коня. При этом имущественный признак тесно связан с местом человека на общественной лестнице — «забить коня и зарыть его в землю вместе с умершим хозяином могла себе позволить семья с одним уровнем материального достатка и соответствующим местом в социальной иерархии. Захоронить шкуру коня, использовав его мясо для проведения поминальной тризны, — это уже другой уровень и достатка, и общественной значимости, а поместить в могилу конскую узду — третий уровень»⁴³³. Выделяет автор и четвертый уровень — «может быть, самый низший уровень материального достатка и социальной значимости» — это погребения, не имеющие признаков «всаднического», «но содержащие предметы вооружения — железные наконечники стрел, колчаны, костяные накладки лука, то есть воинские»⁴³⁴.

Погребальный инвентарь позволяет относить к верхнему слою ордынского общества — знати — тех людей, которые захоронены с предметами вооружения и с останками коня. Подобный обряд захоронения описывает участник францисканской миссии в Монголии в 1245–1246 годах брат Ц. де Бридиа: «Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой сидящим в ней, и вместе с [деревянным] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами»⁴³⁵. Таким образом, свидетельства письменного памятника соответствуют археологическим данным, подтверждают и детализируют их. Правда, эти свидетельства в большей мере относятся к имущественной дифференциации, позволяя только предполагать социальный контекст.

В то же время в исследовательской литературе утвердилось мнение, что «о высоком общественном положении степняка свидетельствовали его лошадь, пояс, оружие, парчовый халат и головной убор»⁴³⁶. Это обобщающее суждение, в целом справедливое, на наш взгляд, можно уточнить.

Так, свидетельство персидского автора Ибн Биби позволяет нам выделить ряд обязательных вещественных атрибутов принадлежности к элите Орды. По его сведениям, Батый, оправляя в обратный путь послов сельджукского султана Гияс-ад-Дина, «...пожаловал для султана колчан, футляр для него, меч, кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и ярлык»⁴³⁷. Аналогичный вещевой набор, по сообщению Хафиза Абру, жалует Чингизиду Йасавуру ильхан Улджайту: «...падишахский халат, золотую пайцзу, каба, шапку, ремень, лошадь, оружие, палатку, исшитый золотом шатер (шадурван, сара-парде), литавры и знамя». Этот же автор приводит слова владетельной особы Арпа-хана: «...мне достаточно золотого ремня, шапки, украшенной драгоценными камнями, шерстяной одежды и русской войлочной шапки»⁴³⁸.

Некоторые элементы вещевой атрибутики упоминаются при описании принятия на службу ильханом Газаном двух эмиров: «Государю ислама (Газану. — Ю. С.) их прибытие пришлось весьма по душе, он счел его за счастливое предзнаменование, пожаловал и одарил их кафтанами, шапками и поясами с драгоценным набором»⁴³⁹.

В летописи арабского автора Ибн Дукмана упомянуто, что послы хана Узбека к египетскому султану преподнесли ему подарок от ордынского правителя, который состоял «из 3 соколов и 6 невольников, из кольчуги, булатного шлема и меча». При этом автор особо подчеркнул, что «никто из царей их прежде этого не присылал ничего подобного, потому что у них в обычае бережливость...»⁴⁴⁰.

Таким образом, кроме документального подтверждения политического признания служебного положения — ярлика, мы видим вещественные атрибуты, сопровождающие пожалование. По сути, это признаки, по которым человека выделяют из числа прочих, — признаки знатности и элитности, выраженные в предметах вооружения (колчан, меч), одежды (кафтан, халат, украшенная драгоценностями шапка, ремень/пояс).

Еще один атрибут, указывающий на знатность, мы находим при описании существовавшего в государствах Чингизидов обряда возведения в нойонский сан. Согласно «Со-

кровенному сказанию», обряд этот выглядел следующим образом: «...сказал Чингиз-хан, обратясь к старцу Усуну: "...По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки... Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон"»⁴⁴¹.

Подобный обряд сопутствовал выдаче ярлыков русским князьям. Описание его есть у В. Н. Татищева: «Егда прииде Ярослав во Орду, и хан прият его с честью, даде ему доспех (в "доспех", по-видимому, входили все те же колчан, футляр для него, меч, шапка, украшенная драгоценными камнями. — Ю. С.) и повеле обвести его по чину на великое княжение. Коня же его повеле вести Володимиру Резанскому да Ивану Стародубскому, бывшему тогда во Орде. И августа месяца (1264 года. — Ю. С.) отпусти его с послом своим Жанибеком и с ярлыком на великое княжение»⁴⁴². К сожалению, источники В. Н. Татищева не известны, но летописи донесли до нас сведения, подтверждающие слова историка. Например, при описании борьбы за великое княжение во время первой фазы феодальной войны XV века между Василием Московским и его дядей Юрием Галицким летописцы в 1432 году упоминают о посажении победителя спора Василия на коня и необходимости вести его проигравшим Юрием (правда, московский князь отказался от этой чести)⁴⁴³.

Необходимо признать, что обряды возведения в нойоны и великие князья во времена монгольского владычества в целом соответствовали друг другу. Различия в описаниях В. Н. Татищева и автора «Сокровенного сказания» — Усуна облачили в шубу, а Ярослава Ярославича в доспех — можно объяснить тем, что Усун занял гражданскую должность «начальника времени» («Чингиз-хан сказал: "...пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!"»⁴⁴⁴, тогда как великий князь Владимирский — должность военная. В то же время описания совпадают в наиболее важной для степной традиции детали: в обоих случаях имеет место обряд посажения на коня. В этой связи примечательно сравнение с домонгольским обрядом возведения в князья: благословение крестом и мечом (например, возведение в новгородские князья Константина

Всеволодовича в 1206 году: «...и да ему отец крест честный и меч река се ти буди сохранение и опасение иже ныне даю ти пасти люди своя от противных»⁴⁴⁵).

По данным В. А. Иванова, сопроводительный инвентарь абсолютного большинства (к сожалению, автор не приводит никаких детальных цифровых или процентных выражений) «всаднических погребений» состоит из железных наконечников стрел, помещенных в берестяной колчан, ножа, огнива, очень редко — сабли или сабли и шлема⁴⁴⁶. То есть вещественные атрибуты, символизирующие принадлежность к элите, в большинстве своем попадали в состав погребального инвентаря. Правда, положить в погребение саблю или меч мог позволить себе не каждый, но ножи и кинжалы среди сопроводительного инвентаря ордынских захоронений встречаются часто. Можно также предполагать, что заменой шапки, украшенной драгоценными камнями, в погребениях становились шлемы — особенно если деятельность покойника была напрямую связана с военным делом.

Любопытно, что в духовной грамоте великого князя Владимирского и Московского Ивана II Ивановича среди завещанных ценных вещей отмечены «шапка злата» и «сабля злата»⁴⁴⁷. Напрямую связать эти вещи с пожалованием ордынского хана невозможно. Однако наличие «шапки» и «сабли» среди важных и завещаемых именно старшему наследнику предметов позволяет в них видеть атрибуты именно социального статуса, который для времени правления князя Ивана II (1353—1359 годы) тесно связан с ордынской властью и пожалованием ярлыка на владение, вероятно сопровождавшимся и пожалованием соответствующей вещевой атрибутики, подобной той, что была послана сельджукскому султану.

В погребальном инвентаре широко представлен такой элемент, как пояс, который в письменных источниках как признак пожалования и соответственно как атрибут элитности отмечается редко. Правда, если пояс жалует, то это, как правило, пояс золотой, подчеркивающий принадлежность к верховной власти. Так, назначая управителем Джучиева Улуса сына Урус-хана Койричака, Тимур «удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса»⁴⁴⁸. В духовной Ивана

Калиты упомянут «поясь золоть ц [е] с [а] р [е] вський»⁴⁴⁹, маркировка которого («цесаревський») может быть связана с ордынской властью. Свидетельств того, что пояс выдавался при пожаловании владений и ярлыка, мы не встречаем. Но коль скоро пояс служил для ношения оружия, то можно предположить, что пожалованию ярлыка сопутствовало не только наделение оружием, но также и поясом, который соответствовал статусу пожалования.

Головные уборы и пояса являлись важным элементом при процедуре обновления инвеституры в ходе возведения на престол нового хана. Так, Рашид-ад-Дин неоднократно подчеркивает, что признание элитой власти вновь избранного правителя сопровождалось снятием головного убора и поясов: «Все сняли с головы шапки и перекинули пояса через плечо»⁴⁵⁰ (избрание Угедея); «все царевичи сняли шапки, развязали кушаки»⁴⁵¹; «все сняли с голов шапки и повесили пояса [себе] на плечи»⁴⁵².

Таким образом, очевидно, что принадлежность к знати ордынского государства выражалась в четко определяемой системе атрибутов. Основанием причисления к элите был ярлык, подтверждающий ханское пожалование, а сам обряд пожалования подразумевал дарение колчана, меча/сабли, головного убора, кафтана, золотого пояса. Имел место также обряд посажения на лошадь и ее ведения подчиненными. Шлем, по всей вероятности, определял принадлежность к высшему элитарному слою — это был атрибут человека высокого ранга (в том числе, возможно, Чингизида или родственника хана по женской линии). Зависимый от хана правитель-нечингизид получал в качестве атрибута не шлем, а шапку, украшенную драгоценностями.

Отметим, однако, что данные наблюдения относятся в первую очередь к служилой аристократии, которую по определению В. Парето можно отнести к «правлящей элите». Другая часть знати, аристократы по рождению — так называемая «неуправляющая элита»⁴⁵³, — имела другой набор вещевой атрибуции, поскольку свое положение ее представители получили по праву рождения, а не на основании ханского пожалования. Этот набор тесно связан с понятием престижности и может существенно отличаться от набора вещевой

атрибутики, связанной с принадлежностью к элите. Ведь основным признаком элиты является отношение к управлению, тогда как престиж может быть связан с любыми иными достижениями человека⁴⁵⁴.

Принятие ислама в качестве государственной религии привело к значительному его распространению прежде всего в правящем слое Орды, а затем и среди большинства населения. Как следствие этого происходит постепенное отмирание языческих погребальных традиций. Неудивительно, что во второй половине XIV века в погребальном обряде населения Джучиева Улуса происходят значительные изменения и из могил исчезают предметы всадничества и вооружения⁴⁵⁵. Д. В. Васильев констатирует объединение в одном комплексе языческих пережитков и мусульманского обряда и, как результат этого, единообразные захоронения знати в мавзолеях⁴⁵⁶.

Глава 3 Хроника поездок русских князей ко двору ордынского хана

В течение 1237–1241 годов большинство русских княжеств были разгромлены монголо-татарскими войсками, что вызвало необходимость выстраивания отношений на новых условиях. Русские князья, не сумев отстоять свою независимость с оружием в руках, вынуждены были признать власть более сильного. На протяжении XIII столетия наблюдается процесс признания подчиненности и оформления вассальных отношений.

Особенности развития зависимости русских княжеств от Орды, степень участия русских князей в политических институтах Орды, их места в составе элиты Джучиева Улуса, стиль управления своими владениями в условиях иноземного владычества — все это связано с частотой их поездок в степь, количеством времени, проведенного вне своего княжества — в пути в ставку и из ставки хана и при дворе ордынского правителя. Кроме того, важна доля времени, проведенного в ставке хана, от лет жизни и правления того или иного князя, поскольку степень суверенных полномочий находится в прямой зависимости от необходимости пребывания при дворе правителя более высокого ранга.

В совокупности эти данные помогают лучше понять систему отношений русских князей с Ордой, а также динамику их изменений. Необходимо отметить при этом, что строгость подсчетов сама по себе без взаимосвязи с исторической стороной исследования не означает точности и надежности результатов⁴⁵⁷. Но, как бы то ни было, выявить меру вовлеченности русских князей в элиту Джучиева Улуса на основании количественных характеристик представляется вполне возможным.

Отсутствие в большинстве случаев точных свидетельств о сроках поездок русских князей ко двору ордынского хана обуславливает необходимость вычисления, а затем и использования средних показателей количества времени, затраченного на пребывание в ханской ставке.

1. Русские князья при ордынском дворе в XIII веке

Процесс установления так называемого монголо-татарского «ига»⁴⁵⁸ не был одномоментным. В первую очередь завоеватели должны были добиться официального признания своей победы и власти от князей поверженных земель. В частности, в Новгородской первой летописи отмечается, что в 1242 году «князь Ярослав Всеволодиць позван цесаремъ Татарьскимъ, и иде в Татары къ Батыеву, воеводе татарьску»⁴⁵⁹. По мнению Д. Г. Хрусталёва, приглашение было направлено «из ставки великого каана, то есть, возможно, еще Угедеем. Однако Ярослав поехал к Батыю, а в Каракорум послал сына Константина»⁴⁶⁰. С таким выводом исследователя трудно согласиться. Ведь время вызова Ярослава в степь четко совпадает именно с возвращением Батыя из западного похода. В то же время немаловажны другие выводы Д. Г. Хрусталёва. Во-первых, он отмечает, что «мирные отношения с Северо-Восточной Русью монголы собирались установить по собственной инициативе и на разных уровнях». И во-вторых, «уже при первых контактах суздальских князей с монгольскими ханами они оказались включенны-

ми в сложную внутривосточную игру евразийского масштаба»⁴⁶¹.

Параллельно под 1242 годом Новгородская IV летопись фиксирует поездку в Орду сына Ярослава Всеволодовича Александра: «Иде Александръ къ царю Батыю»; и рязанского князя Олега Ингваревича Красного в Каракорум: «къ Канови иде»⁴⁶².

Большинство исследователей полагают, что князь Олег Рязанский был в Орде задержан на десять лет и освобожден только в 1252 году⁴⁶³. Основанием для подобного вывода является упоминание в летописных сводах о том, что «того же лета (1252 года. — Ю. С.) пустиша Татарове Олга Рязанского в свою землю»⁴⁶⁴. Однако других примеров, чтобы монголы-татары или ханы Орды задерживали иноземных правителей более чем на три года, в источниках не встречается. Поэтому здесь, вероятно, мы наблюдаем фиксацию источниками двух разных поездок Олега Ингваревича в ставки монгольских правителей. Причем в данном случае можно предполагать, что рязанский князь получил вызов действительно от монгольского каана — вероятно, Угедея. Надо полагать, что через полтора года он вернулся на Русь, приняв инвеституру из рук верховного правителя степной империи и получив тем самым определенные иммунитетные права как по отношению к владимирскому князю, так и к хану Джучиева Улуса.

Не исключено, что подобный вызов получил и князь Ярослав Владимирский. Но он предпочел оформить вассальные отношения с Батыем, для чего отправил для предварительных переговоров своего сына — Александра.

Так или иначе, известно, что в 1243 году Ярослав Всеволодович, владимирский князь, получает инвеституру из рук Батыев, старейшинство и Киев как столицу Руси. Таким образом, фактическим распорядителем русских земель становится ордынский хан.

В следующем, 1244 году к Батыю едут князья Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский и Василий Всеволодович Ярославский. По мнению Д. Г. Хрусталёва, их на поклон к ордынскому хану направил князь Ярослав как верховный правитель Руси⁴⁶⁵. Однако оговорки летописца о том, что князья «поехаша в Татары к Ба-

тыеви про свою отчину» и что хан «расудивь имь когождо в свою отчину»⁴⁶⁶, могут свидетельствовать скорее об обратном. Князь Ярослав, получив главенство на Руси, по всей видимости, начал властно осуществлять свои полномочия, и в первую очередь в пределах Владимирского княжества, к которому относился Ростовский удел и его части. Именно тогда князья решили также получить ярлыки на свои владения у Батыя, выйдя тем самым из-под юрисдикции владимирского князя. Это могло быть осуществлено только при условии подчинения напрямую более высокому по статусу правителю, которым и был ордынский хан. Это решение представителей ростовского княжеского дома приводит к тому, что во второй половине XIII века, по мнению ряда исследователей, они «превратились в настоящих “служебников” хана»⁴⁶⁷.

Тем не менее необходимо признать верным вывод В. В. Каргалова о том, что «полного единодушия в Северо-Восточной Руси по этому вопросу (признание власти Орды. — Ю. С.) не было»⁴⁶⁸. И тем более такого единодушия не наблюдается на всей Руси. В частности, южнорусские князья, и прежде всего крупнейшие политические фигуры — черниговский князь Михаил Всеволодович и галицкий князь Даниил, — не проявляют на протяжении 1242–1245 годов никакой активности в отношениях с завоевателями.

Как отметил В. В. Каргалов, наличие неоднозначной позиции во взаимоотношениях с Ордой «во многом определяло политику великого владимирского князя. Эта политика в первое десятилетие после нашествия Батыя была двойственной». Принципиален здесь факт того, что «большая часть Северо-Восточной Руси была опустошена нашествием и уже не имела сил для открытого сопротивления завоевателям, что делало неизбежным признание, хотя бы формальное, зависимости от золотоордынских ханов». Другим фактором, влиявшим на политику Ярослава, по мнению В. В. Каргалова, было то обстоятельство, «что добровольное признание власти ордынского хана обеспечивало лично великому князю определенные преимущества в борьбе за подчинение своему влиянию других русских князей. В случае же отказа Ярослава Всеволодовича явиться в Орду великокня-

жеский стол мог при поддержке Батыя перейти к другому, более сговорчивому князю». При этом «существование сильной оппозиции ордынской власти в Северо-Западной Руси и неоднократные обещания западной дипломатией военной помощи против монголо-татар могли пробуждать надежду при определенных условиях противостоять притязаниям завоевателей...». Далее В. В. Каргалов приходит к справедливому выводу: «Все это привело к тому, что великие владимирские князья после формального признания власти золотоордынских ханов пытались выступить против монголо-татарского владычества, и факт признания этой власти еще не означал в действительности установления над страной иноземного ига». Таким образом, вполне закономерно заключение исследователя о том, что «первое десятилетие после нашествия является периодом, когда иноземное иго еще только оформлялось и в стране побеждали силы, поддерживавшие татарское владычество»⁴⁶⁹.

Дальнейший этап включения Руси в систему монгольского владычества и государственности следует связать с 1245 годом. Тогда на Русь из Каракорума вернулся Константин Ярославич (сын владимирского князя), а в ставку Батыя отправилась представительная делегация, состоявшая из Ярослава Киевского и Владимирского, его братьев Святослава и Ивана, князей ростовского дома — Владимира Углицкого, Бориса Ростовского и Василия Ярославского. То есть практически все князья Северо-Восточной Руси отправились в степь. Кроме того, именно в 1245 году в Орду был вызван Даниил Романович Галицкий и, по всей вероятности, Михаил Всеволодович Черниговский.

Данные факты свидетельствуют о масштабности событий, и необходимо согласиться с мнением Д. Г. Хрусталёва, который отмечает, что «эта поездка не была рядовой. Завершался некий этап переговорного процесса, в который был включен весь административный аппарат как Владимиро-Суздальской Руси, так и Монгольской империи»⁴⁷⁰.

Можно предполагать, что вызов всех князей в ставку Батыя был связан с каким-либо общерусским (или общеимперским) мероприятием. Показательно, что именно к этому времени автор «Повести об убиении Михаила Черниговско-

го» и Плано Карпини относят перепись населения на Руси. Причем, если упоминание об этом событии у папского легата явно относится к южнорусским княжествам, то в «Повести...» указание на него носит общерусский характер («а мало от тех изоставахуся (бежавших от татарского вторжения. — Ю. С.), тех же... осадилша в градах, и исчетоша а в число, и начаша на них дань имати татарове») ⁴⁷¹. Традиционно вслед за Б. Д. Грековым и А. Н. Насоновым данная перепись связывается только с южнорусскими княжествами ⁴⁷². Но если принять, что перепись 1245 года была общерусской, то именно к 1245 году необходимо отнести установление основных атрибутов зависимости Руси от Орды — *получение ярлыка на княжение* у хана и регулирование *налоговых выплат* (дани, «выхода»).

При этом ордынские властители хотели видеть русскую знать в составе элиты своего государства. Об этом свидетельствует соответствие в русской письменной традиции титулов русской и ордынской аристократии ⁴⁷³, да и слова Плано Карпини, который утверждает, что во время приемов и заседаний в ханском шатре ему и великому князю Владимирскому Ярославу монголы «всегда давали высшее место» ⁴⁷⁴.

В то же время пребывание в Орде князей-лидеров — Ярослава Владимирского, Михаила Черниговского и Даниила Галицкого — завершилось по-разному. Если галицкому князю удалось избежать языческого обряда очищения огнем и получить ярлык на княжение, оформив тем самым вассальные отношения с Сараем, то Михаил Всеволодович был казнен ⁴⁷⁵. За этой казнью последовало резкое включение распавшегося на уделы Черниговского княжества в сферу ордынской государственности.

Ярослав Всеволодович был отправлен Батыем в Каракорум, где участвовал в курултае, на котором кааном был провозглашен сын Угедея Гуюк. У последнего были устойчивые противоречия с Бату-ханом. Однако до открытой вражды дело пока не дошло. Именно с этим конфликтом в историографии связывают смерть Ярослава по пути из Монголии (умер, «ида от Кановичь»). В частности, А. Н. Насонов предполагал, что его отравили именно как сторонника хана Батыея ⁴⁷⁶. Об отравлении свидетельствует папский легат Плано Карпини.

отмечая, что Ярослава отравила «ханьша», чтобы «свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁴⁷⁷

Таким образом, князь, одним из первых оформивший вассальные отношения с Ордой и Монгольской империей, дважды ездил в ставку завоевателей, потратив на это около 25 процентов от времени княжения на владимирском столе (18 лет) и чуть более 3,5 процента от лет жизни. Во временном выражении это составило около двух лет. Он оказался первым русским князем, умершим по дороге из степи. Причем это единственный князь, свидетельства об отравлении которого по приказу монгольских правителей достаточно достоверны.

Как отметил В. В. Каргалов, «гибель великого князя Ярослава значительно усложнила обстановку в Северо-Восточной Руси»⁴⁷⁸. Первоначально владимирский стол занял следующий по старшинству Всеволодович — Святослав, «а сыновци свои посади по городом, якож бе имь отец оурядилъ Ярославъ»⁴⁷⁹. Однако в 1247 году «поеха Андрей князь Ярославич в Татары к Батыеву и Александр князь поеха по брате же к Батыеву»⁴⁸⁰. Ордынский хан «почтивъ ею и посла я к Каневичем»⁴⁸¹. Таким образом, Бату переложил груз ответственности за решение дальнейшей судьбы русских княжеств на общеимперское правительство.

В конце 1249 года (зимой 1249—1250 годов) князья-Ярославичи вернулись на Русь. Решение имперского правительства было следующим: «приказаша Александрови Киевъ и всю Русьскую землю, а Андреи седе в Володимери на столе»⁴⁸². В историографии сложилось мнение, которое емко и четко обозначил В. В. Каргалов: «Решение великого хана отдать владимирский стол Андрею Ярославичу в обход его старшего брата послужило в дальнейшем источником больших осложнений»⁴⁸³. Как отметил В. Л. Егоров, «возник конфликт о соподчиненности Киевского и Владимирского князей»⁴⁸⁴. Впрочем, А. А. Горский полагает, что основой для выводов о противоречии между князьями — старшими Ярославичами стала некритично воспринятая догадка В. Н. Тащицева о жалобе Александра на брата⁴⁸⁵.

По мнению В. В. Каргалова, сконцентрировавшего представления исследователей⁴⁸⁶ о русской политике в отноше-

нии Орды на рубеже 1240—1250-х годов, к этому времени на Руси сложилась антитатарская коалиция. Первым это предположение сформулировал А. Н. Насонов, который указывает, что перед событиями 1252 года Андрей Владимирский «сделал как будто попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая, очевидно, на военную помощь от папы»⁴⁸⁷. Эта догадка во многом определялась высказыванием К. Маркса, который в своих «Хронологических выписках» писал, что «Андрей пытался противиться монголам»⁴⁸⁸. Антитатарскую коалицию составили сильнейшие князья того времени Андрей Владимирский и его тесть Даниил Галицкий. При этом, «готовясь к открытой борьбе с татарами, великий князь Андрей Ярославич мог опереться прежде всего на северо-западные русские земли, которые не подверглись татарскому погрому и не попали еще в орбиту ордынской политики». Кроме того, на «стороне Андрея активно выступил тверской князь Ярослав Ярославич (его “княгиня” и дети находились под Переяславлем)»⁴⁸⁹.

Но летом 1252 года великий князь Владимирский Андрей Ярославич был смещен со своего престола волей хана Орды Батыея. Могущественный сарайский правитель для осуществления этой цели направил на Северо-Восточную Русь карательный отряд во главе с эмиром Неврюем. Место владимирского князя занял его старший брат Александр, получивший в книжной традиции прозвище «Невский».

Поездку в Орду Александра и решение хана о смещении Андрея исследователи объясняют разными причинами⁴⁹⁰. Н. М. Карамзин полагал, что Андрей Ярославич не справился с обязанностями великого князя, чем вызвал гнев Батыея, и Александр отправился в Орду с целью смягчить гнев великого хана⁴⁹¹.

Наиболее концентрированно это суждение, как уже говорилось, оформлено В. В. Каргаловым. Политические осложнения, вызванные передачей владимирского стола младшему брату Андрею, минуя старшего, заключались в том, что, во-первых, этим решением был недоволен Александр. Во-вторых, «Андрей Ярославич, получивший владимирский великокняжеский стол непосредственно от великого монгольского хана, вел себя довольно независимо по отношению

к Орде»⁴⁹², а «в начале 50-х годов, когда Андрей Ярославич укрепился на великокняжеском столе, им была сделана попытка оказать открытое сопротивление Орде». С этой целью он «старался заключить союз с Южной Русью, с сильнейшим южнорусским князем Даниилом Романовичем Галицким» — в прямой зависимости здесь стоит «заключение брака между великим владимирским князем Андреем Ярославичем и дочерью Даниила Галицкого»⁴⁹³. «В целом в начале 50-х годов XIII века на Руси сложилась довольно сильная антитатарская группировка, готовая оказать сопротивление завоевателям», — подводит итог В. В. Каргалов⁴⁹⁴.

В этих обстоятельствах, по мнению В. В. Каргалова, «в борьбе против Андрея Ярославича, которого легко можно было обвинить в “измене” хану, для Александра открывалась единственная возможность вернуть принадлежавший ему по старшинству великокняжеский стол. Если Андрей Ярославич опирался на антитатарские силы, то Александр, естественно, мог отнять у него великокняжеский стол только при помощи Орды»⁴⁹⁵.

В результате, «когда Александр Ярославич в 1252 году приехал в Орду “искать” великое княжение, ему был оказан самый благосклонный прием». А «против великого князя Андрея была направлена сильная монголо-татарская “рать” царевича Неврюя»⁴⁹⁶.

Довольно категоричное суждение В. В. Каргалова оставляет в стороне другие возможности разрешения конфликта (если таковой был) между Александром и Андреем. В частности, вполне вероятны переговоры между братьями Ярославичами о перераспределении столов в их «отчине»⁴⁹⁷. Мнение В. В. Каргалова основывается на тексте, приводимом В. Н. Татишевым, которому следует и С. М. Соловьев: «...иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение над ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея»⁴⁹⁸. В то же время Ф. Б. Шенк в своем обширном исследовании о месте Александра Невского в культур-

ной памяти России более осторожно пишет о поездке князя в ставку хана «предположительно, чтобы интриговать против своего брата»⁴⁹⁹

В свою очередь, В. А. Кучкин, не подвергая сомнению наличие мятежа князя Андрея, считает, что целью поездки в Орду Александра, «судя по всему, было получение Владимирского великого княжения», а его младший брат «по-видимому, и выступил против ханов, надеясь удержать за собой великое княжение Владимирское, но просчитался»⁵⁰⁰. Исследователь вполне справедливо подвергает критике концепцию, основанную на данных В. Н. Татищева, по которой инициатором прихода «Неврюевой рати» выступает князь Александр Ярославич⁵⁰¹.

Действительно, источники уникального сообщения В. Н. Татищева нам не известны. Большинство летописных упоминаний о событиях 1252 года осторожно отмечают предварительную перед «Неврюевой ратью» поездку Александра в Орду и его возвращение оттуда с «честью великою», ибо он получил «старейшенство во всей братьи его»⁵⁰². Причем об этом летописец говорит до описания похода татар на русские княжества. Таким образом, Лаврентьевская летопись никак не связывает поездку князя Александра в Орду и «Неврюеву рать»⁵⁰³.

Данное обстоятельство позволило А. А. Горскому привести аргумент в пользу недостоверности известия В. Н. Татищева. По его мнению, поход ордынского воеводы Неврюя не был результатом усилий Александра, а стал «запланированной акцией хана в рамках действий против не подчинявшихся ему князей». Бату-хан, выйдя фактически победителем во внутривосточной борьбе в Монгольской империи, вызвал к себе братьев Ярославичей для перераспределения княжеских столов, осуществленных враждебным ему правительством Гуюк-хана⁵⁰⁴.

Надо полагать, что А. А. Горский верно подметил связь и последовательность событий. Братья Александр и Андрей в 1249 году получили свои владения (старший — Киев и всю Русскую землю; младший — Владимирское княжество) из рук центрального монгольского правительства в Каракоруме⁵⁰⁵. Тогда делами государства управляла вдова монгольско-

го каана Гуюка Огул-Каймиш⁵⁰⁶, которая и выдала ярлыки на княжества. Однако в результате политической борьбы на престоле Монгольской империи оказывается Менгу, которого активно, в том числе военной силой, поддерживал глава Джучиева Улуса Бату-хан. Официальная интронизация была осуществлена в месяц зу-ль-када 648 года хиджры, который соответствует 25 января — 23 февраля 1251 года⁵⁰⁷

Для традиционной монгольской политической практики было характерно при смене главы государства подтверждение существующих владетельных прав⁵⁰⁸. Причем эти права должны были быть обеспечены личной явкой владетеля в ставку правителя. Так, например, армянские источники фиксируют вызов в степь армянских правителей в связи со сменой главы Монгольской империи. В частности, Киракос Гандзакечи описывает данные обстоятельства следующими словами: «...когда воцарился Мангу-хан, великий военачальник Батый... послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана»⁵⁰⁹. Смбат Спарпет относит начало поездки царя Хетума к 1253 году⁵¹⁰.

Русскими князьями, получившими инвеституру в Каракоруме, были на тот момент Александр и Андрей Ярославичи, а также Олег Ингваревич Рязанский. Именно они обязаны были явиться в ставку правителя, который занимался делами «Русского улуса». С большой долей вероятности можно предполагать, что функции управления русскими землями были переданы Менгу-кааном своему надежному союзнику и завоевателю Руси Батюю.

Именно к нему в 1252 году и отправляется Александр Невский. Вероятно, его поездка была напрямую связана с необходимостью подтверждения своих владетельных прав, хотя источники этого не фиксируют. Бату-хан подтвердил ярлык 1249 года, дав «стареишенство во всей братьи его». Летописные памятники фиксируют возвращение в 1252 году⁵¹¹ из степи Олега Ингваревича Рязанского, что косвенно подтверждает цели поездки Александра Ярославича за возобновлением инвеституры.

Андрей Ярославич не предстал перед ордынским тронном. Как отмечено в Лаврентьевской летописи, «здума... с своими бояры бегати нежели цесарем служити»⁵¹². Именно по-

сле этого Батый, не дождавшись приезда Андрея, посылает на Русь военную экспедицию, результатом которой становится изгнание князя в «неведому землю». Александр же после этих событий получает ярлык и на Владимирское княжество, объединяя тем самым общерусский киевский стол с владимирским⁵¹³.

Показательно, что летописец осуждает скорее действия Андрея, нежели поведение Александра. Эти мотивы тесно перекликаются с «Житием Александра Невского», также помещенным в Лаврентьевской летописи.

В «Житии...» события описаны предельно кратко: «...По сем же разгневаясь царь Батый на брата его меньшаго Андрея и посла воеводу своего Неврюня повоевати землю Суждальскую»⁵¹⁴. При этом явно подчеркивается «правильное» поведение Александра после возвращения из Орды: «Не внимая богатства и не презря кровь праведничу, сироте и вдовици въправду судия, милостолобець, блажь домочадцемъ своимъ и вънешнимъ от стран приходящим кормитель»⁵¹⁵.

Показательно, что автор памятника в первую очередь подчеркивал, что монголо-татары вообще и их «царь» Батый в частности действуют как орудие Всевышнего. Надо полагать, что автор тем самым находил оправдание ордынской политики Александра, неявно сравнивая «царя в Восточной стороне Батыя» и вавилонского царя Навуходоносора. При этом косвенно осуждалась политика младшего брата Александра Андрея (и, соответственно, ему подобных), который по данным летописей «здума... бегати», за что была разорена Суздальская земля⁵¹⁶.

Именно действия князя Андрея Ярославича рассматриваются как первопричина похода ордынских войск на русские княжества. В результате князь «с своими бояры» вынужден был бежать «на неведому землю», а его владения оказались разорены: «Татарове же россунушася по земли... и людии без щисла поведоша до конь и скота и много зла створивше отидоша»⁵¹⁷

Эти установки тесно перекликаются с Книгой пророка Иеремии, в которой говорится: «И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя Вави-

лонского, — этот народ Я накажу мечом, голодом и моровую язвою, говорит Господь, доколе не истреблю их рукою его. И вы не слушайте своих пророков и своих гадателей, и своих сновидцев, и своих волшебников, и своих звездочетов, которые говорят вам: «не будете служить царю Вавилонскому» Ибо они пророчествуют вам ложь, чтобы удалить вас из земли вашей, и чтобы Я изгнал вас и вы погибли... Подклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского и служите ему и народу его, и будете живы. Зачем умирать тебе и народу твоему от меча, голода и моровой язвы, как изрек Господь о том народе, который не будет служить царю Вавилонскому?» (Иер. 27:8—10, 12—13). А также: «оставайтесь на земле и служите царю Вавилонскому, и будет вам хорошо» (Иер. 40:9).

И в рассказе летописца о «Неврюевой рати», и в отрывке из Книги пророка Иеремии присутствуют сходные смысловые мотивы. Это в первую очередь военное нашествие, вызванное отсутствием смирения князя Андрея перед волей Всевышнего. Во-вторых, это изгнание из собственных земель (ср.: «и побеже на неведому землю»; «...удалить вас из земли вашей и чтобы Я изгнал вас и вы погибли»). И наконец, это разорение земель и пленение жителей княжества, которые тесно переплетаются с переселением израильтян в результате «вавилонского плена».

Однако прямых указаний на отождествление «ордынско-го» и «вавилонского» плена в рассказе Лаврентьевской летописи о «Неврюевой рати» 1252 года нет. Можно предполагать, что историософская концепция ордынского «ярма», «ига», «плена» находилась в период написания соответствующей статьи летописи в стадии формирования.

Как бы там ни было, князь Александр Невский действовал в полном соответствии с ордынской политической практикой. Смена каана Монгольской империи требовала подтверждения инвеституры от принявших ранее власть в Каракоруме. Таким образом, сообщение В. Н. Татищева о жалобе и «лести» Александра в отношении своего брата Андрея можно считать умозаключением самого исследователя.

Показательно, что в большинстве более поздних летописей акценты явно смещены. К примеру, в Софийской I летописи рассказ о «Неврюевой рати» представляет собой краткое пе-

речисление событий, правда, с добавлением некоторых частностей. Как и в Московском летописном своде конца XV века, здесь отмечается, что князь Андрей был настигнут под Переяславлем на «Бориш день» (2 мая или 24 июля) и, потерпев в сражении поражение, бежал с семьей в Швецию⁵¹⁸. Однако составитель Софийской I летописи добавляет, что Андрей «последи же на рати убыен быс (ть) от немецъ»⁵¹⁹, тогда как в Московском летописном своде отмечается, что князь «по том приде в свою отчину»⁵²⁰. Единственная оценочная характеристика событий выражена в провиденциальной формулировке: «Гневомъ бо б (о) жиимъ за умножение греховъ нашихъ побежены быша»⁵²¹. То есть «Неврюева рать» рассматривается в данных летописях как обычный эпизод в прошлом Руси, который четко укладывается в привычные провиденциальные представления древнерусских книжников.

Развернутая характеристика произошедшему в 1252 году дается в Никоновском своде. Во-первых, отмечается, что князь Александр Ярославич, отправляясь в Орду к «новому царю Сартаку, славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю блюсти поручи брату своему Андрею». Однако его младший брат «...аще и преудобрень бе благородиемъ и храбростию, но обаче правление дръжавы яко поделеие вменяя, и на ловитвы животныхъ упражняя и советникомъ младоумнымъ вменяя, отъ нихже бысть зело многое нестроение, и оскудение въ людехъ, и тщета имению, егоже ради Богу попустившкѣ»⁵²².

Тут тоже заметна переключка с эпизодом из Ветхого Завета, в котором повествуется о деятельности царя Ровоама, занявшего престол после Соломона. «Царь Ровоам советовался со старцами, которые предстояли пред Соломоном, отцом его, при жизни его, и говорил: как посоветуете вы мне отвечать сему народу?.. Но он пренебрег совет старцев, что они советовали ему, и советовался с молодыми людьми, которые выросли вместе с ним и которые предстояли перед ним... И отвечал царь народу сурово и пренебрег совет старцев, что они советовали ему» (3 Цар. 12:6,8,13). В конечном итоге царь Ровоам вынужден был бежать от войск своих противников.

Андрей Ярославич, по данным Никоновского свода, мотивирует свои действия следующими словами: «Господи! Что есть доколе намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ, лутчи ми есть бежати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ». Однако он выступает со своими войсками навстречу ордынцам, но «Гневом же Божиимъ за умножение греховъ нашихъ погаными побежени быша, а князь великы Андрэй едва убежа»⁵²³.

Таким образом, в отличие от ранней традиции, в Никоновском своде действия князя Андрея оцениваются как пренебрежение своими обязанностями, хотя от его имени и провозглашаются идеи единения князей, борьбы с усобицами и использованием в своих политических целях татар. В противовес ему князь Александр действует в соответствии с представлениями своего времени о долге князя перед народом — в соответствии с политической традицией Монгольской империи, в связи с чем и получил ярлык на княжение.

Не будет преувеличением сказать, что описание и характеристика событий 1252 года менялись в соответствии с актуальностью и политическими установками времени создания того или иного памятника.

Так или иначе, летом 1252 года ордынские войска во главе с эмиром Неврюем вторглись в пределы Северо-Восточной Руси. Минуя Владимир, они направились к Переяславлю, где «постигоша» Андрея с его войсками. В результате столкновения князь потерпел поражение и бежал сначала в Новгород, а затем в Швецию. «Неврюева рать» разорила Переяславль и Переяславское княжество и вернулась в степь. А чуть позже на Русь вернулся уехавший в ставку Батыея перед походом татар Александр Невский. Князь «церкви въдвиже, град исполни, люди разбегшая собра в дома своя»⁵²⁴ и «бысть радость велика в граде Володимери и во всеи земли Суждольскои»⁵²⁵.

С деятельностью великого князя Александра Ярославича традиционно связывается следующий этап вовлечения Руси в орбиту монгольской государственности. Это перепись населения, осуществленная в 1257–1259 годах при непосредственном участии владимирского князя. Проходила она в рамках общеимперских мероприятий по упорядочиванию налоговой системы. В частности, в 1252 году была проведе-

на перепись завоеванных монголами земель Китая, в 1254 году — в Армении. Наибольшее противодействие намерения ордынских чиновников встретили в Новгороде, который не был завоеван монголами. Тем не менее волнения в новгородской земле были подавлены, и в 1259 году перепись русского населения была завершена. Как подчеркнул В. В. Каргалов, «в событиях переписи 1257–1259 гг. в Новгороде наблюдается картина тесного сотрудничества великокняжеской администрации и лично великого князя Александра Ярославича с татарскими “послами” и “численцами”»⁵²⁶.

С проведением переписных мероприятий тесно связано введение на Руси института баскаков. В частности, А. Н. Насонов видит подтверждение существования этого института в качестве военно-политического в «десятниках», «сотниках», «тысячниках» и «темниках», которые вместе с численниками пришли на Русь и являлись лицами командного состава из «собственно монголов и татар»⁵²⁷. Однако В. В. Каргалов привел доводы в пользу того, что «аргументы А. Н. Насонова в лучшем случае допускают двойственное толкование и не обосновывают в достаточной степени тезис о существовании в Северо-Восточной Руси “военно-политической организации” монгольских феодалов»⁵²⁸.

Тем не менее сами баскаки на Руси присутствуют. Их функции В. В. Каргалов определяет как представителей хана, «которые только контролировали деятельность русских князей и доносили хану в случае неповиновения»⁵²⁹. Этот вывод исследователя перекликается со словами Б. Д. Грекова о том, что контроль над русскими князьями «осуществляли баскаки»⁵³⁰.

Система сбора дани в пользу ордынского хана основывалась на откупной системе, которая всегда является основой для многочисленных злоупотреблений. Именно против злоупотреблений («велику пагубу людемъ творяхуть, работяше резы и многы души крестьянския раздно»; «творяше хрительном велику досаду»⁵³¹) и было вызвано восстание в русских городах (Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль⁵³²) в 1262 году. Сборщики дани были вырезаны. Эти события традиционно считаются одним из первых антиордынских народных восстаний⁵³³.

Тогда же, в 1262 году, в Орду отправляется и великий князь Александр. По мнению Дж. Феннела, ему «ничего не оставалось, как оправиться в Золотую Орду». Однако удалось ли избавить Русь от карательной экспедиции, не известно из-за молчания источников⁵³⁴. Здесь необходимо согласиться со словами Р. А. Соколова, подчеркнувшего, что представляется «уместным отметить, что, в данном случае, молчание красноречивей любых слов. Ибо вряд ли летописи могли не сообщить о карательной экспедиции»⁵³⁵.

Большинство же исследователей, вслед за А. Н. Насоновым и В. А. Кучкиным, полагают, что восставшим удалось сыграть на противоречиях между Сараем и Каракорумом: в Орде смотрели «сквозь пальцы» на восстание против имперских откупщиков дани⁵³⁶.

Поэтому поездка Александра Невского в Орду в 1262 году связывается с намерением князя избавить, или, как отмечает «Житие Александра Невского», «отмолить»⁵³⁷, русских людей от рекрутского набора (так полагают, например, Ю. К. Бегунов, В. Л. Егоров, А. Н. Кирпичников, Ю. В. Кривошеев, В. А. Кучкин⁵³⁸).

Таким образом, источники фиксируют еще один признак зависимости — участие русских войск в военных мероприятиях Орды. Причем именно Александру Невскому удается смягчить данную повинность: после его поездки 1262—1263 годов в войнах сарайских ханов участвуют не мобилизованные в русских княжествах рекруты, а княжеские дружины.

По дороге из Орды князь Александр Ярославич умирает.

Таким образом, он побывал в Орде шесть раз, проведя в степи четыре с половиной года, это составило около 41,7 процента (самый большой результат для XIII века) от времени его удельного правления (шесть лет — три поездки), 18,2 процента от великого княжения (одиннадцать лет — три поездки) и около 10,5 процента от лет его жизни (43 года).

Вообще же в первые два десятилетия монгольской власти, когда устанавливалась система вассальной зависимости, русские князья совершили в Орду 38 поездок. Зафиксировано пребывание при ордынском престоле 16 князей и одной княгини.

По одному разу в Орде были Андрей Мстиславич (княжич киевский или черниговский), его брат и жена, Даниил Романович Галицкий (за ярлыком на свое княжество), Дмитрий Святославич Юрьев-Польский (сопровождал отца), Иван Всеволодович Стародубский (за ярлыком на свое княжество), Константин Ярославич (ездил в Каракорум по поручению отца), Михаил Всеволодович Черниговский (казнен в Орде).

Дважды зафиксированы поездки Василия Всеволодовича Ярославского, Владимира Константиновича Углицкого, Олега Ингваревича Рязанского, Святослава Всеволодовича Суздальского, Ярослава Всеволодовича Владимирского. Также дважды в это время побывал в Орде Глеб Василькович Белозерский (всего — пять раз).

Пять раз в степь отправлялся Андрей Ярославич Суздальский. Он провел при ордынском дворе два с половиной года, что составило около 6 процентов от лет его жизни (40 лет) и около 14 процентов от лет его княжения на уделе. Отметим, что, несмотря на его вооруженное сопротивление ордынским войскам во время «Неврюевой рати», он ездил в Орду в 1257 и 1258 годах. Правда, осуществлены эти поездки уже после смерти Батыея и Сартака — правителей, которые в источниках фигурируют как инициаторы похода 1252 года.

Шесть раз в ставке хана побывал Александр Ярославич Невский.

Наибольшее количество поездок в этот период совершил Борис Василькович Ростовский. Зафиксировано семь его поездок (всего за жизнь — восемь).

Наиболее длительное пребывание в степи — четыре с половиной года — зафиксировано у Александра Невского. Борис Василькович Ростовский и его брат Глеб Василькович Белозерский провели в степи по четыре года. Правда, в их случае — это общая сумма по итогам всех поездок, последние из которых были совершены в 1270-х годах.

Источники фиксируют в данный период казни в Орде двух князей.

Смерть Александра Невского не вызвала спора о престолонаследии. На владимирском столе, получив ярлык хана,

утвердился его следующий по старшинству брат Ярослав (удельный князь Тверской). Как подчеркнул В. В. Каргалов, к «великому княжению Ярослава Ярославича относятся первые известия о непосредственном участии татар в русских делах и прямой поддержке ими великого князя»⁵³⁹.

В первую очередь источники отмечают участие великого баскака владимирского Иармагана с ордынским отрядом в готовящемся походе русских войск на Тевтонский орден в 1268 году. Характерно, что, узнав о присутствии ханских войск, немцы спешно заключили мирный договор.

Активная роль ордынской власти прослеживается в событиях 1270 года, когда новгородцы согнали с княжения великого князя Ярослава и пригласили его племянника Дмитрия Александровича Переяславского. Однако последний отказался от их предложения. Ярослав отправил в Орду посланника с просьбой оказать ему военную помощь. Но брат великого князя Василий Костромской сумел убедить хана в правоте новгородцев, и, по данным летописей, ордынские войска были отозваны из похода с марша⁵⁴⁰. Тем не менее при заключении договора великого князя с Новгородом присутствовали ордынские послы. Причем, как отмечено на обороте грамоты, они прибыли с особыми полномочиями, которых в отношении новгородской земли ранее не отмечалось: «Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава с грамотой Чевгу и Баиши»⁵⁴¹. То есть, по сути, хан Менгу-Темир выдал особый ярлык Ярославу на княжение в Новгороде, а возведение в новгородские властители осуществляли уполномоченные ханские послы.

Показательно, что следующий великий князь Владимирский Василий Ярославич (удельный князь Костромской), ранее выступавший защитником новгородских вольностей, в 1273 году вступил в конфликт с «вольным» городом. Причины конфликта источники не называют. В. В. Каргалов выдвинул предположение, что выступление новгородцев было «как-то связано с подготовкой новой татарской переписи»⁵⁴². Именно к этому году Новгородская IV летопись относит «число второе из Орды от царя»⁵⁴³. Новгородцы вновь призвали на стол Дмитрия Александровича, который на сей раз согласился. Реакция последовала незамедлительно: великий князь

Василий «с великим баскаком Иаргаманем, со князем Айдаром, с многими татары царевыми» разорил новгородские волости (в частности, взял Торжок, где посадил своего наместника). Одновременно тверской князь Святослав Ярославич «иде с татары царевыми, и воеваша Новгородския власти: Волокъ, Бежечи, Вологду»⁵⁴⁴. В результате Дмитрий покинул Новгород, а князем был признан Василий. Таким образом, как отметил В. В. Каргалов, «в связи с продолжавшимся ослаблением великокняжеской власти непосредственное вмешательство татар в русские дела усиливалось»⁵⁴⁵.

Необходимо отметить, что младшие братья Ярославичи — Ярослав и Василий — провели в ставке ордынского хана в общей сложности по полтора года. При этом Ярослав ездил в Орду дважды, а Василий — трижды.

Доля пребывания в Орде у Ярослава составила 3,6 процента от лет жизни (42 года), 1,9 процента от удельного княжения (26 лет) и 11,1 процента от великого княжения (9 лет). У Василия соответственно: 4,3 процента — от лет жизни (35 лет), 3,3 процента — от времени удельного княжения (около 30 лет) и 12,5 процента — от времени великого княжения (4 года).

После смерти в начале 1276 года великого князя Василия власть переходит к следующему по старшинству представителю рода — Дмитрию (удельному князю Переяславскому), старшему сыну Александра Невского. Причем источники не фиксируют поездки в этот год князя (или уполномоченных лиц) для получения ярлыка. Однако официальное оформление вассальных отношений, как мы увидим ниже, все же состоялось.

Летописи достаточно подробно описывают участие русских войск в этот период во внешнеполитических мероприятиях Орды.

В частности, зимой 1274—1275 годов ордынцы совершили поход на Литву. При возвращении в степь татары разорили территорию Курского княжества⁵⁴⁶. В 1276—1277 годах русские князья участвовали в походе на Северный Кавказ (на «Ясы»), который возглавлял лично хан Менгу-Темир. Русско-ордынские войска подошли «ко Яскому городу ко славному Дедакову взяша его месяца февраля в 8 и многу корысть

и полонь взяша, а противных избиша бесчисленно, град же их огнем пожгоша»⁵⁴⁷. Причем летописец особо подчеркнул, что участвовавших в походе князей Глеба Белозерского, Федора Ярославского, Андрея Городецкого «Менгутемирь добре почести... и похвали их вельми и одаривъ их отпусти въ свою отчину»⁵⁴⁸. Чуть позже, в 1277 году, Федор Ярославский и его зять Михаил Ростовский участвовали со своими дружинами в войне ордынцев в Дунайской Болгарии⁵⁴⁹.

Участие русских княжеских дружин в военных действиях в интересах ордынских ханов свидетельствует о продолжении втягивания русских княжеств в ордынскую систему государственности.

Следующим этапом, связанным с усилением зависимости русских земель от Орды, необходимо признать 1280–1290-е годы. Непосредственно это было связано с образованием после смерти в 1280 году хана Менгу-Тимура второго военно-политического центра в степи. Как пишет А. Н. Насонов, один «из выдающихся золотоордынских военачальников темник Ногай занял обширную территорию к северу от берегов Черного моря, охватывающую значительную часть Южнорусской равнины к востоку от реки Десна»⁵⁵⁰.

В это же время, зимой 1281–1282 годов, в Северо-Восточной Руси начинается усобица между братьями Александровичами. Андрей Александрович, удельный князь Городецкий, «испросивъ себе княжение великое подь братомъ своимъ»⁵⁵¹, выдвинулся с «погаными Татараы» на Переяславль, где был удельным князем его старший брат Дмитрий, который являлся и великим князем Владимирским. Ордынские войска разорили Муром и окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Ростова и Твери, а 19 декабря 1281 года⁵⁵² захватили Переяславль. Князь Дмитрий покинул город и попытался укрыться в Копорье. Однако новгородцы, чьей территорией считалась крепость, отказали ему в убежище, и он отправился, скорее всего, к своему зятю Довмонту во Псков. Андрей сел на столе в Новгороде.

Но как только ордынский отряд покинул пределы русских земель, Андрей, несмотря на поддержку новгородцев, вынужден был уступить власть старшему брату. После этого он вновь навел татарские войска на Русь и, как отмечает

Симеоновская летопись «сътвори зло въ земли Суждалской такоже якоже преже сказахом»⁵⁵³. На этот раз князь Дмитрий предпочел бежать в Ногаеву Орду. Здесь ему удалось получить подтверждение своих властных полномочий, и уже в конце 1283 года он с ордынским отрядом привел к покорности новгородскую вольницу⁵⁵⁴. На небольшое время усобица затихла.

Объяснение этим событиям можно найти в том, что, по всей видимости, после смерти хана Менгу-Тимура Андрей первым прибыл ко двору нового хана Туда-Менгу (вступил на престол в августе 1281 года) за ярлыком на удел и убедил его, что великий князь Дмитрий не соответствует великокняжескому статусу. Необходимо отметить, что источники не фиксируют поездок переяславского князя в степь до отъезда его к Ногаю в 1282 году. Возможно даже, инициатива походов на земли русских княжеств исходила вовсе не от Андрея (или не только от него), а от новой верховной власти, требовавшей личной явки великого князя ко двору хана за ярлыком. Когда же Дмитрий прибыл в ставку пусть не хана, но не менее могущественного правителя⁵⁵⁵, формальности были соблюдены, и ордынская власть перестала поддерживать Андрея. Кроме того, по справедливому мнению А. А. Горского, «можно полагать, что за время длительного пребывания Дмитрия в его улусе Ногаю удалось, используя свое влияние при дворе Туда-Менгу (который вскоре после воцарения отошел от государственных дел), добиться подтверждения ярлыка на великое княжение, полученного Дмитрием прежде от Менгу-Тимура»⁵⁵⁶.

Все это логично сочетается с последующей эскалацией событий. В 1285 году «князь Андреи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братью, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима»⁵⁵⁷. Никаких карательных последствий данный шаг Дмитрия не имел. Такое могло быть лишь в случае, если «царевич» (а «царевичами» в русской письменной традиции называли Чингизидов) действовал без ханского указа. Но тогда «царевич» должен был быть наказан ханом — вероятно, такой факт не ускользнул бы от внимания летописца. Сложившиеся обстоятельства четко ложатся на тот факт, что именно к периоду 1285–1286 го-

дов следует отнести отстранение от власти хана Туда-Менгу. Ведь, по сведениям Рашид-ад-Дина, он царствовал «некоторое время». Затем власть узурпировали, «под тем предлогом, что он помешан», сыновья Менгу-Тимура — Алгуй и Тогрыл и сыновья Горбу — Тула-Бука и Кунчек и «сами совместно царствовали пять лет». Поскольку убийство Тула-Буки и Алгуя произошло в 1291 году, то отречение Туда-Менгу необходимо отнести к 1285—1286 годам. При этом Бейбарс отмечает, что Туда-Менгу правил также пять лет, а вступил он на престол в августе 1281 года. В этом случае также получаем дату — 1286 год⁵⁵⁸. Полученная дата также соответствует мартовскому 1285/1286 году русских летописей. Вероятно, воспользовавшись безвластием в степи, Андрей и привел ордынскую рать, которая была разгромлена Дмитрием. Это поражение, а также то, что новым ханом Орды стал ставленник Ногая (покровителя Дмитрия) Тула-Бука, на время остудило притязания князя Андрея на великокняжеский престол.

Впрочем, хорошие отношения между Ногаем и центральной властью в лице хана Тула-Буки продолжались недолго. Нарастание противоречий ярко прослеживается на примере уже описанных нами событий в Курском княжестве, когда баскак Ахмат, вероятно ставленник Ногая, организовал во владениях князей Воргольского и Липовичского две слободы, что наносило очевидный экономический урон князьям. Дело закончилось военными действиями с участием ордынских войск, причем успех был на стороне Ахмата, и русские князья вынуждены были бежать: Святослав Липовичский в воронежские леса, Олег — к Тула-Буге. В апреле Святослав «без царева слова» напал на баскаческий отряд и уничтожил его. Олег из-за этого поссорился с ним; он привел от хана отряд татар и убил Святослава с двумя сыновьями, но позже погиб и сам; причем гибель его, вероятно, связана с прибытием отряда татар, присланного Ногаем⁵⁵⁹.

В 1291 году при активном участии Ногая ханом становится Токта (Тохта). Вероятно, ордынский временщик был вполне уверен в своем ставленнике. Однако тот начинает постепенно усиливать свою политическую роль. Это проявилось среди прочего и в нашествии в 1293 году на Владимирское княжество ордынских войск во главе с братом хана Токты

Туданом, которое в русской историографии получило название «Дюденева рать». Любопытно, что Симеоновская летопись отмечает только, что «бысть въ Русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровичя»⁵⁶⁰, тогда как Московский летописный свод подчеркивает, что «князь Андреи Александровичъ иде во Орду и со иными Русскими князи, и жаловася на брата своего на великаго князя Дмитрея Александровичя»⁵⁶¹. То есть в первом случае поход ордынских войск выглядит как инициатива хана, тогда как во втором — инициатива противников Дмитрия Переяславского. Надо полагать, что в данном случае интересы сторон совпали как нельзя лучше. В результате крупномасштабного нашествия было разорено четырнадцать городов Владимиро-Суздальской Руси. Как отметил В. В. Каргалов, записи «о том, что Дюдень разрушил такое же количество городов, как и Батый (14), подчеркивают сопоставимость в глазах летописцев этих двух походов»⁵⁶². В начале 1294 года Дмитрий умирает.

Князь Дмитрий — единственный князь, занимавший великокняжеский престол, о котором нет свидетельств, что он ездил в Орду за ярлыком. Это позволило Н. М. Карамзину утверждать, что Дмитрий Александрович после смерти его предшественника князя Василия отправился сразу же в Новгород, а не на поклон к хану⁵⁶³.

Однако известно, что князь Василий Ярославич Костромской, занимавший владимирский престол перед Дмитрием, скончался в январе 1276 года⁵⁶⁴. А на новгородский стол Дмитрий ~~сел~~ «в неделю на всех святых»⁵⁶⁵. Память всех святых, празднуемая православными христианами в седьмую неделю по Пасхе, приходилась в 1276 году на 24 мая (сама Пасха была 5 апреля). Таким образом, между посажением на престол в Новгороде и смертью Василия Ярославича прошло не менее четырех месяцев — это как раз время на дорогу в Орду и обратно⁵⁶⁶. Правда, времени на пребывание в ставке хана в таком случае не хватает. Однако если предположить, что князь Василий умер в самом начале января 1276 года, то получится период лишь чуть менее пяти месяцев, и за эти пять месяцев князь Дмитрий вполне мог съездить за ярлыком в ставку хана. Например, поездка князя Семиона Гордого с братьями к ордынскому столу в 1340 году заняла око-

ло пяти месяцев⁵⁶⁷. Чуть больше пяти месяцев (15 июня — 25 ноября) ушло на визит в Мамаеву Орду в 1371 году у князя Дмитрия Ивановича Московского⁵⁶⁸.

Кроме того, ряд летописей упоминает об участии князя Дмитрия в походе на Северный Кавказ в 1276—1277 годах и командовании штурмом Деякова⁵⁶⁹. Оснований не доверять этим свидетельствам нет. Вполне вероятно, что он мог получить ярлык на княжение во время этого военного похода.

За свои 44 года князь Дмитрий Александрович провел в ставке хана около 4 процентов от лет жизни, 4,3 процента от времени удельного княжения (30 лет) и около 3 процентов от лет великого княжения (около двух лет).

После Дмитрия неоспоримым главой Владимирской Руси стал его младший брат Андрей. Тем не менее конфликтность ситуации не была изжита. В первую очередь новому великому князю противостоял Иван Дмитриевич Переяславский, который, судя по всему, искал поддержки против дяди у Ногая⁵⁷⁰. Во-вторых, осенью 1296 года новгородцы изгнали наместников Андрея и пригласили на княжение его младшего брата Данилу Александровича Московского, который заключил договор с Михаилом Ярославичем Тверским. То есть против Андрея сложилась прочная коалиция князей, один из которых (Данила Московский) являлся следующим по старшинству после городецкого князя и мог претендовать на владимирский престол.

В конце 1296 года Андрей Александрович пришел из Орды от хана Токты в сопровождении посольства во главе с Алексеем Неврюем и двинулся на Переяславль. В отсутствие Ивана Дмитриевича, который, видимо, был в Ногаевой Орде, его союзники Данила Московский и Михаил Тверской выдвинули навстречу Андрею и Алексею Неврюю свои войска. Как подчеркнул А. А. Горский, завязавшиеся «между сторонами переговоры приняли форму княжеского съезда во Владимире»⁵⁷¹, где великому князю Андрею Александровичу Владимирскому, Федору Ростиславичу Ярославскому и Константину Борисовичу Ростовскому противостояли Данила Александрович Московский и Михаил Ярославич Тверской. Как отметил летописец: «И за малымъ упасль Бог крово-

пролиться, мало бою не было; и поделившись княжением и разъехавшись в свояси»⁵⁷². По аргументированному мнению А. А. Горского, «именно в конце 1296 или начале 1297 г. во Владимире старшие князья “проногаевской” группировки “отступились” от своего сюзерена... признали себя вассалами Тохты и обязались не оспаривать прерогатив Андрея (что выразилось в возвращении ему новгородского стола); благодаря этому волжский хан по приезде их младшего союзника от Ногая не стал отнимать у него княжение»⁵⁷³.

Таким образом, верховная ордынская власть в конце XIII века стала главным арбитром в делах Владимиро-Суздальской Руси. Это важный показатель весьма значительной вовлеченности русских князей в ордынскую политическую систему.

Андрей Александрович еще один раз ездил в Орду. Его отъезд летописи фиксируют летом 1302 года⁵⁷⁴, а возвращение — осенью 1303 года: «прииде из Орды с послы и жалованием церковным»⁵⁷⁵. Поскольку мартовский 6810 (1302) год завершился 28 февраля, то поездка князя заняла не менее семи месяцев. Эта поездка князя Андрея Александровича в Орду стала для него последней: 27 июля 1304 года он скончался.

В общей же сложности князь Андрей совершил восемь поездок в ставку хана и провел там более четырех лет. От времени его жизни (49 лет) это составило около 8,8 процента, от времени удельного княжения (42 года) — около 7 процентов, от времени великого княжения (9 лет) — около 16,7 процента.

2. Особенности взаимоотношений князей Галицкой и Волынской земли и ордынского двора в XIII веке

Процесс включения в сферу ордынской государственности Галицко-Владимирской Руси носил несколько иной характер. Как уже отмечалось выше, в 1245 году князь Даниил Романович Галицкий получил ярлык на княжение из рук Батыея⁵⁷⁶. Причем требование оформления зависимости сопровождалось присылкой ко двору Даниила гонца от темника

Мауци (Могучей) со словами: «Дай Галич!»⁵⁷⁷ Тем не менее, возвратившись в свое княжество, Даниил начал сопротивление ордынской власти. Татары, в свою очередь, предприняли ряд карательных экспедиций. В частности, под 1255 годом в летописи отмечается: «Куремса приде ко Кремянцю и воева около Кремянца... и не успевше ничто... возвратишася во страны своя». Куремса (Коренца) совершил около 1257 года и второй набег на Южную Русь. Его отряд внезапно появился у стен Владимира-Волынского. Русские князья, Даниил Романович Галицкий и его брат Василько Романович Владимиро-Волынский, начали собирать войска в Холме. Ожидался также подход сил Льва Даниловича. Однако городское ополчение сумело отразить атаку татар, и Куремса (Коренца) отступил к Луцку. Город не имел оборонительных сооружений и мог стать легкой добычей кочевников. Однако татары не смогли переправиться через реку и захватить мост. Горожане всячески мешали противнику форсировать речную преграду. Тогда Куремса (Коренца) «пороки постави, отгнати хотя». Однако поднялся сильный ветер, который не только не позволил начать обстрел, но и разрушил «пороки». Куремса (Коренца) «не успевше ничтоже, вратишася во станы своя»⁵⁷⁸. Подводя итог борьбе Даниила с Куремсой, летописец отметил, что галицкий князь «воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы, потому что Куремса никогда не мог причинить зла».

Однако в 1258 году «Бурунда безбожный злый прииде со множеством полков татарских в силе тяжце... со силою великою» и «ста на местех Куремских» (в междуречье Днестра и Днепра). Тогда же, в 1258 году, ордынский полководец совершил поход на Литву. Бурундай (Бурултай) потребовал от южнорусских князей, как подчиненных Орде, присоединиться к военной акции. Даниил Романович Галицкий уклонился от участия в совместном походе. Русский отряд возглавил его брат Василько Романович Владимиро-Волынский. Русско-ордынские войска разорили «...землю Литовскую и Нальшаньску» и Ятвяжскую⁵⁷⁹. Сам Даниил со своими войсками в это время синхронно вторгся в Новоградское княжество, которым владели литовские князья, тем самым все-таки выступив союзником Бурундая.

В следующем, 1259 году Бурундай направил удар своих войск на Польшу. Проходя по Галицко-Волынской Руси, он потребовал в знак покорности разобрать городские укрепления. Были срыты стены у городов: Шумск, Данилов, Стожск, Львов, Кременец, Луцк. Холм сохранил свои укрепления. В. Л. Егоров отметил, что этот поход Бурундай привел «...к полному утверждению власти монголов над Юго-Западной Русью»⁵⁸⁰.

Отношение галицко-волыньских князей к ордынской государственности иллюстрирует тот факт, что за военной помощью против своих соперников в регионе Лев Данилович Галицкий обращается именно к хану. В частности, ордынские войска были направлены ханом Менгу-Тимуром по просьбе князя на Литву зимой 1274—1275 годов. Князья Лев Данилович Галицкий и Владимир Василькович Владимиро-Волынский соединились с татарами и Олегом Романовичем, княжичем Брянским, у города Слуцка. К походу присоединились туровский и луцкий князья. У реки Сырвечи войска заночевали. Следующим утром, еще в темноте, русско-татарский отряд форсировал реку. Войска выстроились в боевой порядок и двинулись на Новогрудок. Правый фланг составили татары, центр — полк Льва Галицкого, левый фланг — полк Владимира Владимиро-Волынского. Такой порядок построения войск позволяет предполагать, что общее командование осуществлял князь Лев, чей отряд находился в центре. Разведку осуществляли ордынские всадники; они и обнаружили, казалось, вражескую конную рать, от которой поднимался пар, но позже выяснилось, что это пар от источников. Войска Мстислава Даниловича Луцкого двигались к Новогрудку от Копыля, разоряя Полесье. Русско-ордынская рать во главе со Львом Галицким заняла внешние укрепления Новогрудка, однако кремль взять не удалось. На следующий день к городу подошли войска Романа Михайловича Брянского и Глеба Ростиславича Смоленского. Эти князья, а также Владимир Владимиро-Волынский и Мстислав Луцкий выразили недовольство штурмом города Львом в их отсутствие, и это несогласие в рядах русских князей сорвало поход на Литву. При возвращении в степь татары разорили территорию Курского княжества⁵⁸¹.

В 1270-е годы Ногаева Орда, центр которой располагался в междуречье Дуная и Днестра, начинает доминировать над регионом. Именно с активной позицией Ногая связано дальнейшее вовлечение Галицко-Волынской Руси в систему зависимости от Орды.

Около 1277 года ордынский полководец прислал к южно-русским князьям Льву Даниловичу Галицкому, Мстиславу Даниловичу Луцкому, Владимиру Васильковичу Владимиро-Волынскому послов Тегичага, Кутлубугу, Ешимута, после чего — вероятно, по его инициативе — был совершен совместный поход на Литву. С татарской стороны в походе участвовал отряд во главе с князем Мамшеем, присланный Ногаем. Татарский отряд разорил земли у Новогрудка, русские рати — около Городни⁵⁸².

Русские князья также не гнушались помощью Ногая. Например, в 1280 году бездетным умер король Болеслав. Лев Данилович Галицкий заявил претензии на часть польской территории. По словам летописи, «еха к Ногаеви окаянному проклятому помочи собе прося у него на ляхы». Ногай дал отряд во главе с тремя князьями — Кончаком, Козеем, Куботаном. Разорив земли у Сандомира, русско-ордынский отряд двинулся к Кропивнице с дальнейшей целью развить наступление на Краков. Однако рассредоточенные силы Льва подверглись атакам поляков. В результате «...убиша бо ляхове от полку его многы бояр и слуги добрее, и татар часть убиша. И тако возвратися Лев назад с великим бесчестьем»⁵⁸³.

В Волынской Кормчей книге сохранилось свидетельство о посещении ставки Ногая в 1286 году князем Владимиром Васильковичем Волынским. «В лето (1286) списан бысть сеи монаканон боголюбивым князем владимирским сином Васильковим, внуком Романовым и боголюбивою княгинею его Ольгою Романовною. Аминь, рекше конец. Богу нашему слава во веки. Аминь. Пишущим же нам сии книги. По еха господин наш к Ногаеви, а госпожа наша остала у Володимири»⁵⁸⁴. С. Панышко рассмотрел вероятные причины и последствия поездки князя к Ногаю⁵⁸⁵. По его мнению, данное путешествие было связано с вопросами наследования княжества: Владимир намеревался передать свои владе-

ния Юрию Даниловичу, на что надеялся получить соизволение могучего ордынского правителя.

Однако существует вероятность и иной причины. Около 1286 года в Орде сменился хан⁵⁸⁶. Этот факт требовал возобновления инвеститур. В этом случае мы можем предполагать, что поездки в ставку Ногай совершили и другие князья Галицко-Волынской земли, а в ставку нового хана, возможно, ездили представители иных княжеств как Южной, так и Северо-Восточной Руси.

С середины 1280-х годов, в прямой зависимости от смены хана, активизировалась западная политика центрального правительства Орды. Зимой 1285—1286 годов татарские войска во главе с новым ханом Тула-Бугой совершили поход на Венгрию через Карпаты. Присоединился к военной акции и Ногай. Галицко-Волынская летопись отмечает, что Орда пришла «в силе тяжце во бешисленном множестве» и «воевавшима землю Угорскую». По данным Бейбарса, татары «разлили повсюду опустошение, грабили что хотели, избивали кого хотели...». Однако на обратном пути Ногай и Тула-Буга разделились. Первый пошел «на Брашев» и благополучно добрался до своих кочевий. Второй же пошел «через горы» и заблудился в Карпатах «и ходи по тридцать дней». В результате в его войсках возник голод и «начаша люди измирати, и умре их бешисленное множество». Тула-Буга же «выиде пещь со своею женою, об одной кобыле, посрамлен от Бога». Ордынский хан заподозрил, что Ногай специально направил его в горы с целью ослабить его войско. И с этого времени «...в него (Тула-Бугу. — Ю. С.) закралась вражда и вселилась злоба...»⁵⁸⁷

Однако, несмотря на недоверие к Ногаю, Тула-Буга совершил с ним еще один совместный поход — на Польшу зимой 1287—1288 годов. Причем туда и обратно ордынские войска двигались порознь, потому что, как пишет летописец, «быша межи има (Ногаем и Тула-Букой. — Ю. С.) нелюбье велико». В походе участвовали и русские князья: Лев Галицкий, Мстислав Луцкий, Владимир Владимиро-Волынский и Юрий Львович. Галицко-Волынский летописец отметил также, что «тое же зимы и в ляхох бысть мор векик. Изомре их бешисленное множество». А хан Тула-Буга с войсками

«стояша на Лвове земле две недели, кормячесь, не воююче... И учиниша землю пусту всю». Далее летописец отмечает, что после ухода ордынцев Лев посчитал людские потери и недосчитался около тринадцати тысяч человек⁵⁸⁸.

Таким образом, в 1270—1280-е годы князья Галицко-Волынской Руси обязаны были (независимо от того, хотели они того или нет) участвовать со своими дружинами в походах татар, а также предоставлять ханским войскам базу для ведения боевых действий, что неоднократно приводило к разорению подвластных им территорий. Нередко они сами являлись инициаторами призвания ордынцев для решения своих внешнеполитических проблем.

Галицко-Волынская летопись фиксирует завещание князя Владимиро-Волынского во время похода татар и русских князей на Польшу. В частности, князь Владимир, по данным летописи, заявляет своему брату Мстиславу: «Брате, видишь мою немощь, оже не могу, а не у мене детей. А даю тебе, брату своему землю свою всю и города по своему животе. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ»⁵⁸⁹. Здесь подчеркивается, что ордынские ханы рассматривались как высшая властная инстанция; их участие в утверждении завещания придавало ему особый статус и авторитетность. Показательно, что одним из завершающих событий XIII века явился перенос русской митрополичьей кафедры из Киева во Владимир-на-Клязьме. Митрополит Максим покинул Киев, «не терпя татарского насилия»⁵⁹⁰.

Все это еще раз подтверждает, что к концу XIII столетия русские княжества стали частью ордынской государственной системы. Русские земли обязаны были выплачивать ордынскую дань — «выход», русские князья получали право владеть своими землями из рук хана в виде ярлыка (причем для его получения требовалась личная явка ко двору), русские войска активно использовались во внешнеполитических акциях Орды.

Всего за 1260—1300-е годы зафиксировано 42 поездки к ордынскому двору, осуществленных 20 князьями и двумя княгинями.

Мария Ярославна (дочь Ярослава Святославича Муромского), жена Бориса Васильковича Ростовского, сопрово-

ждала супруга в его последней поездке в Орду в 1277 году. В 1295 году «князь велики Андреи Александрович иде в Орду и со княгинею»⁵⁹¹. Супругой князя Андрея была Василиса — дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича⁵⁹².

По одному разу в степи побывали Александр Дмитриевич Переяславский (умер в Орде), Иван Дмитриевич Переяславский (за ярлыком на княжение), Владимир Василькович Волинский и Роман Ольгович Рязанский (казнен в Орде).

Дважды побывал в ставке хана Ярослав Ярославич Тверской и Владимирский.

Трижды поездку в Орду совершили Василий Ярославич (Квашня) Костромской и Владимирский, Дмитрий Александрович Переяславский и Владимирский (предположительно — четырежды), Михаил Глебович Белозерский, Олег Воргольский и Рыльский.

Четыре раза зафиксированы поездки Дмитрия Борисовича Ростовского.

Пять раз в Орду ездил Федор Ростиславич Ярославский и Смоленский.

В общей сложности пять раз в степи побывал Глеб Василькович Белозерский. В рассматриваемый период он там был трижды.

Зафиксировано шесть поездок Константина Борисовича Углицкого и Ростовского.

Больше всех поездок совершил Андрей Александрович Городецкий и Владимирский — он был в ставке хана восемь раз.

По времени дольше всего — четыре с половиной года — пребывал в Орде князь Глеб Василькович Белозерский.

Особо необходимо выделить участие в это время русских князей в военных акциях Орды. Чаще всего в них участвовали галицкие и волынские князья: четырежды — Лев Данилович Галицкий, Мстислав Данилович Луцкий и Владимироволинский, трижды — Владимир Василькович Волинский, по одному разу — Олег Романович Черниговский и Брянский, Роман Михайлович Брянский и Глеб Ростиславич Смоленский.

Кроме того, отмечено участие в походе на Северный Кавказ князей Андрея Александровича Городецкого, Глеба Васильковича Белозерского и Ростовского, Константина Бо-

рисовича Углицкого, Михаила Глебовича Белозерского, Федора Ростиславича Ярославского и Смоленского⁵⁹³. Михаил Глебович Белозерский, Федор Ростиславич Ярославский и Смоленский участвовали и в походе на Балканы.

3. Особенности пребывания при дворе ордынского хана князей Черниговской и Турово-Пинской земель в XIII — начале XIV века

На протяжении ордынского владычества над русскими княжествами свидетельств о пребывании при дворе ордынского хана князей Южной Руси сохранилось крайне мало. Это во многом объясняется состоянием источниковой базы: если галицко-волынское и северо-восточное летописания сохранились в составах крупных сводов, то летописные памятники Киевской, Черниговской, Смоленской земель для данного времени известны лишь фрагментарно.

Тем не менее в обрывочных свидетельствах Северо-Восточного, Галицко-Волынского и Новгородского летописаний, в записках путешественников, в поздних синодиках отложились прямые и косвенные указания на поездки представителей главным образом черниговского княжеского рода в ставки ордынских правителей.

Наиболее исследована⁵⁹⁴ поездка в 1245 году⁵⁹⁵ Михаила Всеволодовича Черниговского, который принял в ставке Батыя мученическую смерть. О пребывании в Орде князя Михаила и его гибели повествуют как русские летописи, так и участники католической миссии в Монгольскую империю Плато Карпини и брат Бенедикт Поляк.

Русские летописи и францисканские миссионеры говорят и о пребывании в Орде черниговского князя Андрея Мстиславича, который также был казнен по приказу Батыя. Причем, если русские летописцы лишь отмечают его гибель⁵⁹⁶, то папские посланники упоминают и обвинения, которые были против него выдвинуты. По словам Плато Карпини, князю поставили в вину то, что он «уводил лошадей из земли

и продавал их в другое место; и хотя это не было доказано, он все-таки был убит»⁵⁹⁷

В исследовательской литературе нет однозначного мнения, к какой из ветвей черниговского дома принадлежал Андрей, его отец Мстислав и его не названный по имени брат. Он может быть сыном Мстислава Святославича (князя Козельского и Черниговского — дяди Михаила Всеволодовича Черниговского), либо Мстислава Глебовича (князя Черниговского — младшего двоюродного брата Михаила Всеволодовича), либо сыном рьльского князя Мстислава Святославича (однако ни он, ни его отец не являлись черниговскими князьями). В. М. Коган и В. И. Домбровский-Шагалин называют его сыном Мстислава Романовича Старого, князя Смоленского и Киевского⁵⁹⁸, что, вероятно, следует признать ошибкой.

Наиболее вероятным претендентом на роль отца князя Андрея следует признать Мстислава Святославича Козельского⁵⁹⁹. Основой такого отождествления служит поминание в Любецком синодике «в[еликого] к[нязя] Пантелеимона Мстислава Черниг[овского] и княгиню его Марфу»⁶⁰⁰. Филарет (Гумилевский) полагал, что в памятнике упомянут именно князь Мстислав Святославич Козельский, а Пантелеймон — его крестильное имя⁶⁰¹. Это тем более вероятно, что в Елецком и Северском синодиках вслед за Пантелеймоном/Мстиславом поминаются его дети: «к [нязь] Димитрий, к [нязь] Андрей, к [нязь] Иоанн, к [нязь] Гавриил Мстиславичи»⁶⁰². С точки зрения сложившейся системы наследования власти после смерти Михаила Всеволодовича (1245 год) и Мстислава Глебовича (после 1239 года) очередными претендентами становились именно дети Мстислава Святославича. Однако его старший сын Дмитрий Мстиславич погиб вместе с отцом в сражении на Калке в 1223 году⁶⁰³. Судя по свидетельствам Елецкого и Северского синодиков, следующим по старшинству сыном Мстислава был именно Андрей. По праву старшинства в роду он и отправился в 1246 году в Орду за ярлыком на черниговское княжение. Однако, как уже было отмечено, его поездка закончилась казнью, а в ставку хана в 1246/1247 году прибыли супруга Андрея и его младший брат. В синодиках, однако, упомянуто два его младших брата — Иван и Гавриил.

По свидетельству Плано Карпини, условием Батыея, на котором он согласен был передать власть над Черниговом младшему брату Андрея, было взять в жены вдову старшего брата «согласно обычаю татар»⁶⁰⁴. Однако оба, и жена Андрея, и его брат, отказывались от этого, причем князь заявил, «что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону»⁶⁰⁵. Несмотря на это, Батый, заставил их: «и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным»⁶⁰⁶. Данные пояснения францисканца позволяют видеть в младшем брате Андрея мальчика, юного годами. Но коль скоро их (Андрея и его брата) отец погиб в 1223 году, то, даже если самый младший из сыновей родился в год смерти князя, ему должно было бы быть около 23 лет. Правда, Р. А. Беспалов обратил внимание на то обстоятельство, что слово «риег», переведенное как «отрок», может быть переведено и в смысле «молодой человек, не состоящий в браке»⁶⁰⁷. В отчете брата Бенедикта, спутника Плано Карпини, данный эпизод описан короче и иначе: «они принудили младшего брата князя Андрея (убитого ими по ложному обвинению) взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей»⁶⁰⁸. Таким образом, необходимо согласиться с Р. А. Беспаловым и признать в младшем брате Андрея молодого человека, не успевшего к моменту поездки в Орду жениться. Такая вероятность выглядит наиболее предпочтительной для самого младшего сына Мстислава — Гавриила. Однако составители синодиков нередко путают последовательность рождения детей, и нельзя не учитывать возможность, что в таком положении оказался Иван Мстиславич.

Вероятно, жена князя Андрея и его брат пережили мировоззренческий кризис, ведь брак не сопровождался православным ритуалом, а главное, вступал в противоречие с устоявшимися традициями. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский обратили внимание на тот факт, что «русский князь не мог, например, *жениться на вдове другого русского князя...* неписаное правило работает таким образом, что если овдоветь случалось князю, то для него вступление во второй брак представлялось с династической точки зрения безусловно желательным; если вдовой становилась русская княжна,

выданная за пределы Руси, то для нее повторное замужество оказывалось делом возможным и вполне обыкновенным. Жена же русского князя, потерявшая мужа, либо навсегда оставалась вдовой, либо дальнейшая ее матримониальная жизнь складывалась за пределами Руси»⁶⁰⁹. Таким образом, положение жены Андрея и его брата с точки зрения правил и традиций Руси оказывалось не вполне приемлемым. Их дальнейшая судьба не известна. Но можно предполагать, что если они не приняли монашеского пострига и составили супружескую пару, то наследников не оставили. Не исключен вариант, что от власти в Черниговском княжестве они отказались.

Плано Карпини весьма щепетильно относился к доказательствам достоверности своих путевых заметок и перечислил множество людей, встретившихся ему в дороге. В том числе он указывает, что на обратном пути из ставки Батыя между 9 мая и 9 июня 1247 года у «Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князя Ярослава и его товарищей, а также некто из Руссии по имени Святополк и его товарищей. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар... И все это русские князья»⁶¹⁰. Несомненно, что упомянутые лица действительно были владельцами русских княжеств. Однако их отождествление оказывается непростой задачей.

Князя Романа, упомянутого Плано Карпини, исследователи вполне справедливо соотносят с князем Романом Брянским⁶¹¹. Более сложным вопросом оказывается отождествление князей Ярослава и Святополка. В свидетельствах летописных памятников о рассматриваемом периоде южнорусских князей с такими именами не зафиксировано, хотя мы можем достаточно уверенно предполагать, что через ставку Мауцы проезжали владельцы юго-западных и южных княжеств Руси. Князья Северо-Восточной Руси добирались в ставки ханов по водоразделу Дона и Волги, объезжая лагерь Мауци.

Единственной, на наш взгляд, подсказкой, которая каким-либо образом может локализовать владения упомянутых князей, могут быть данные княжеской антропонимики. В частности, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский обратили вни-

мание на ряд случаев, когда имянаречение князя осуществлялось «не только и не столько по родству, сколько» по наследованию власти (иногда и после политического противника). «Так, Святополк Изяславич, по-видимому, унаследовал свое имя от Святополка Окаянного, врага своего родного деда. Отец Святополка Изяслав получил Турово-Пинское княжество, которое перед ним принадлежало Святополку Окаянному. Давая своему сыну имя Святополк, Изяслав, возможно, стремился подчеркнуть преемственный характер его прав на это княжество»⁶¹². Показательно для данного вопроса, что трое из четверых известных по русским источникам Святополков связаны с Турово-Пинской землей⁶¹³. В династии Изяслава Ярославича (сына Ярослава Мудрого) часто встречается и имя Ярослав⁶¹⁴. В этой связи можно сделать осторожное предположение, что представители Турово-Пинской династии около 1247 года предпочли оформить зависимые отношения с Батыем и отправились в его ставку. Примерно в это же время, около 1247 года, участие в столкновении литовцев с галицкими и волынскими князьями принимает пинский князь Михаил (предположительно — внук Святополка Юрьевича, что позволяет предполагать его имянаречение в честь деда — Святополк)⁶¹⁵. Возможно, что кто-либо из упомянутых Плано Карпини князей (Ярослав или Святополк) носил крестильное имя Михаил. И до или после описанных в Галицко-Волынской летописи событий этот князь отправился в Орду за инвеститурой и сопровождавшими ее покровительством и военной силой. Показательно, что безымянные туровские и пинские князья упомянуты в Галицко-Волынской летописи под 1274 годом как князья, «находящиеся в воли татарской»⁶¹⁶.

Еще одного представителя Черниговской земли — новосильского князя Александра — называют летописи, описывая в 1326 году казнь Дмитрия Михайловича Тверского: «да князя Александра Новосилскаго, единого дни на единомъ месте на реце, нарицаемей Кондраклии»⁶¹⁷. В Любецком синодике вслед за князем Александром поминают его сыновей: «кн[я]зя Александра Новосилскаго оубытого от татаръ за православную веру; кн[я]зя Симеона Александровича... кн[я]зя Сергия Александровича оубыеннаго от татаръ»⁶¹⁸.

Отчество Александра устанавливается по свидетельству синодика бывшего рязанского Свято-Духова монастыря, где поминаются «Андреян, Александр Семеновичи Новосильские»⁶¹⁹. Но наибольшее внимание следует уделить его сыну Сергию, о котором говорится, что он тоже был убит «от татар». Для времени середины XIV века известен князь Семен Новосильский — согласно записи синодика, брат Сергия. В частности, в духовной грамоте великого князя Московского Семена Ивановича 1353 года говорится: «Заберегъ, что есмь купил оу Семена оу Новосильског(о)»⁶²⁰. Р. А. Беспалов вполне справедливо относит покупку волости Заберег к периоду между 1340-м (когда Семен Иванович Гордый стал великим князем) и 1348 годом (когда Заберег впервые упоминается в качестве купли)⁶²¹. Сергей в синодике упомянут после Семена, и вполне вероятно, что он был младшим сыном Александра Новосильского и владел княжеством после 1348 года. Соответственно и казнен он был в таком случае после 1348 года. Однако более вероятной представляется иная версия. Князь Сергей принял мученическую смерть вместе со своим отцом Александром Семеновичем Новосильским 15 сентября 1326 года. Именно так, казнив отца и сопровождавшего его сына, поступил Узбек в отношении Александра Михайловича Тверского и его сына Федора в 1339 году.

Здесь необходимо отметить, что Н. С. Борисов предложил на основе анализа хронологии летописных памятников аргументацию в пользу пересмотра даты казни Дмитрия Тверского и Александра Новосильского и ее переноса с 15 сентября 1326 года на 15 сентября 1325 года⁶²². Однако известные нам даты казней русских князей дают одну довольно надежную хронологическую зацепку. Связана она с особым отношением кочевников вообще и монголо-татар в частности к движениям небесных светил, в особенности Луны. Китайский посол Сюй Тин, посетивший ставку монгольского кагана в 1235—1236 годах, отметил, что для принятия важных решений «они... смотрят: полна или ущербна луна, чтобы начать или завершить [дело, соответственно] (они избегают [совершения дел] в обоих случаях -- и до достижения молодой луны ущерба [1-й четверти], и после достижения полумесеца»

[последней четверти]]»⁶²³. Этот факт подчеркнул Плано Карпини: «Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние»⁶²⁴. Показательно, что большинство датированных казней русских князей выпадают на дни новолуния — время, когда Луна не видна. Михаил Черниговский казнен 20 сентября 1245 года — за три дня до новолуния 23 сентября⁶²⁵; Роман Рязанский казнен 19 июля 1270 года — за день до новолуния 20 июля; Михаил Тверской казнен 22 ноября 1318 года — за два дня до новолуния 24 ноября; Александр Тверской с сыном Федором 29 октября 1339 года — за пять дней до новолуния 3 ноября. Таким образом, самым отдаленным от новолуния днем оказывается дата казни Александра Тверского. При этом все приговоренные казнены на убывающей Луне.

Казнь Дмитрия Тверского и Александра Новосильского, если она была совершена 15 сентября 1325 года, выпадает из этого ряда. Этот день был третьим днем после полнолуния (12 сентября), то есть отстоит довольно далеко от новолуния (28 сентября). При этом в 1325 году 15 сентября — это время растущей Луны. Учитывая свидетельства Плано Карпини и особенно Суй Тина о принятии важных решений в новолуние и в полнолуние и избегании таких дел в первой и последних четвертях Луны, дата казни князей Дмитрия Тверского и Александра Новосильского 15 сентября 1326 года выглядит более предпочтительно: приговор был приведен, во всяком случае, на убывающей Луне (как и все остальные датированные казни).

В Любечком синодике встречается поминание князей еще двух уделов Черниговской земли — двух курских князей: «Князя Дмитрия курскаго, княгиню его Феодору и сына их князя Василия убытого от татарь, княгиню его Анастасию»⁶²⁶; путивльского «кн[я]зя Иоана путимльскаго страстотерпца и чудотворца оубытого от татарь за христианы»⁶²⁷. По всей видимости, курский князь Василий и путивльский князь Иван были казнены в Орде: для времени второй половины XIII — начала XIV века надежных свидетельств о гибели князей во время боевых действий не встречается.

Мы можем предполагать, что отец Василия князь Дмитрий должен был оформить отношения с Ордой около или

после 1246—1247 годов, а его сын действовал соответственно в 1250—1270 годах и был казнен до 1280-х годов, когда упоминаются баскак Ахмат и рыльские и воргольские князья, тогда как Курск отдельного князя не имеет. При этом летописи, повествующие о событиях в пределах Курского княжения, показывают, что на протяжении времени полутора-двух лет в 1289—1290 годах князь Олег Рыльский и Воргольский трижды побывал в ставке ордынского хана⁶²⁸.

Иван Путивльский, по всей вероятности, жил в первой половине, точнее, в первой четверти XIV века⁶²⁹. Его поминание в Любецком синодике непосредственно перед Иваном Ярославичем Рязанским, казненным в 1327 году, позволяет предполагать, что и путивльский князь Иван принял мученическую смерть в том же 1327 году или в ближайшее к нему время.

Таким образом, различные источники упоминают о пребывании при ханском дворе на протяжении 1240—1320-х годов тринадцати князей и одной княгини. Из них только два безымянных князя Турова и Пинска, и возможно еще два — Ярослав и Святополк, которых предположительно можно связать с турово-пинской землей, не имеют отношения к Черниговскому княжеству. Все остальные девять князей принадлежат либо к правящим черниговским династиям, либо к родам, владевшим уделами Черниговской земли. Большинство из них — семь человек — были в ставке хана казнены. Плано Карпини упоминает о четырех князьях, оставшихся в живых (один из них — безымянный). Из упомянутых здесь князей десять действовали в XIII веке и только трое — в XIV веке.

Мы видим, следовательно, что Черниговская земля была в значительной степени вовлечена в политическое поле ордынского государства. Князья и Черниговской и Турово-Пинской земель посещали ставки ордынских ханов для получения инвеституры, подвергались судебным разбирательствам и казням.

4. Русские князья при дворе ордынского хана в XIV веке

27 июля 1304 года умер великий князь Владимирский Андрей Александрович. Годом раньше, 5 марта 1303 года, скончался возможный его преемник, московский князь Данила Александрович. Главным претендентом на великокняжеский стол после этих смертей становился следующий по старшинству внук Ярослава Всеволодовича — Михаил Ярославич, удельный князь Тверской.

К этому времени зависимость Руси от Орды не только оформилась юридически, но и получила ряд неоспоримых фактических выражений. Одним из них было получение инвеституры на удельные и великие владения.

Смерть великого князя Владимирского требовала от претендентов на престол явки к хану для получения ярлыка. Поэтому практически сразу после смерти князя Андрея источники фиксируют отъезд в Орду князя Михаила Ярославича Тверского. Летом 1304 года он выехал в степь⁶³⁰, а в 1305 году⁶³¹, «тое же осени»⁶³², а по сведением Рогожского летописца «зиме», «Михаиль князь прииде изъ [О] рды и седе въ Владимири на великомъ княжении и приходилъ ратию къ Москве»⁶³³.

Таким образом, хан Токта поддержал Михаила, и тверской князь в 1305 году возвратился на Русь великим князем Владимирским. Вслед за этим он совершает поход на Москву — вероятно, в сопровождении ордынского посольского отряда. По крайней мере, анализ летописных записей позволяет А. А. Горскому связать «Таирову рать», упомянутую в источниках, с конфронтацией между Тверью и Москвой⁶³⁴.

До этого Михаил Ярославич в Орде был один раз: летописи фиксируют его возвращение из степи в 1293 году, во время «Дюденовой рати». Есть основания полагать, что он был в ставке Ногая и получил от него инвеституру на Тверское княжество⁶³⁵

Параллельно с ним в 1304 году в ставку хана отправился Юрий Данилович Московский. Красочно описывает сложившуюся ситуацию Новгородская I летопись: «Въ лето 6812

(1304)... сопростася два князя о великое княжение: Михаило Ярославичь Тферьскыйи и Юрьи Данилович Московьскыйи, и поидоша въ Орду оба, и много бысть замятни Суждальской земли...»⁶³⁶. Попытки задержать князя Юрия под Суздалем не увенчались успехом. Как отмечено в Московском летописном своде конца XV века, «он же со своею братиею проиде во Орду инемъ путемъ...»⁶³⁷. Вернулся князь Юрий либо раньше Михаила Ярославича, либо синхронно с ним (то есть до зимы 1305—1306 годов), поскольку, как справедливо подчеркнул А. А. Горский, князь Михаил выдвинулся с войсками к Москве «на князя на Юрья»⁶³⁸, то есть тот уже был в столице своего княжества⁶³⁹. Таким образом, князь Юрий провел при дворе хана Токты около года.

Следующая поездка князя Михаила в Орду датируется концом 1309 — началом 1311 года — временем работы церковного Переяславского собора (согласно сведениям «Жития митрополита Петра») ⁶⁴⁰. Поездку князя вполне аргументированно А. А. Горский связывает с высвобождением нижегородского стола из-под влияния Юрия: «...выморочное княжество должно было отойти под власть великого князя владимирского»⁶⁴¹, которым тогда являлся Михаил.

Отсутствие великого князя оживило действия Юрия, который прислал в Нижний Новгород своего подручного князя Федора Ржевского. Наместники Михаила были схвачены, а новгородские войска выдвинуты к Волге. Навстречу им направились тверские войска во главе со старшим сыном тверского князя Дмитрием. Однако военных действий не велось, войска простояли друг против друга «до замороза». Затем был заключен мир, по которому Новгород переходил к Юрию.

В январе 1313 года скончался хан Токта⁶⁴². После непродолжительной борьбы престол занял Узбек (в апреле 1313 года в Египет уже прибыли послы нового хана⁶⁴³). Смена хана требовала личной явки князей в ставку хана для подтверждения и возобновления своих прав на княжества⁶⁴⁴. Отъезд князя Михаила в Орду упоминается под 1313 годом: весь 1314 год он провел в ставке хана⁶⁴⁵ и лишь осенью следующего года в сопровождении ханского посла и ордынского отряда вернулся на Русь. 10 февраля 1316 года объединенные ордынско-тверские силы разгромили московско-новгород-

скую коалицию под Торжком. Таким образом, князь Михаил Ярославич провел в поездке в Орду около двух с половиной лет — это самый длительный период его отсутствия на Руси.

Юрию вызов в Орду поступил, когда Михаил еще пребывал в ставке хана: «Въ лето 6823 (1315). Поиде князь великий Юрьи из Новагорода, позванъ въ Орду от цесаря, марта 15»⁶⁴⁶. Летописи отмечают, что при ханском дворе между Михаилом и Юрием «бывши пре велице». Юрия поддерживали новгородские бояре. Однако Узбек принял решение в пользу Михаила.

Летом (до осени) 1317 года, то есть после двухлетнего пребывания в ставке Узбека, женившись на его сестре и получив ярлык на Великое княжение Владимирское, князь Юрий Данилович вернулся на Русь⁶⁴⁷.

Женитьба князя Юрия поставила его в более выгодное положение: потенциальные дети Юрия и Агафьи стали бы Чингизидами (пусть по женской линии) и племянниками хана. И в случае сохранения власти за Михаилом должны были подчиняться человеку, который, с точки зрения монголов, по природе своей не был властелином. Тут, как отметил А. А. Горский, нельзя сбрасывать со счета «стремление не допустить чрезмерного усиления Михаила, идущее в русле традиционной монгольской политики поддержания “баланса сил” между вассальными правителями»⁶⁴⁸. Данный принцип ордынской политики в отношении русских княжеств отметил еще А. Н. Насонов⁶⁴⁹.

Результатом дальнейшего противостояния между Юрием и Михаилом стало решение предстать перед ханским судом: «...и докончаша с Михаиломъ княземъ миръ, како ити въ Орду обема...». В начале 1318 года князь Юрий из Новгорода «иде на Москву и оттоле въ Орду»⁶⁵⁰. Князь Михаил отбыл в степь, вероятно, в конце июля — начале августа. Во всяком случае, 6 сентября он прибыл в ставку хана на устье Дона, где его встречал сын Константин⁶⁵¹. 22 ноября 1318 года тверской князь был казнен⁶⁵². Его тело через Маджары и Бездеж (Бельджамен) было отправлено в Москву, а затем в Тверь.

Так с политической арены сошел последний внук Ярослава Всеволодовича. При его правлении ордынский хан без труда навязывал свое решение тех или иных проблем «Рус-

ского улуса». Русские княжества прочно вошли в систему ордынской государственности, а браки между князьями ростовского княжеского дома и ордынскими принцессами, как и брак Юрия Московского с сестрой Узбека, свидетельствуют о прочном вхождении ордынского фактора в русское культурное поле.

Михаил Ярославич Тверской и Владимирский провел в общей сложности при ордынском дворе пять с половиной лет, что составило 12 процентов от времени его жизни (46 лет), 4,5 процента от времени владения уделом (33 года) и около 31 процента от времени великого княжения (13 лет).

Князь Юрий пробыл в ставке хана до лета 1319 года. Эта его поездка заняла по продолжительности около года.

Следующий раз в Орде Юрий Данилович побывал в 1324—1325 годах.

Необходимо отметить, что в 1322 году князь Юрий был лишен волей Узбека Великого княжения Владимирского. Связано это было с явным неисполнением князем функций представителя хана в своих землях. В частности, взяв в 1321 году⁶⁵³ с тверских князей Михайловичей «серебро выходное», он не отвез его в ханскую казну⁶⁵⁴. Надо полагать, что и вся дань с княжества была задержана Юрием. Вероятно, именно поэтому в марте 1322 года в ставку Узбека едет старший сын казненного Михаила Дмитрий Тверской, который «подъя великое княженье под великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ»⁶⁵⁵. На Русь был отправлен посол Ахмыл «по Юриа князя»⁶⁵⁶. Однако Юрий не стал встречаться с послом и не торопился в ставку хана. Тогда Узбек дал ярлык на Великое Владимирское княжество Дмитрию. Симеоновская летопись отмечает, что «въ лето 6830 (1322)... Тое же зимы прииде изъ орды князь Дмитриеи Михайловичъ Тферскыи на княжение великое, а с нимъ посоль Севенчбуга»⁶⁵⁷. Князь Дмитрий провел в степи около девяти месяцев.

Только летом 1325 года Юрий отправляется в ставку хана на суд⁶⁵⁸. Однако 21 ноября (накануне годовщины казни князя Михаила), уже в Орде, он сталкивается с Дмитрием, который «уби великого князя Юрья Даниловича без цесарева слова»⁶⁵⁹. Сам Дмитрий был казнен год спустя за нарушение судебных прерогатив в ставке хана.

Таким образом, князь Юрий провел при дворе ордынского хана пять лет (на полгода меньше своего основного противника Михаила Тверского). Будучи на великокняжеском столе пять лет, только год (20 процентов) он пребывал в Орде. От времени удельного княжения (22 года) поездки в степь отняли около 18 процентов, а от времени жизни (44 года) — около 11 процентов.

Князь Дмитрий, прожив 28 лет, провел в Орде год и девять месяцев (6 процентов). Из них около 9 процентов пришлось на его удельное княжение и 25 процентов на княжение великое.

Впервые пребывание в Орде князя Александра Михайловича — брата Дмитрия источники фиксируют под 1325 годом. Точнее, отмечается возвращение Александра из ставки хана, где остался его старший брат Дмитрий, — «а с нимъ Татарове должници, и много тяготы бысть земли Тферьской от Татаръ»⁶⁶⁰. По аргументированному заключению А. А. Горского, князь Александр, «таким образом, выполнял поручение хана, как бы замещая брата, задержанного вместе с Юрием при ханском дворе»⁶⁶¹. Вторично князь Александр побывал в ставке хана в конце 1326 — начале 1327 года — после казни в сентябре 1326 года Дмитрия⁶⁶².

Несколько ранее в ставку хана отправляется и князь Иван Данилович (Калита). Вполне обоснованно предположение А. А. Горского о причине поездки князя: он отправляется к Узбеку за ярлыком на Московское княжество⁶⁶³.

В. А. Кучкин, а вслед за ним и А. А. Горский относят поездку Ивана Даниловича к периоду после закладки Успенского собора 4 августа 1326 года и до смерти митрополита Петра 21 декабря 1326 года⁶⁶⁴ — на обоих этих событиях присутствие князя надежно зафиксировано⁶⁶⁵. Срок краткий (четыре с половиной месяца), однако, по мнению исследователей, князь успевает совершить поездку именно в это время⁶⁶⁶. Однако они не учли еще одно немаловажное обстоятельство: 4 июля 1327 года у Ивана Даниловича и его супруги родился сын, которого назвали Андреем. Учет времени на вынашивание ребенка показывает, что его зачатие должно было произойти во второй половине октября — самом начале ноября 1326 года. В противном случае (например, зачатие после 25

декабря — завершение Рождественского поста) ребенок должен был бы родиться значительно недоношенным. Конечно, встречаются случаи, когда князей в их поездках в Орду сопровождали их супруги. Однако 30 марта 1326 года в семье московского князя родился второй сын, Иван, и вряд ли Калита рискнул бы взять в тяжелую и длительную поездку только что оправившуюся от родов жену. Следовательно, поездку в ставку хана за ярлыком на Московское княжество, отмеченную в Никоновском своде, князь Иван Данилович совершил ранее 4 августа. В источниках отмечено присутствие Ивана на погребении его старшего брата Юрия 8 февраля 1326 года⁶⁶⁷. Поэтому время, за которое князь успел бы съездить ко двору Узбека, выпадает на февраль — август 1326 года. По всей вероятности, вскоре после похорон брата князь и выехал в Орду. Беря во внимание данный период, мы видим срок больше пяти с половиной месяцев, за который поездка в ставку хана более вероятна. Именно поэтому период отсутствия князя Ивана Даниловича в своем княжестве стоит отнести к февралю — началу августа 1326 года.

До этого времени Иван Данилович был при дворе хана один раз — в 1320—1322 годах⁶⁶⁸. А. А. Горский склонен связывать ту поездку князя с необходимостью закрепить за московской династией права на Нижегородское княжество после смерти брата Юрия и Ивана — Бориса, который занимал стол в Нижнем Новгороде⁶⁶⁹. Таким образом, Иван представлял интересы старшего брата при дворе ордынского хана: именно он сопровождает посла Ахмыла в 1322 году, посланного, как отмечалось выше, вызвать в Орду князя Юрия.

Следующее свидетельство о поездке князя Ивана датируется 1327 годом, когда после восстания в Твери и его подавления был изгнан из княжества и смещен с великого княжения Александр Михайлович. После карательной экспедиции Федорчука, Туралыка и Сюги зимой 1327—1328 годов Иван вновь едет в Орду, где получает ярлык на владимирский стол (поделив его с Александром Васильевичем Суздальским). Тверской стол был передан Константину Михайловичу, сопровождавшему Ивана Даниловича в этой поездке⁶⁷⁰

В 1337 году Александр Михайлович Тверской после длительных переговоров совершает добровольную поездку к ха-

ну Узбеку. Хан — на удивление — помиловал князя, и Александр «...приятъ пожалование отъ царя, восприимъ отчину свою»⁶⁷¹. Ряд исследователей склонны связывать изменение статуса Тверского княжества именно с этой поездкой князя Александра: из удела Владимирского княжества Тверь превратилась в великое княжение с рядом автономных прав.

Возвращение князя датируется началом 1338 года.

Но уже в 1339 году князь Александр был вызван в ставку хана Узбека и 28 октября 1339 года казнен вместе со своим сыном Фёдором⁶⁷².

Таким образом, суммарное время, проведенное князем Александром при ордынском дворе, составило около двух лет. От времени жизни (38 лет) это около 5 процентов; он провел в Орде 7,5 процента от времени правления тверским уделом (20 лет) и 25 процентов от времени на великом княжении (около 2 лет).

За десятилетие своего великого княжения, с 1329 по 1339 год, князь Иван Калита совершил только четыре поездки в Орду, а не пять, как полагали А. Н. Насонов и Д. Островски⁶⁷³. В 1331–1332 годах он совершил поездку в Орду в связи со смертью суздальского князя Александра Васильевича⁶⁷⁴. Как установил В. А. Кучкин, именно в результате этой поездки, обещая значительные выплаты, князь смог получить полностью Владимирское княжество и половину Ростова⁶⁷⁵.

Зимой 1333–1334 годов Иван Калита был вызван в ставку хана и вернулся, вероятно, летом 1334 года⁶⁷⁶. А. А. Горский, датируя поездку 1333 годом, связывает ее с погашением долга⁶⁷⁷. Во второй половине 1336 года князь совершает еще одну поездку, вернувшись от хана «съ пожалованиемъ въ свою отчину» зимой 1336–1337 годов⁶⁷⁸. Упоминание летописей о «пожаловании» позволяет исследователям связывать поездки Ивана Калиты в Орду с постоянным увеличением территории его владений⁶⁷⁹. Поездка князя в конце 1338 — начале (до весны) 1339 года в сопровождении сыновей Семена (Симеона) и Ивана четко связывается с политической активностью противника Москвы Александра Михайловича Тверского и его помилованием Узбеком. Новгородская I летопись ставит эти два события в прямую зависимость: «Въ лето 6847 (1339)... Ходи князь великыи Иванъ в Орду; его же

думою приславше Татарове, позваша Александра и Василья Давыдовица Ярославьского и всех князи в Орду»⁶⁸⁰.

Всего, таким образом, московский князь пребывал при дворе хана около пяти лет и трех месяцев, что составило около 15 процентов отведенных ему лет жизни (57 лет), около 21,7 процента от времени правления на московском уделе (15 лет) и 16,7 процента от времени великого княжения. Следовательно, трудно согласиться со ставшим расхожим выводом А. Н. Насонова, что «Калита половину, вернее — большую часть своего княжения (на великокняжеском столе) провел в Орде или на пути в Орду и из Орды»⁶⁸¹. Конечно, около 17 процентов времени, проведенных правителем вне княжества, — это значительная доля. Однако это явно не половина и даже не большая часть княжения. Источники зафиксировали всего восемь поездок московского князя в ставку хана.

31 марта 1340 года Иван Данилович скончался. Это вызвало необходимость поездки князей в Орду за возобновлением инвеституры; кроме того, должен был получить ярлык новый великий князь, а это всегда было предметом для споров. Летописец отмечает, что «...все князи тогда въ Орде были»⁶⁸².

Летописи называют семь князей, ездивших в это время в Орду. Это Семен Иванович Московский (Симеон Гордый), его братья Иван Можайский и Андрей Серпуховской, Константин Тверской⁶⁸³, Василий Ярославский, Константин Ростовский, Константин Суздальский⁶⁸⁴. Но в отношении 1340 года надежно можно говорить о княжении двадцати князей⁶⁸⁵. То есть еще тринадцать князей (Зубцовский, Оболенский, Козельский, Брянский, Пронский, Кашинский, Ростовский, Сугорский, Муромский, Холмский, Стародубский, Галицкий), которые могли и, по всей вероятности, ездили в том году в степь, но источниками не упоминаются.

Ярлык на великое княжение был вручен Семену Ивановичу Московскому. До этого времени Семен дважды побывал в ставке хана. В 1339 году он сопровождал отца Ивана Калиту, а осенью — зимой 1339 года со своими братьями представлял в ставке Узбека отцовские интересы⁶⁸⁶.

В 1342 году, после смерти хана Узбека и захвата власти Джанибеком, Семен Иванович еще раз ездил за инвеститу-

рой к новому хану⁶⁸⁷. В следующем, 1343 году «князь великий Семень Иванович [ь] сперся съ княземъ Костянтиномъ Василиевичемъ Суждальскимъ о княжении Новагорода Нижняго»⁶⁸⁸. Однако Джанибек не поддержал притязания Семена и сохранил Нижний Новгород за князем Константином⁶⁸⁹.

В 1344 году, по свидетельству Московского летописного свода конца XV века, «все князи тогда въ Орде были». Ездили в степь и братья Ивановичи — Семен, Иван и Андрей⁶⁹⁰. К сожалению, источники не позволяют нам четко сказать о цели визита или вызова князей ко двору ордынского властителя⁶⁹¹.

Косвенные данные позволяют предполагать, что в 1347 году князь Семен снова был вызван в ставку Джанибека. Во всяком случае, весной этого года летописи фиксируют присутствие в Москве ордынского посла Когы⁶⁹², а затем отъезд князя в Орду. Выехал он в сопровождении своего брата Андрея, о чем свидетельствует упоминание об их совместном возвращении из степи уже в 1348 году «съ пожалованиемъ»⁶⁹³.

О поездке князя с братьями Иваном и Андреем, а затем их возвращении «съ пожалованиемъ» в 1350 году говорится в ряде летописных памятников⁶⁹⁴. Однако, фиксируя поездки московских князей в 1347 и 1350 годах в ставку хана, источники не называют их причин⁶⁹⁵.

26 марта 1353 года во время эпидемии чумы князь Семен умер.

А. А. Горский отметил, что «Семен Иванович является «рекордсменом» среди московских князей по частоте поездок в Орду: за 13 лет княжения он побывал там 6 раз»⁶⁹⁶. Всего же князь Семен Иванович совершил в Орду восемь поездок. Однако в процентном соотношении он не выделяется из числа других великих и удельных князей: от времени жизни (35 лет) он провел в степи около 11 процентов, от удельного правления (13 лет) — 11,5 процента, от великого княжения — около 19 процентов.

Показательны для этого периода данные в отношении пребывания при ордынском дворе двух удельных князей — Константина Михайловича Дорогобужского и Тверского и Андрея Серпуховского.

Шесть поездок в Орду за свою жизнь совершил Константин Михайлович. В самом начале 1318 года он был направлен отцом в ставку хана⁶⁹⁷, дабы представлять его интересы и продемонстрировать намерение Михаила Ярославича Тверского явиться на суд в Орду (сын становился фактическим заложником). Накануне казни отец отправил его к одной из жен Узбека (возможно, это была византийская принцесса Боялунь), у которой ему удалось укрыться во время расправы над Михаилом Ярославичем. Затем он был выдан Юрию Московскому, и «на другое же лето приехав в Русь князь Юрий, приведе с собой Костяньтина и дружину отца его»⁶⁹⁸.

После казни Дмитрия Михайловича и изгнания с тверского стола Александра Михайловича следующим сыном тверского князя по старшинству был именно Константин. Потому вполне закономерно, что он сопровождает Ивана Калиту в 1328 году в его поездке в ставку хана после подавления восстания в Твери⁶⁹⁹. Однако если московский князь возвратился из ставки Узбека достаточно быстро (вероятно, потратил на поездку стабильные полгода), то Константин был задержан. Лишь спустя год в статусе тверского князя он вернулся на родину⁷⁰⁰. В этом же статусе он сопровождает Ивана Калиту в Орду в 1331–1332 годах⁷⁰¹, а в 1340 году — его сына Симеона Гордого⁷⁰². В мае 1342 года, также сопровождая Симеона Ивановича, Константин едет к новому хану Джанибеку⁷⁰³. В 1346 году в связи со спором со своим племянником Всеволодом Александровичем он вновь отправляется в ставку хана, где источники фиксируют его кончину⁷⁰⁴. Всего, таким образом, в ставке ордынского хана и по дороге в Орду и из Орды Константин провел три года. От времени его жизни (40 лет) это составило 7,5 процента, от времени правления в Дорогобужском уделе — 25 процентов, от времени тверского княжения — 12,5 процента.

Андрей Иванович Серпуховской умер во время эпидемии через полтора месяца после старшего брата Семена. Таким образом, он не дождался своего вероятного вступления на московский и владимирский престолы. Тем не менее источники часто фиксируют его пребывание при дворе ордынского властителя. В 1339 году Иван Калита «...отпусти во Орду

сыны своя, Семена и Иоанна и Андрея»⁷⁰⁵. Они присутствовали при казни Александра Михайловича Тверского, а затем были отпущены на Русь «с пожалованием»⁷⁰⁶. После смерти отца Андрей Иванович в 1340, 1344, 1347–1348 и 1350 годах неизменно сопровождает при поездках в Орду своего старшего брата Сименона Гордого. Таким образом, из своих 26 лет жизни два с половиной года (9,6 процента) князь Андрей провел при дворе ордынского хана, совершив в Орду пять поездок. Половину своей жизни — тринадцать лет — он был удельным князем; на этот период выпадает большая доля — два года — его поездок в ставку хана; это около 19 процентов от времени княжения.

Всего же за первую половину XIV века — в 1304–1353 годах — источники фиксируют 69 поездок в Орду, совершенных 26 князьями.

Наибольшее количество поездок совершили за свою жизнь Иван Калита и его сын Симеон Иванович (Гордый) — восемь раз. Их действительно можно считать рекордсменами по данному показателю. Шесть раз был при дворе ордынского хана Константин Михайлович Дорогобужский и Тверской (умер в Орде).

Пять раз ездили в Орду Михаил Ярославич (казнен в Орде), Константин Васильевич Суздальский и Андрей Иванович Серпуховской.

Четыре раза — Александр Михайлович Тверской (казнен в Орде) и Юрий Данилович Московский.

Трижды — Федор Александрович (казнен в Орде) и Василий Давыдович Ярославский.

Дважды за этот период в Орде были Дмитрий Михайлович Тверской и Владимирский (казнен в Орде) и Константин Васильевич Ростовский (он еще дважды в 1359–1360 и 1361 годах).

По одному разу нанесли визит Александр Новосильский, Александр Васильевич Суздальский, Борис Давыдович Дмитровский, Василий Александрович Брянский, Василий Константинович Рязанский (казнен в Орде), Василий Константинович Ростовский, Дмитрий Романович Брянский, Иван Иванович (Коротопол) Рязанский, Иван Ярославич Пронский, Михаил Андреевич Городецкий, Роман Михайлович

Белозерский, Федор Иванович Стародубский (казнен в Орде), Ярослав Александрович (великий князь Рязанский).

Наибольшее количество времени — пять с половиной лет — провел при ордынском дворе Михаил Ярославич Тверской. На год меньше — четыре с половиной года — в ставке хана был Иван Данилович Московский. В процентном соотношении больше всего времени в Орде в статусе великого князя провел Дмитрий Михайлович Тверской — 37,5 процента. Причем от времени его жизни пребывание при ханском дворе составило всего 5 процентов. Михаил Ярославич Тверской пробыл в ставке хана 31 процент времени своего великого княжения и 12 процентов времени жизни. Александр Михайлович Тверской — соответственно 25 и 5 процентов. Столько же — 25 процентов от времени княжения провел в степи Ярослав Александрович Рязанский. Московские князья Юрий Данилович и Симеон Гордый провели при ордынском дворе по 11 процентов от времени жизни и по 20 процентов — от времени великого княжения. Иван Калита, вопреки устоявшемуся мнению, оказался в этом списке не самым заметным князем — соответственно 8 и 17 процентов.

Характерно, что в процентном отношении больше всего времени в период княжения провели в Орде тверские князья Михаил Ярославич и его сыновья Дмитрий и Александр, а от времени жизни — 13 процентов — княжич Федор Александрович — и все они были в Орде казнены.

Всего же из 25 князей, побывавших в ставке хана в первой половине XIV столетия, казнено было семеро (28 процентов).

По смерти в апреле 1353 года великого князя Владимирского Симеона Ивановича (Гордого) за ярлыком в степь отправился его брат Иван. Претендентом выступил также Константин Васильевич Суздальский⁷⁰⁷. Однако великое княжение было сохранено за московским княжеским домом, и в начале 1354 года, «по Крещении выиде из Орды князь Иванъ Иванович [ь]», а 25 марта того же года он «седе на великомъ княжении всея Руси въ Володимере»⁷⁰⁸. До этого он пять раз бывал при дворе хана, сопровождая отца и старшего брата или выполняя поручения Ивана Калиты: в 1339 году; осенью 1339 года — зимой 1339—1340 годов, когда сыновья Иванова-

чи втроем представляли интересы Ивана Калиты при дворе Узбека; 2 мая 1340 года — 1 (или 30) октября 1340 года; летом 1344 года — 26 октября 1344 года; в 1350 году, когда сопровождал Симеона Ивановича.

Возвращение из Орды князя Ивана Ивановича летописи также фиксируют под 1358 годом⁷⁰⁹ Связана поездка была с захватом в конце (осенью — зимой 1357 года⁷¹⁰) престола Джучиева Улуса Бердибеком, убившим отца и двенадцать братьев. Вероятно, выехав в степь зимой 1357—1358 годов, к лету 1358 года Иван с ярлыком на великое княжение вернулся в свою столицу.

В следующем, 1359 году, 13 ноября, он скончался. Таким образом, Иван Иванович за свою жизнь совершил семь поездок ко двору ордынского хана (напомню, больше — восемь раз — ездили только его отец Иван Калита и брат Симеон). При этом в статусе великого князя он был там только один раз; всего он провел в ставке ордынского хана три с половиной года, что составило 10 процентов от лет жизни (33 года), около 23 процентов от времени правления (13 лет) на Звенигородском уделе и чуть больше 8 процентов от времени великого княжения (6 лет).

Почти одновременно со смертью Ивана Ивановича, осенью 1359 года, в Орде началась «великая замятня». В августе или сентябре был убит хан Бердибек, и престол захватил Кульпа. Близкие даты, с разницей в два-три месяца, кончины ордынского хана и владимирского князя позволяют четко хронометрировать последующую поездку князей в Орду за инвеститурой. Выехав, по всей видимости, не ранее 22 ноября, справив девятидневные поминки, а возможно, не ранее 23 декабря — справив сороковины по умершему, в Орду князья должны были прибыть не ранее 20-х чисел января 1360 года. Однако к этому времени, пробыв ханом около пяти месяцев, Кульпа был свергнут Наурусом. Академический список Суздальской летописи это четко фиксирует: «Той же зимы (1360 года. — Ю. С.) оубиша царя Кульпу»⁷¹¹. В ставку к новому хану «первое прииде князя великого сынъ Иван [а] Иванович [а] Дмитрей»⁷¹². Однако «виде царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуша и млада возрастомъ» и предложил ярлык на великое княжение князьям суздальского дома Ан-

дрею Константиновичу и Дмитрию Константиновичу. И если первый отказался от княжения, то его младший брат Дмитрий согласился принять ярлык. 22 июня 1360 года князь Дмитрий Константинович въехал во Владимир⁷¹³. Таким образом, он должен был затратить на поездку в степь около семи месяцев.

Еще до его возвращения на Русь, в мае 1360 года, ордынский престол захватил Хызр (Хидырь) «и дасть княженъе великое князю Дмитрею Константиновичю Суздальскому»⁷¹⁴. Сведений о поездках за инвеститурой к новому хану в 1360 году нет. Зато к лету 1361 года Никоновский свод относит представительную поездку русских князей ко двору Хызра: «Того же лета поиде во орду ко царю Хидырю князь велики Дмитрей Ивановичь Московский... князь велики Дмитрей Констянтиновичь суздальски изъ Володимеря, и братья его старейшии князь великии Андреи Констянтиновичь из Нижнего Новагорода, и князь Констятинъ Ростовский и князь Михайло Ярославский»⁷¹⁵. Причем Дмитрий Московский прибыл к хану и уехал несколько раньше остальных князей — «до замятни». Другие князья стали свидетелями очередного переворота — сын Хызра Темир-ходжа захватил, убив отца, ордынский престол. Однако удержался на престоле всего семь дней и был свергнут, а ордынское государство вслед за этим фактически распалось.

На обратном пути из степи русские князья были подвергнуты разбойному нападению: «на пути удари на него (Андрея Константиновича Суздальского. — Ю.С.) князь Рятекозь, и поможе богъ князю Андрею Костянтиновичю, и прииде здравъ на Русь»; «тогда же ограбиша въ Орде князеи Ростовьских»⁷¹⁶.

Вероятно, следует согласиться с А. А. Горским, что результатом этой поездки князей явилось лишь подтверждение существующего положения. Такой вывод правомочен в связи с тем, что летом 1362 года московский и суздальский князья «сперься о великом княжении». Показательно, что русские князья в это время не рискуют ехать в опасную степь. Системный кризис в Орде перенес поле борьбы за ярлык из ставки хана на Русь, и князья предпочитают отправлять туда для решения вопроса о ярлыке уполномоченных по-

слов — киличеев: «и принесоша ярлыкъ княжение великое по отчине и дедине князю великому Дмитрею Иванович [ю] Московскому»⁷¹⁷ Получив ярлык, в январе 1363 года Дмитрий Иванович въехал во Владимир.

Источники в связи с борьбой за великокняжеский титул фиксируют активизацию ордынской политики сына князя Дмитрия Константиновича. В частности, зимой 1364—1365 годов он вернулся от нового хана Азиз-шейха и «...съ нимъ царевъ посоль, а имя ему Оурусъманды, и вынесе ярлыкы на княжение на великое князю Дмитрию Константиновичю Суждальскому»⁷¹⁸. Однако Дмитрий Константинович «ступися княжения великаго князю Дмитрию Иванович[ю] Московьскому...»⁷¹⁹ и даже отдал за Дмитрия Ивановича свою дочь Евдокию.

Таким образом, Нижегородско-Суздальский княжеский дом ко второй половине 1360-х годов отказался от борьбы за владимирский стол. Однако активизировался Михаил Александрович Тверской, возглавивший княжество в 1368 году. В 1370 году Михаил едет в Литву, а оттуда — в Мамаеву Орду. Отправился он туда «до Филиппова заговения за две недели»⁷²⁰, то есть в начале ноября. Уже в следующем, 1371 году, 10 апреля, проведя в Орде около полугода, с ярлыком на Владимирское княжество и в сопровождении посла Сарыхожи он прибыл в Тверь. Однако в великокняжескую столицу, Владимир его не впустили московские заставы, а посла князю Дмитрию Ивановичу удалось пригласить в Москву. В результате всех этих событий князь Дмитрий 15 июня 1371 года выехал в ставку Мамаю⁷²¹ и осенью 1371 года, к началу Рождественского поста (25 ноября), вернулся с ярлыком на Владимирское княжество⁷²². Таким образом, он провел около пяти месяцев в ставке Мамаю, где, вероятно, договорился о суммах выплат дани и выкупил из долговой ямы тверского княжича Ивана Михайловича⁷²³.

В 1374 году в летописях зафиксировано начало войны между Москвой и Мамаевой Ордой: «...князю великому Дмитрию Московьскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ...»⁷²⁴. Эта война, как мы знаем, закончилась тем, что 8 сентября 1380 года на Куликовом поле войска во главе с Дмитрием Ивановичем разгромили армию грозного темника.

За время военных действий источники не фиксируют пребывания в ставках ордынских правителей русских князей. Лишь после разгрома Токтамышем Мамаю в так называемой «битве на Калках» русские князья отправляются в степь киличеев⁷²⁵, но сами пока не спешат к новому властителю Орды.

Лишь когда летом 1382 года Токтамыш совершает большой поход на Русь, в результате которого в итоге пала Москва и были разорены Московское и Рязанское княжества, к нему — еще во время похода — прибыли князья Василий и Семен Нижегородско-Суздальские, сыновья Дмитрия Константиновича. Кроме того, по данным летописей, князь Олег Иванович Рязанский «обведе царя около всея своей земли и указа ему броды на Оце»⁷²⁶, то есть, судя по контексту, лично предстал перед ордынским ханом.

Практически сразу же после отхода войск Токтамыша из-под Москвы к нему в ставку устремились Михаил Александрович Тверской (5 сентября⁷²⁷) и Борис Константинович Городецкий⁷²⁸. Василий Дмитриевич Нижегородский был оставлен при хане, когда тот возвращался из похода на русские княжества⁷²⁹.

Весной 1383 года «...князь велики Дмитриеи Ивановичь отпусти въ Орду къ царю Токтамышу сына своего старейшаго Василя»⁷³⁰.

Тогда же в степь один за другим отправились Иван Борисович («ко отцу своему князю Борису Константиновичу») и Семен Дмитриевич⁷³¹ (по Никоновской летописи: «...князь великий Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода посла во Орду к Тохтамышу царю сына своего... понеже сам в старости прихожаше и в немощи»⁷³²).

Уже в ставке хана они узнали о смерти великого князя Нижегородско-Суздальского Дмитрия Константиновича (умер 5 июля). Токтамыш выдал ярлык на княжество Борису Константиновичу «и того же лета на осень отпусти его в его отчину». Князь со своим сыном Иваном и племянником Семеном Дмитриевичем, пробыв в ставке хана около года, вернулся 8 ноября 1383 года⁷³³.

Дмитрий Константинович за годы своей жизни (около 60 лет) совершил две поездки в степь и провел при дворе ор-

дынского хана полтора года, что составило 2,5 процента от времени его жизни и около 8,3 процента от времени его княжения на уделе (18 лет). Весьма любопытен показатель пребывания при ордынском дворе Дмитрия Константиновича в статусе великого князя Владимирского. За примерно полтора года княжения он провел в ставке хана шесть месяцев, то есть треть своего правления.

В конце 1383 года, 6 декабря, от Токтамыша вернулся Михаил Александрович Тверской⁷³⁴. Проведя более года в ставке хана, он не смог добиться ярлыка на Владимирское княжество, которое было сохранено за Москвой.

Характерный факт: после похода на Москву в 1382 году Токтамыш, вероятно осознавая неустойчивость своего господства на Руси, задержал на долгое время в своей ставке в качестве почетных заложников сыновей всех русских великих князей: Василия Дмитриевича Московского⁷³⁵, Александра Михайловича Тверского⁷³⁶, Василия Дмитриевича Нижегородско-Суздальского⁷³⁷, Родослава Ольговича Рязанского⁷³⁸. Впервые в истории русско-ордынских отношений великий хан пошел на такой шаг: русские князья и княжичи были именно задержаны, причем как заложники, а не как подданные, что наблюдалось и ранее. Важно отметить и то, что практически все они совершали попытки бегства из ставки хана.

В начале 1389 года в Орду отправился великий князь Нижегородско-Суздальский Борис Константинович, «а в то время царь Тохтамыш пошел на Темир-Аксака». По мнению А. Н. Насонова, эта поездка была вызвана тем, что его племянники Василий и Семен с помощью московской рати вынудили Бориса уступить Нижний Новгород в обмен на Городец⁷³⁹. Князь Борис догнал хана «и иде с ним в дорогу 30 дней; и потом царь Тохтамыш пощади его и отпусти его от места нарицаемого Ерук-тана (Улуг-таг — плоскогорье на территории современного Центрального Казахстана. — Ю. С.)». Хан приказал Борису дожидаться его возвращения в Сарай. «А сам, шед, воева землю Темир-Аксакову и град его дальний повоева, а самого не возможе дойти, и возвратися в свой улус»⁷⁴⁰. Возвращение князя Бориса Константиновича источники фиксируют в 1391 году. Таким образом,

в этот раз князь Борис провел при ордынском дворе около двух лет или даже более того (2 года и 3 месяца).

К этому времени ситуация изменилась. 19 мая 1389 года скончался князь Дмитрий Иванович. Московское княжество и титул великого князя Владимирского он завещал своему старшему сыну Василию — беспрецедентный факт в истории русско-ордынских отношений (до сих пор претенденты на великокняжеский стол отправлялись в ставку хана, и он назначал нового главу княжества). Три месяца спустя, в августе 1389 года, посол Токтамыша Шихмат торжественно возвел Василия на престол Великого княжества Владимирского⁷⁴¹. Токтамыш тем самым официально утвердил новое положение дел.

Сам Дмитрий Иванович за свою жизнь (38 лет) трижды ездил в ставку хана. При этом в статусе великого князя только один раз — в 1371 году к Мамаю. При ордынском дворе он провел полтора года, то есть чуть больше 3,9 процента от лет жизни, 5,2 процента от лет удельного княжения и примерно столько же — 5,4 процента — от времени княжения великого.

Контраст с жизнью и деятельностью его отца разительный: доля пребывания в Орде во время великого княжения уменьшилась почти в три раза, а от продолжительности жизни и длительности удельного княжения — в полтора. Связано это было с ослаблением центральной ордынской власти, и в первую очередь с появлением на дорогах Орды грабительских отрядов. Князья в такой ситуации предпочитали не сами ездить в ставку хана, а отправлять туда уполномоченных послов или же дожидаться таковых из Орды.

Этот вывод подтверждает уже деятельность Василия I, сына Дмитрия Донского. Проведя около трех с половиной лет в заложниках, он еще трижды едет в Орду: в 1390, 1392 и в 1412 годах. Доля его пребывания в ставке вырастает до 9 процентов от лет жизни (53 года) и до 14 процентов от лет княжения (34 года).

В статусе великого князя Василий Дмитриевич отправляется в ставку хана в 1390 году. О том, что летом указанного года князь «утече за Яикъ, и прииде в свою отчину на Москву», сообщает Воскресенская летопись. Вслед за князем Васили-

ем «изъ орды приде посоль Уланъ царевичъ, и посади князя Василя на великое княжение»⁷⁴². То есть князь Василий, несмотря на признание его прав на Владимир и возведение в князья послом Шихматом, тем не менее был вынужден совершить личную поездку в ставку хана Токтамыша для подтверждения прав на владимирский стол. Такую поездку князь и осуществил летом 1390 года, спустя год после смерти отца. Эта поездка укладывается в период между 15 марта (на Средокрестной неделе 8–15 марта 1390 года князь встречал митрополита Киприана⁷⁴³) и осенью, когда было отправлено посольство к Витовту, причиной которого стало сватовство к его дочери Софье⁷⁴⁴.

Следующая поездка началась 16 июля 1392 года⁷⁴⁵, когда «сложи князь великий Василий Дмитриевич крестное целование к великому князю Борису Константиновичу... и поиде во Орду ко царю Тохтамышу...»⁷⁴⁶. Московский князь «нача просити великого княжения Нижнего Новгорода под великим князем Борисом Константиновичем к своему великому княжению к Москве...»⁷⁴⁷. «И умзди князей царевых... также и царь их Тохтамыш взя многое злато и серебро и великие дары»⁷⁴⁸. Хан упразднил Великое княжество Нижегородско-Суздальское, его территория оказалась присоединена к Великому княжеству Владимирскому и Московскому. Это решение Токтамыша косвенно подтверждает участие московского князя в войне с Тимуром и неучастие в ней князя Бориса.

Подробный анализ различных летописных версий рассказа о присоединении к московским владениям Нижегородско-Суздальского княжества провел С. А. Фетищев. По его данным, в Троицкой летописи сообщалось о поездке Василия I в Орду (с 16 июля по 20 октября 1392 года), получении им ярлыка на Нижний Новгород и о посажении там наместником Д. А. Всевожского. В «Рогожском летописце» и Симеоновской летописи основной текст Троицкой летописи оказался заменен рассказом, обличающим деяния Василия I, купившего «неправдою» «на погибель христианскую» Нижний Новгород. В этом же рассказе осуждается боярин Василий Румянец, предавший своего князя. В «Рогожском летописце» и Симеоновской летописи, однако, сохранился фрагмент, восходящий, вероятно, к Троицкой летописи. рез-

ко контрастирующий с обличительными мотивами тверского редактора и прославляющий московского князя: в нем говорится, что Василий посажен «Богом и царем». В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, содержатся две краткие записи о двух поездках Василия I в Орду и захвате Нижнего Новгорода, во второй — о приглашении Василия Токтамышем и о вторичном пожаловании ему Нижнего Новгорода, а также Мурома, Мещеры и Тарусы⁷⁴⁹.

По возвращении на Русь великий князь Василий отправил из Коломны ордынского посла и своих бояр, вероятно с ратью, в Нижний Новгород. Князь Борис Константинович обратился к своим боярам с требованием готовить оборону. «В них (среди бояр. — Ю. С.) же быше старейший боярин, именем Василий Румянец, и рече ему: княже, главы свои сложим за тя»⁷⁵⁰. Этот боярин убедил Бориса Константиновича впустить татар и московских бояр в город, после чего нижегородское боярство отказалось от защиты своего князя. Население города было приведено к присяге Василию Московскому. В Нижний Новгород вскоре прибыл сам великий князь «и посади в нем своя наместники, а князя Бориса Константиновича, и з женою его и з детми его, и елико еще быша доброхотов его, всех повеле по градом розвести и в вериги железные связати, и в велицей крепости держати их»⁷⁵¹. «Безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в Орду», после чего вернулся в Москву⁷⁵². В 1394 году, 6 мая, бывший великий князь Нижегородско-Суздальский Борис Константинович скончался в заточении⁷⁵³.

В это время к великому князю Василию «прииде посол изо Орды от царя Тохтамыша и позва великого князя Василия Дмитриевича во Орду к царю, такоже и посла своего». Вероятно, спешный вызов был связан со следующими бурными событиями: 5 сентября 1392 года Токтамыш казнил царевича Азибабу, а в конце месяца «бысть бой... со царем Аксак-Темирем и побежден бысть царь Тохтамыш: сам убежа, а рать его избиена бысть»⁷⁵⁴; однако «тое же осени Тохтамыш царь сяде опять на царстве Волжском, а царь Аксак-Темир поиде в свою землю»⁷⁵⁵. Московский князь отправился в степь, «и многу честь приа от царя Тохтамыша, яко ни един от прежних князей; и придаде ему царь Тохтамыш Новгород

Нижний и Городец со всем, и Мещеру, и Торусу»⁷⁵⁶. Таким образом, в условиях очередного поражения от Тимура Токтамыш пошел на сознательное усиление Москвы, рассчитывая, по-видимому, на военную поддержку великого князя Василия. 24 октября 1392 года великий князь Московский вернулся в Москву «посажен Богом и царем»⁷⁵⁷

Летом 1394 года, в «Петрово говенье»⁷⁵⁸ (1–15 августа. — Ю. С.), «побежаша во Орду князи Суздальстии и Новагорода Нижнего и Городецкие, Василий Дмитриевич Кирдяпа да брат его князь Семен Дмитриевич, ко царю Тохтамышу добиваюшися своя отчины Нижнего Новгорода и Суждалья и Городца»⁷⁵⁹. Смысл летописной записи не совсем ясен. Вероятно, братья Дмитриевичи отправились в Орду с целью восстановить Великое княжество Нижегородско-Суздальское, сами будучи к этому времени: Василий — князем Городецким, Семен — князем Суздальским⁷⁶⁰. Великий князь Василий Дмитриевич организовал за ними погоню, но «не постигоша их, скоро бо идяху»⁷⁶¹.

Именно Василий Дмитриевич Кирдяпа и его брат Семен Дмитриевич провели больше всего времени при ордынском дворе — 7 лет и 9 лет и 3 месяца соответственно. Первый, кроме того, что был заложником в ставке хана около пяти лет, еще четыре раза был при ордынском дворе (всего — пять раз): зимой 1364–1365 годов и в 1365 году⁷⁶² добивался ярлыка на великое княжение для своего отца, в 1370 году сопровождал Мамаева посла Ачи-Ходжу в походе на болгар, в 1394 году бежал в ставку хана от московского правительства. Таким образом, из лет своей жизни (53 года) он провел при ордынском дворе около 13 процентов времени; от 16 лет княжения — около 40 процентов.

Семен Дмитриевич, как указано в летописи, «осмь летъ по ряду въ Орде служи четьрем царемъ, первому Тахтамышу, другому Аксакъ Темирю, третьему Темирь Кутлюю, четвертому Шадибеку»⁷⁶³. Кроме того, еще девять месяцев он провел при дворе хана Токтамыша, представляя интересы своего отца в 1383 году. Из 50 лет жизни он провел в Орде 18,5 процента, а из 19 лет правления — 48 процентов. Семен Дмитриевич — единственный князь, который провел в Орде почти половину времени пребывания на престоле.

Борис Константинович Городецкий и Нижегородский провел при ордынском дворе 3 года и 9 месяцев — больше на три месяца Ивана Ивановича Московского. Ездил в Орду князь Борис четырежды. От лет жизни (53 года) время пребывания в Орде составило около 7 процентов, от лет удельного княжения — около 3 процентов; от великого княжения — около 28 процентов.

Всего же за вторую половину XIV века — в 1354–1399 годах — зафиксировано 56 поездок в ставку хана, осуществленных 24 князьями.

По одному разу в степи были Александр Михайлович Тверской, Андрей Федорович Ростовский, Иван Федорович Белозерский, Михаил Давыдович Моложский, Родослав Олегович Рязанский, Семен Константинович Дорогобужский, Федор Глебович Муромский, Юрий Ярославич Муромский.

Олег Иванович Рязанский посетил Токтамыша во время его похода на Русь в августе 1382 года.

Иван Дмитриевич Суздальский участвовал в походе татар на болгар в 1370 году.

Дважды в ставке хана побывали Дмитрий Борисович Галицкий, Дмитрий Константинович Нижегородско-Суздальский, Михаил Васильевич Кашинский.

Три раза отправлялись к хану Андрей Константинович Нижегородский, Василий Дмитриевич Московский (во второй половине XIV века — два раза; один раз в 1412 году), Василий Михайлович Тверской (дважды во второй половине XIV века), Дмитрий Иванович Московский, Михаил Александрович Тверской и Семен Дмитриевич Нижегородско-Суздальский.

Четырежды при дворе хана отмечены Борис Константинович Городецкий и Нижегородский, Всеволод Александрович Холмский (во второй половине XIV века — дважды), Константин Васильевич Ростовский (во второй половине XIV века — дважды).

Как отмечалось выше, пять раз при дворе ордынского хана побывал Василий Дмитриевич Кирдяпа.

Иван Иванович Красный побывал в ставке хана семь раз, однако во второй половине XIV столетия он совершил только две поездки — в 1353–1354 и в 1358 годах.

Таким образом, за период 1304–1399 годов в Орде побывало 50 князей, совершивших 125 поездок. Всего в XIV веке жили и действовали 260 русских князей; из них 190 князей — в XIV веке и еще 70 не только в XIV, но и в XIII или XV столетиях⁷⁶⁴. Простой подсчет показывает, что лишь 19 процентов князей от общего их числа ездили ко двору ордынского хана. С другой стороны, подавляющее большинство из них — великие князья, то есть те, на ком лежала главная ответственность.

В первой половине XIV века русский князь в среднем проводил при дворе ордынского хана 3,5 процента от времени своей жизни и 15,3 процента от времени правления. Ближе всего к среднему показателю князь Александр Васильевич (князь Суздальский в 1309–1331 годах) и великий князь Владимирский (в 1328–1331 годах) — он провел в Орде 2,3 процента от времени удельного княжения и 16,7 процента от времени княжения великого.

Во второй половине XIV века средние показатели пребывания при дворе ордынского хана составили — 3,4 процента от времени жизни и 11,6 процента от времени правления. Ближе всего к ним оказался Михаил Васильевич Кашинский — соответственно 2,6 и 9,1 процента.

Большинство поездок в Орду совершено в 1330–1340 годах, то есть в последние годы правления хана Узбека и первые годы нахождения на престоле Джанибека.

5. Русские князья при дворе ордынского хана в XV веке. 1402–1445 годы

На рубеже XIV–XV столетий в русско-ордынских отношениях стали проявляться новые черты. По всей вероятности, после поражения Токтамыша от войск Тимура в 1395 году и до 1412 года Москва не выплачивала в Орду дань⁷⁶⁵. Связано это было с явным ослаблением центральной ханской власти. В 1398 году Токтамышу вновь удалось закрепиться на престоле (поздний Никоновский свод констатирует: «...в радости велице бывшу царю Тохтамышу Большая

Орды, от супротивных свободошуся, и послы своя посылаюшу по всем странам»⁷⁶⁶), но уже к концу года «прииде некоторый царь, именован Темир Кутлуи, и прогна царя Тахтамышша и седе в Орде». Токтамыш бежал в Литву⁷⁶⁷. Власть нового хана поддерживалась авторитетом эмира Идигу (Едигея), который возглавил ордынское правительство.

Русские князья, однако, не спешили с оформлением вассальных отношений (по крайней мере, источники не донесли до нас известий о поездке князей или их послов в степь). Москва последовательно не признавала марионеточных ханов, от имени которых правил эмир Идигу (Едигей).

Только в 1399 году, после смерти великого князя Тверского Михаила Александровича, его сын Иван получает инвеституру от ордынского хана и тем самым признает правительство Едигея. Однако делает он это не посредством личной явки в ставку, а «посла во Орду ко царю Темир-Кутлую киличеев своих...»⁷⁶⁸. В том же году, уже от нового хана, «выидоша из Орды от царя Шадибека с честью Феодор Гуслен да Константин, а с ним посол Сафряк, и вынесоша ярлыки на великое княжение Тферское князю Ивану Михайловичу по отчине и по дедине его»⁷⁶⁹.

В 1402 году в связи со смертью великого князя Рязанского Олега Ивановича (5 июля) фиксируется официальное признание своей зависимости от правительства Едигея Рязанью. Сын князя Олега Федор отправился в Орду к хану Шадибеку «з дары и со мноюю честью, возвещая кончину отца своего». Шадибек «даде ему отчину его и дедину, великое княжение Рязанское, улус свой, и отпусти его. Он же пришед сяде на отчине своей и дедине, на великом княжении Рязанском»⁷⁷⁰.

В то же время в договоре от 25 ноября 1402 года между Федором Ольговичем Рязанским и Василием Дмитриевичем Московским появляются положения, направленные на ограничение прямых отношений Рязани с Ордой: «А не пристаи ти к татаром никоторою хитростью»; «А что ти слышев от Орды, а то нам поведати. А вести ти нам отсылати»; «А отдадутися от нас Орда, тебе с нами учинити по думе»⁷⁷¹.

Летом 1407 года источники фиксируют политические противоречия в Тверском княжестве. Тогда «поиде со Твери князь Юрий Всеволодович на Москву, и с Москвы в Ор-

ду»⁷⁷². По мнению Э. Клюга, Юрий и его московские союзники поставили целью возведение князя Холмского в великие князья Тверские⁷⁷³. Тут показательно, что князь Юрий, владевший Холмским уделом в Тверском княжестве, искал поддержки против великого князя Тверского Ивана не только в Орде, но и в Москве.

Но великий князь Тверской не собирался отдавать княжество без борьбы. «Того же лета июля в 20 князь Иван Тверской поиде в Орду в судех по Волзе к царю Шадибеку»⁷⁷⁴. Однако в это время в степи вспыхнула очередная междоусобица, и Юрий и Иван предстали перед судом нового хана — Пулад-Салтана. Ордынское правительство во главе с Едигеем отказало в тверском столе московскому ставленнику, и Юрий был даже вынужден бежать из ставки хана «к Азтороканю». А великий князь Тверской Иван Михайлович, пробыв в Орде шесть месяцев, вернулся в Тверь 25 января 1408 года «от царя с великим жалованием»⁷⁷⁵.

Весной того же 1408 года в Москву прибыл Юрий Всеволодович, «а с ним посол царев Мамаит Дербишь». Юрий остался в Москве. Посол же прибыл в Тверь «и глагола великому князю Ивану: “царь дал Юрию Кашин и десять волостей тверских”»⁷⁷⁶. Э. Клюг считает, что после неудачной попытки сделать Юрия Всеволодовича великим князем Тверским «была предпринята не менее опасная для тверской самостоятельности акция, преследующая цель расколоть Великое княжество Тверское на две почти равные части между Иваном и Юрием»⁷⁷⁷. Однако Иван заявил, что он недавно вернулся из Орды «и посол царев днесь у мене есть, и ярлык царев дан ми есть на всю землю Тверскую и сам Юрий в ярлыце царем дан ми есть; да того раде тебе не послушаю, дондеже ко цареви шлю»⁷⁷⁸. В результате посол вернулся в Москву, а оттуда направился в степь: «А Едигеева посла великий князь честив и отпусти». Юрий же вновь отправился в Орду летом 1408 года⁷⁷⁹.

Вполне возможно, что ярлык на владение Кашинским уделом Юрию выдал Шадибек, который продолжал чеканить свои монеты и после 1407 года в Дербенте⁷⁸⁰. Данный вывод тем более вероятен, что русские источники сообщают о Шадибеке лишь как о согнанном с ханского престола

(а не убитом)⁷⁸¹. Таким образом, ни правительство во главе с Едигеем, ни Шадибек не пожелали отдать тверской великокняжеский стол ставленнику Москвы. Отметим важный факт: судьба тверского стола решалась пусть и в условиях внутривосточной борьбы, но при дворе ордынского хана.

Столь же показательна ситуация в Рязанском княжестве, где в 1407–1408 годах также разразилась схватка за стол. 6 сентября 1407 года от Пулад-Салтана прибыл князь Иван Владимирович Пронский «с пожалованием и с честью на Русь и сяде в Пронске, а с ним посол царев»⁷⁸². А весной 1408 года Иван Пронский «пришед с татары безвестно, великого князя Феодор Ольговича Рязанского с Рязани согнал»⁷⁸³. Правда, по сведениям Московского летописного свода конца XV века, «того же лета помиришася князи Рязанские Феодор с Иваном»⁷⁸⁴. На каких условиях произошло примирение, летописи не указывают. Тем не менее Федор Ольгович вернулся на стол Великого княжества Рязанского.

В январе 1410 года обострилась ситуация в Нижегородском княжестве. Нижегородские князья Даниил и Иван Борисовичи с отрядом татар во главе с князьями «болгарскими и жукотинскими» нанесли поражение «на Лыскове» московским войскам во главе с братом великого князя Петром Дмитриевичем и князьями «ростовскими и ярославским». В бою погиб суздальский князь Данила Васильевич «и инии мнози падоша от обеих сторон; сташа же на костях князи Новгородские о Нижняго и князи Казаньстии»⁷⁸⁵.

Летом того же 1410 года, по сведениям русских летописей, князь Даниил Борисович «приведе себе царевича Галычю». Русско-татарский отряд в триста человек совершил набег на Владимир. В полночь 3 июля, когда жители спали, татары «придоша к Володимерю лесом безвестно из-за реки Клязьмы». При этом Владимир не имел городских стен, и город покинул наместник Юрий Щека. Татары «первое за Клязьмою стадо градское взяша и по том на посад пришедше начаша люде сечи и грабити». Затем отряд ворвался в город и «изграбиша вся церкви и град весь и люди попленивши, иных изсекши, огнем град запалиша и многое множество злата и серебра взявше»⁷⁸⁶. Был разграблен и кафедральный собор

татары «пригониша к церкви святыя Богородица и, вшедше в ню, икону Богородица одраша, тако же и прочая иконы и всю церковь разграбиша»⁷⁸⁷. Отходя от города в степь, ордынцы ограбили также Стародуб и Муром⁷⁸⁸.

Таким образом, нижегородские князья не смирились с упразднением Великого княжества Нижегородско-Суздальского. Однако они не пользовались поддержкой центрального ордынского правительства. Татары, которых призывали на помощь братья Борисовичи, приходили с периферийных территорий Орды (Булгарский улус). При этом активизация действий нижегородских князей происходила в условиях очередной смены хана, сопровождавшейся смутой, то есть при ослаблении центральной власти в Орде.

Правда, на протяжении 1408–1411 годов центральное ордынское правительство санкционирует владельческие права нижегородских князей. Не исключено, что этому способствовала личная явка князей ко двору. Вероятно, с целью ослабить Москву первоначально ярлык на Нижний Новгород выдает в 1408 году Идигу (Едигей), а в 1412 году — хан Джелаль-ад-Дин⁷⁸⁹.

Именно нижегородские князья первыми прибывают к Джелаль-ад-Дину после его воцарения в ноябре—декабре 1411 года⁷⁹⁰. А уже летом, вероятно до августа (дальнейшая статья Никоновского свода начинается с поездки в Орду 1 августа великого князя Московского Василия I Дмитриевича), «выидоша изъ Орды князи Нижняго Новагорода, пожаловании отъ царя Зелени-Салтана Тахтамышевича Болшіа Орды своею ихъ отчиною...»⁷⁹¹. Остается не ясным, было ли восстановлено Великое княжество Нижегородско-Суздальское или же нижегородские князья получили лишь города в уделы. Впрочем, владели они «пожалованием» недолго: после гибели Джелаль-ад-Дина московский князь совершил военный поход на Нижний Новгород и выгнал Борисовичей из города (1415 год)⁷⁹².

В это же время, летом 1412 года, в Твери появился «посол лют, зовя с собою великого князя Ивана Михайловича Тферского во Орду»⁷⁹³. Во время пребывания посла в Тверском княжестве вспыхнула междоусобица. Великий князь приказал арестовать своего брата Василия, князя Кашинско-

го. Однако тот сумел скрыться, добрался до Москвы и оттуда отправился в Орду.

Как уже упоминалось, 1 августа 1412 года в Орду отбыл великий князь Московский Василий I «со множеством богатства и со всеми своими велможами, да с ним князь Иван Васильевич Ярославский»⁷⁹⁴. В октябре (по Никоновской летописи)⁷⁹⁵ или декабре (по Тверской)⁷⁹⁶ того же года Василий Дмитриевич вернулся из степи «пожалован царем», «а с ним князь Василей Михайлович Кашинский»⁷⁹⁷.

15 августа 1412 года в ставку великого хана отправился и великий князь Тверской Иван Михайлович. Пробыл он там до весны 1413 года и оказался свидетелем очередной усобицы. Хан Джелаль-ад-Дин был «застрелен от своего брата Керим-Бердия»⁷⁹⁸. Причем рассказ об ордынской усобице в Никоновском своде явно тверского происхождения: Джелаль-ад-дин назван «злый наш недруг». При описании поездок других князей в Орду хан не удостоился подобных эпитетов. Видимо, Джелаль-ад-Дин выдал ярлык на Кашин Василию Михайловичу, что и вызвало неудовольствие летописца. Девятого апреля 1413 года Иван Михайлович вернулся в Тверь «с честью и с пожалованием»⁷⁹⁹. В его отсутствие 24 декабря 1412 года (данная дата говорит в пользу возвращения из Орды московского князя в декабре указанного года) «прииде князь Василей Михайлович в Кашин с татары»⁸⁰⁰. Однако тверская застава не впустила его в город, и он вновь отправился в Орду.

Поездки в Орду князей в 1412–1413 годах оказались последними столь массовыми посещениями ставок ханов в XV веке. Это объясняется тем, что ордынское государство вступало в полосу тяжелого затяжного политического кризиса. С 1414 года, когда был свергнут Керим-Берди, в степи уже не было хоть сколько-нибудь прочного правительства. Лишь в 1424 году хану Улуг-Мухаммеду удалось несколько стабилизировать положение, но и ему приходилось постоянно бороться с внутренней оппозицией.

Самой последней поездкой русских князей, зафиксированной в летописных источниках, является пребывание в ставке Улуг-Мухаммеда в 1431–1432 годах Василия II Васильевича и Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого.

Причиной поездки стал династический кризис, вызванный неоднозначностью трактовки некоторых положений завещания Дмитрия Донского. Разрешить спор своими силами не удалось, и возникла необходимость в авторитетном арбитре, каковым была признана власть ордынского хана. Между князьями было заключено перемирие на условиях: «не искать княжения собою, но царем, которого царь пожалует, тот будет князь великий Владимирский»⁸⁰¹. Таким образом, судьба Великого княжества вновь оказалась в руках ордынского правителя, и русские князья сами — без вмешательства татар — признали, что хан имеет право судить их и распоряжаться княжескими владениями.

Первым в степь отправился Василий II. Князь отбыл в ставку хана на Успение Пресвятой Богородицы (15 августа) 1431 года, отстояв литургию и молебен «великому чудотворцу Петру». Юрий Дмитриевич выехал в Орду спустя месяц, на праздник Рождества Богородицы (8 сентября 1431 года)⁸⁰².

Русские князья были помещены в ставке московского даруги Минь Булата. Московский летописный свод конца XV века отмечает, что «князь великий честь бе велика от него (от Минь Булата. — Ю. С.), а князю Юрью бесчестье, истома велика». Однако темник Ширин Тегиня «пришед... и взят силою... и великое княжение обеща ему дати»⁸⁰³. После этого Ширин Тегиня и Юрий откочевали зимовать в Крым.

Ситуацией решил воспользоваться московский боярин Иван Дмитриевич Всевожский. Он «начат бити челом великим князем ординским, Аидару и Минь Булат, и прочим князем татарским за государя своего великого князя Василия». Всевожский стал говорить эмирам, что Ширин Тегиня имеет неограниченное влияние на великого хана («во царе волен»). Великий хан Улуг-Мухаммед, следовательно, может в обход их мнения поставить во главе Владимирского княжества Юрия. И тогда во главе Литвы будет свояк Юрия Свидригайло, сам Юрий станет главой сильнейшего русского княжества, а Ширин Тегиня фактическим главой Орды. И «тем словом яко же стрелю уязви сердца их»⁸⁰⁴. Эмиры единым фронтом выступили за Василия II, и Улуг-Мухаммед принял решение в случае выступления Ширин Тегини в пользу князя Юрия казнить эмира. Однако Ширин Тегиня

узнал о планах великого хана и не посмел поднимать вопрос о Великом княжестве.

Улуг-Мухаммед приказал судить князей, и «много пря бысть межи их». По словам Московского летописного свода, «князь великий (Василий II. — Ю. С.) по отечеству и по дедьству искаше стола своего, князь же Юрьи летописцы и старыми списки и духовную отца своего великого князя Дмитреа». Всеволжский заявил великому хану: «...великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком... А господин наш князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен во своем улусе кого всхощешь жаловати на твоеи воли»⁸⁰⁵.

По версии московских летописцев именно после этой речи Улуг-Мухаммед «даст великое княжение князю Василию Васильевичу и повеле князю Юрью и конь повести под ним. Князь же великий не восхоте того, дядю своего обесчести-ти»⁸⁰⁶. В компенсацию Юрий получил ярлык на Дмитров.

По данным же Новгородской летописи, «выидоша князи рустии из Орды без великаго княжения». Псковский летописец отметил, что князья и их свиты выехали из ставки хана «добры и здравы, а княжения великого не взят не един»⁸⁰⁷. Лишь осенью 1432 года в Москву прибыл ханский посол Мансыр-Улан и возвел на владимирский престол Василия II. При этом Василий II, не посчитавшись с волей Улуг-Мухаммеда, занял Дмитров, на который хан выдал ярлык Юрию. Никаких карательных мероприятий со стороны Орды не последовало, что говорит о слабости ханской власти.

Не счел нужным считаться с волей Орды и Юрий, дважды, как только появлялась возможность, отстранявший от власти своего племянника, имевшего ханский ярлык на великокняжеский титул.

В то же время, оказавшись в роли изгнанника, Василий II намеревался искать поддержки именно в Орде, но смерть Юрия вновь сделала его великим князем. И никакой санкции на то, чтобы снова занять владимирский стол, Василий II испрашивать у великого хана не стал. Правда, это

может объясняться тем, что у Василия уже был ярлык, выданный в 1432 году Улуг-Мухаммедом, и подтверждать его не было необходимости.

Таким образом, можно констатировать, что с примерно с 1434 года Орда перестала рассматриваться на Руси как сила, которая безоговорочно распоряжается властью в княжествах. Если формально княжение еще признавалось «своим», но при этом «царевым улусом», то, по сути, русские князья распоряжались уделами и Великим княжеством по своему усмотрению. Именно с этого времени, на наш взгляд, необходимо рассматривать Русь и Орду как фактически независимые (по крайней мере, в юридическом плане) государства. Символом подконтрольности русских князей великому хану оставалась, как и в последние годы правления Василия I, лишь выплата дани.

Более поездок к ханскому двору источники не фиксируют.

Однако еще один раз русский князь оказался при дворе ордынского хана — в 1445 году князь Василий II Васильевич потерпел поражение под Суздалем и попал в плен к хану Улуг-Мухаммеду.

Таким образом, за первую треть XV столетия (1402—1434 годы) мы наблюдаем восемнадцать поездок, осуществленных двенадцатью князьями.

По одной поездке совершили Василий I Дмитриевич Московский (1412 год — ездил ко двору Джелаль-ад-Дина), ярославский князь Иван Васильевич (Большой) (1412 год — сопровождал Василия I Дмитриевича), Федор Олегович Рязанский (1402 год — за ярлыком на Великое Рязанское княжение), Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галицкий (1431—1432 годы — за ярлыком на Великое Владимирское княжество, который не получил), Юрий Святославич Смоленский (1406—1407 годы — бежал в Орду).

Дважды в ставке хана побывали Василий II Васильевич (в том числе в плену в 1445 году), Василий Михайлович Кашинский, Иван Борисович Нижегородский (и еще дважды в XIV веке — всего четыре раза), Иван Владимирович Пронский, Иван Михайлович Тверской (и один раз в XIV веке — всего три раза), Юрий Всеволодович (в 1407—1408 и 1408 годах за ярлыком на Тверское княжество — безуспешно).

Трижды зафиксировано пребывание в степи Даниила Борисовича Нижегородского.

Дольше всех — пять лет — при ордынском дворе провел Василий I Дмитриевич Московский. Совершив всего четыре поездки, из них только одну в XV столетии, он большую часть своего пребывания в Орде провел в статусе заложника — три с половиной года. При этом от времени жизни (53 года) это составило чуть больше 9 процентов, от времени княжения — около 14,5 процента.

В процентном отношении больше всего времени провели при ордынском дворе нижегородские князья Иван и Даниил Борисовичи. Первый, четырежды побывав в ставке хана, провел в Орде около 50 процентов времени своего княжения. Второй, будучи в степи трижды, — около 25 процентов. Судьбы князей Борисовичей ярко продемонстрировали, что ордынская власть уже не может влиять на политические процессы внутри Руси.

Еще яснее проявилось нежелание русских князей считаться с волей хана в споре московского князя Василия и его дяди Юрия Звенигородского. Избрав хана в качестве арбитра, оба тем не менее не сочли нужным исполнять его решения. Лишь пленение московского князя в 1445 году на какое-то время оживило претензии хана Улуг-Мухаммеда на главенство над Русью, но в тот же год ордынский властитель умер, и все его военные успехи пошли прахом.

В первой половине XV века в Московском княжестве начинают появляться служилые Чингизиды. Как отметил А. В. Беляков, «статус любого Чингизида в то время был значительно выше Рюриковичей». Именно поэтому «русские князья не могли отказать таким Чингизидам, тем более что любой из “казакующих” царевичей со временем мог стать ханом»⁸⁰⁸. Вероятно, именно такой случай мы наблюдаем в 1407–1408 годах, когда, как отмечают арабские авторы, на Руси укрылись потерпевшие поражение от Идигу (Едигея) сыновья Токтамыша Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди⁸⁰⁹. Обвинение в укрывательстве детей Токтамыша содержится и в Послании Едигея Василию I⁸¹⁰. В памятниках XVII века оба царевича обозначаются как люди, служившие великому князю Московскому⁸¹¹. Как отмечено выше,

Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди один за другим стали ханами в 1411–1412 годах.

В источниках сохранились указания не только на завершение практики регулярных поездок князей в ставку хана, но на прекращение выплат дани в Орду именно при Василии II. В частности, в одном из поздних родословцев говорится: «От великово ж князя Василия Васльевича не начаша Рустии великие князи ходити к царем в Орду и дани и выход не начаша давати по пророчеству двоих святителей, пресвятейшего Ионы, митрополита всея Росии и Ионы, архиепископа Великого Новаграда»⁸¹².

В ходе монголо-татарского завоевания в первой половине XIII столетия было прервано мирное развитие русских княжеств. Многие представители русской знати погибли в сражениях, а те, что уцелели в ходе войн, были позже уничтожены, проданы в рабство, и только малая их часть оказались включены в состав элиты Джучиева Улуса, что тоже не гарантировало сохранение жизни. За период ордынского владычества по решению ханского суда было казнено 14 русских князей.

Русские князья вынуждены были признать власть монгольского кагана (позже — ордынского хана). Покоренные русские земли попали в полную и во всех отношениях зависимость от Орды — они не имели права самостоятельно собирать налоги, принимать решения, как административные (в русских княжествах появились особые ордынские чиновники — численники, баскаки, даруги), так и военные; высшая судебная власть также принадлежала кагану (хану).

Система зависимости Руси от Орды представляла собой особую форму, в полной мере не находящую соответствия в иных видах подчинения. Именно поэтому для обозначения ее, а также всего периода подчинения русских княжеств Джучиеву Улусу следует употреблять устоявшийся в историографии термин «иго» (от *лат.* *jugum*), который в прямом латинском значении «воротца из двух вертикальных копий, воткнутых в землю, и одного горизонтального, под которым римляне заставляли пройти побежденных в знак их покорности»⁸¹³. Этот термин позволяет в полной мере учитывать все

формы подвластности и динамику их изменений в течение времени зависимости Руси от Орды.

Ордынское иго — как система зависимых отношений — не было статичным. Взяв за критерий изменение степени суверенитета и юрисдикции ордынского хана в отношении русских княжеств, можно выделить семь периодов:

1223—1242 годы — время завоевания;

1242—1245 годы — оформление зависимости (условно — вассально-ленный период);

1245—1263 годы — период максимального проявления всех признаков зависимости от центрального правительства Монгольской империи (условно — имперский период);

1263—1290—1310-е годы — период широкого участия в делах русских княжеств ордынских чиновников — баскаков (условно — баскаческий период);

1290—1310-е — 1389 годы — время сокращения деятельности баскаков и усиления княжеской власти (условно — министриальный период);

1389—1434 годы — период перехода утверждения княжений в сферу полномочий князей (передача по наследству) (условно — переходный период);

1434—1480 годы — время, когда основным и единственным признаком зависимости остается выплата ордынской дани — «выхода» (условно — даннический период).

Максимальную степень зависимости мы наблюдаем в 1245—1263 годах, минимальную — в 1434—1480 годах.

Ордынская элита в XIII — первой трети XV века представляла собой сложную структуру. Верхнюю ступень занимали представители рода Чингизхана — точнее, его старшего сына Джучи. Они имели первое и исключительное право на наследование государственной власти в пределах Джучиева Улуса. Привилегиями высокого уровня наделялись эмиры-нечингизиды, находившиеся в родстве с правящим домом по женской линии. Близкое к ним положение занимали гвардейцы хана. Эти слои элиты составляли самый высший слой ордынской правящей аристократии.

Следующую по значению ступень на иерархической лестнице ордынского общества занимала служилая знать: еке нойоны (великие эмиры) и нойоны (эмиры) — владельцы

улусов-туменов и улусов-тысяч, чье положение напрямую зависело от пожалований великого хана. Обязанности несения военной и административной службы позволяли отдельным представителям служилой знати продвигаться вверх по социальной лестнице, и вполне закономерно, что она была источником для воспроизводства высшего слоя аристократии, а ее резервом, в свою очередь, были сотники и десятичники.

Таким образом, элитарное сообщество Орды следует ограничить теми лицами, которые получали назначения на управленческие должности лично от хана. К их числу необходимо отнести и большинство представителей национальной аристократии завоеванных стран — например, русских княжеств.

Принадлежность к знати ордынского государства четко определяло наличие внешних атрибутов: зависимому владельцу выдавался ярлык, который подтверждал ханское пожалование, выраженное в преподнесении колчана, меча/сабли, головного убора, халата/кафтана, пояса.

Ордынская аристократия, организованная в аппарат власти, выполняла функцию господствующего слоя, господствующего класса, который определял политику государства, формировал культурное поле в обществе, осуществлял социально-политическое представительство, основанное на сакральности и авторитетности, которая, в свою очередь, основывалась на родовитости и служебном продвижении.

Военное поражение, понесенное русскими княжествами во время вторжения монголо-татар в 1237–1241 годах, привело к необходимости оформления отношений (в соответствии с иерархией) с каанами Монгольской империи и ханами Джучиева Улуса (Золотой Орды).

Признавая власть ордынского хана, русские князья соглашались с нормами монгольской политической культуры. Получая ярлыки на свои княжества, выплачивая дань и участвуя в военных акциях ордынских ханов, русская знать оказалась включена в систему взаимодействий элиты Джучиева Улуса на правах улусных владельцев (темников и тысячников). Это означало включение их в состав правящего слоя Орды. Большинство политических вопросов отныне решались при дворе

ордынского хана. Поэтому посещения, а порой долговременное нахождение русских князей в ставке степного правителя на протяжении длительного периода были неизбежны.

Эти обстоятельства обусловили пребывание при ордынском дворе в течение двухсот с небольшим лет (с 1242 по 1445 год) 108 князей и трех княгинь, которые в общей сложности совершили 266 поездок в Орду. Таким образом, в среднем каждый из этих князей совершил за свою жизнь 2,5 поездки.

Подавляющее большинство поездок ко двору ордынского хана совершили великие князья либо ближайšie претенденты на великокняжеский титул, то есть те русские правители, от которых зависели пути развития княжеств и Руси в целом. Это наводит на мысль о том, что именно в столице Орды решались все важные вопросы и в конечном счете судьбы великих княжеств. Лишь с началом XV века, с ослаблением центральной ханской власти, опасные дальние путешествия теряют смысл, и русские князья перестают их совершать.

Среднее время, которое уходило на дорогу в Орду и пребывание в ставке хана, составляло около полугода (поездка же в столицу Монгольской империи в 1220—1260 годах Каракорум и обратно занимала до полутора лет).

Больше всех времени в Орде провели князья Нижегородско-Суздальского дома — Василий Дмитриевич Кирдяпа и его брат Семен Дмитриевич — 7 и 9,25 лет соответственно.

Из великих князей самое длительное пребывание зафиксировано у Ивана Даниловича (Калиты) — более пяти лет. Он совершил восемь поездок. Столько же поездок в ставку ордынского хана на счету Бориса Васильковича Ростовского и Симеона Ивановича Московского (Гордого). По семь раз в Орду ездили Андрей Александрович Городецкий и Иван Иванович Красный.

Довольно длительное пребывание в ставке хана — 4,5 года — отмечено у Александра Невского. Он ездил в Орду шесть раз и провел там 10,5 процента своей жизни — это больше, чем другие русские князья.

Наиболее значительная доля пребывания при ордынском дворе отмечается у нижегородских князей Ивана и Дании-

ла Борисовичей. Первый, четырежды побывав в ставке хана, провел в Орде до половины времени своего княжения. Второй потратил около четверти времени своего правления на три поездки в степь и обратно.

Своеобразный рекордсмен по пребыванию при ордынском престоле в статусе великого князя — Святослав Всеволодович, который, пытаясь сохранить за собой владимирский стол, пробыл в ханской ставке половину своего великокняжеского правления. Дмитрий Михайлович Тверской и его отец Михаил Ярославич Тверской провели в Орде соответственно 37,5 и 31 процент времени княжения.

В XIV веке мы наблюдаем, с одной стороны, ситуацию, когда князья подолгу находятся в Орде (в заложниках или изгнании), а с другой — есть немало князей, которые при частых поездках в степь проводят там небольшие временные отрезки. В период «великой замятни», особенно в 1360—1370-е годы, количество посещений Орды князьями резко уменьшается — вместо себя они предпочитают отправлять туда послов.

Наибольшее количество поездок в Орду русских князей фиксируется в 1330—1340 годах — последние годы правления хана Узбека и первые годы пребывания на престоле Джанибека.

Став частью элиты Джучиева Улуса, русские князья составили довольно представительную ее долю: 106 князей — 8 процентов от общей численности зафиксированных представителей элиты Орды в XIII — первой половине XV века; если же взять только служилую знать, то доля увеличится до 20—25 процентов. Однако говорить о слиянии русской знати с аристократией Орды нельзя. Это наглядно демонстрирует фиксация только шести браков со знатными ордынками (из них источники сохранили не крестильное имя только Кончаки (Агафы) — сестры Узбека). Если сравнить с количеством браков с половчанками, то за меньший временной период их зафиксировано десять⁸¹⁴ — почти в два раза больше. Показательно, что русские князья предпочитали не отдавать своих дочерей замуж за ордынских аристократов. По крайней мере, таких случаев источники не зафиксировали. Впрочем, это вполне закономерно, если учиты-

вать различную конфессиональную принадлежность знати Руси и Орды.

Как бы то ни было, русская высшая знать активно усваивала политическую культуру Орды и являлась относительно влиятельным слоем при дворе хана, с которым, по всей вероятности, трудно было не считаться. В то же время русские князья не могли оказывать определяющее влияние на политику ордынского государства, поскольку хотя и являлись участниками курултая, тем не менее не имели права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде.

- ¹ См., например: *Мельников С. А.* Историко-правовые факторы эволюции Древнерусского государства (IX–XV вв.). С. 161.
- ² См. например: *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. С. 15.
- ³ *Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского. С. 357; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников. С. 27, 36–39; *Бегунов Ю. К.* Памятники русской литературы XIII в.: «Слово о погибели русской земли». С. 20; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития как исторический источник. С. 70; *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция и Жития Александра Невского. С. 52; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 108–141; *Дмитриев Л. А.* Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 413, 414; *Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций повести о Михаиле Черниговском. С. 23; *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском. С. 18, 24, 25; *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. С. 281; *Лихачева О. П.* Летопись Ипатьевская. С. 239, 240.
- ⁴ См. подробнее: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 180.
- ⁵ *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 34.
- ⁷ «В лето 1243 великий князь Ярослав поеха в Татары... Батый же почти Ярослава Великою честью... и отпусти и рече ему: Ярославе буде ты старей всех князей в Русском языке»; «В лето !244

- князь Володимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович... поехала в Татары... Батый же почтив ю чстью достойною и отпустив ю... и приехал с чстью на свою землю»; «в лето 1252 иде Александр князь Новгородский Ярославич в Татары и отпустиша и с чстью великою даша ему старейшинство во всей братье его». — ПСРЛ. Т. I. Стб. 470, 473. Практически такую же характеристику ордынской чести дает «Житие Александра Невского»: в ставке Батыея Александра хан «почьстив же и чстно, отпусти и». — Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. С. 366.
- ⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 78.
- ⁹ *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. С. 48.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 81.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 482; Т. XVIII. С. 81.
- ¹² Галицко-Волынская летопись. С. 256.
- ¹³ *Лихачева О. П.* Летопись Ипатьевская. С. 235–241; БЛДР. Т. 5. С. 484.
- ¹⁴ Галицко-Волынская летопись. С. 306.
- ¹⁵ Там же. С. 322, 324.
- ¹⁶ Там же. С. 320.
- ¹⁷ Там же. С. 366.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 156.
- ²¹ Подробнее см.: *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батыея и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 46, 47; *Селезнёв Ю. В.* Опыт герменевтического анализа «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора». С. 140–143.
- ²² *Кучкин В. А.* Поучения Серапиона, епископа Владимирского. С. 150, 151.
- ²³ Слова и Поучения Серапиона Владимирского. С. 374, 376, 380.
- ²⁴ Там же. С. 119.
- ²⁵ *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 4.
- ²⁶ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...». С. 135, 136.
- ²⁷ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 30.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

- ²⁹ Там же. Стб. 471, 472.
- ³⁰ Там же. Стб. 474.
- ³¹ Там же. Стб. 473.
- ³² Там же. Стб. 476.
- ³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 765.
- ³⁴ Там же. Стб. 807.
- ³⁵ *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С. 11.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 33.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 151.
- ³⁸ Там же. С. 75.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 78.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 482.
- ⁴¹ Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. С. 366.
- ⁴² *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 108–141; *Дмитриев Л. А.* Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 413–414; *Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций повести о Михаиле Черниговском. С. 23; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников. С. 27.
- ⁴³ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 156.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 483.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 83.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 871.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 48, 49.
- ⁴⁸ ДДГ. № 1. С. 8.
- ⁴⁹ ДДГ. № 4. С. 15.
- ⁵⁰ ДДГ. № 6. С. 22; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей... С. 338.
- ⁵¹ ДДГ. № 10. С. 29; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей... С. 344.
- ⁵² ДДГ. № 15. С. 41; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей... С. 346.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 126; Т. 15. Вып. 1. Стб. 132 («...рождается в лето 6839, в царство царя Андроника Цареградского, а патриарх был тогда в Цареграде Калист, а в Орде был тогда царь Азбьяк в Сарай, а на Руси во княжение великого князя Ивана Даниловича Калиты, а митрополитом был тогда на Руси Феогност»).

- ⁵⁴ Святитель Стефан Пермский. С. 208–210; Древнерусские предания. С. 187.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 213.
- ⁵⁶ ДДГ. № 38. С. 108, 111, 113, 116.
- ⁵⁷ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI вв. № 19. С. 125.
- ⁵⁸ См., например: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI вв. № 36, № 37. С. 165, 166.
- ⁵⁹ Послание митрополита Геронтия... С. 276.
- ⁶⁰ Там же. С. 530, 532.
- ⁶¹ Там же. С. 530.
- ⁶² ДДГ. № 59. С. 187.
- ⁶³ *Жданова Т. В.* Статус князей... С. 165–182.
- ⁶⁴ *Жданова Т. В.* Особенности и характер сообщений о смерти ордынских правителей... С. 39–40.
- ⁶⁵ Там же. С. 745.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 31.
- ⁶⁷ Там же. С. 32.
- ⁶⁸ Там же. С. 33.
- ⁶⁹ Там же. С. 36.
- ⁷⁰ Там же. С. 69.
- ⁷¹ *Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды. С. 48.
- ⁷² Галицко-Волынская летопись. С. 306.
- ⁷³ *Лурье Я. С.* Летописец Рогожский. С. 22.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 328.
- ⁷⁵ *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. С. 55.
- ⁷⁶ Там же. С. 141.
- ⁷⁷ Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* «А переменит Бог Орду... С. 105–108.
- ⁷⁸ Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Земля за Игнач-крестом. С. 32–34; *он же.* Новгородская земля в системе ордынской государственности. С. 58–61.
- ⁷⁹ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»; *Селезнёв Ю. В.* К вопросу об изменениях в титуловании ордынских ханов... С. 293–298.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. С. 524.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 94.
- ⁸² ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 31.
- ⁸³ Там же. С. 36.
- ⁸⁴ Там же. С. 403.

- 85 Краткая энциклопедия православия. С. 276.
- 86 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 31.
- 87 Там же. С. 32.
- 88 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 87, 88.
- 89 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 54.
- 90 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 100.
- 91 ПСРЛ. Т. XXV. С. 180.
- 92 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 403.
- 93 *Жданова Т. В.* Особенности и характер сообщений о смерти ордынских правителей... С. 39, 40.
- 94 *Жданова Т. В.* Особенности и характер сообщений о смерти иноземных правителей... С. 88.
- 95 *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников. С. 43.
- 96 ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.
- 97 Там же. Стб. 470.
- 98 Там же. Стб. 470, 471.
- 99 Там же. Стб. 471.
- 100 Там же. Стб. 471.
- 101 Там же. Стб. 472.
- 102 Там же. Стб. 472.
- 103 Там же. Стб. 473.
- 104 Там же. Стб. 474.
- 105 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 75.
- 106 *Бегунов Ю. К.* Памятники русской литературы XIII в.: «Слово о погибели русской земли». С. 61.
- 107 *Лурье Я. С.* Летопись Симеоновская. С. 56, 57.
- 108 *Лурье Я. С.* Летописец Рогожский. С. 22, 23.
- 109 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86.
- 110 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 45.
- 111 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47; Т. XVIII. С. 92.
- 112 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 92.
- 113 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 48.
- 114 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 92.
- 115 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 51; Т. XVIII. С. 92.
- 116 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 58.
- 117 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 56; Т. XVIII. С. 95.
- 118 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 58.
- 119 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 96.
- 120 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 59; Т. XVIII. С. 97.

- 121 Колесов В. В. Слово и дело. С. 508.
- 122 Там же. С. 515.
- 123 Там же. С. 508.
- 124 Лотман Ю. М. Еще раз о понятиях «слава» и «честь»... С. 469.
- 125 Стефанович П. С. Древнерусское понятие чести... С. 86, 87.
- 126 Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 160.
- 127 Там же. С. 160.
- 128 Там же. С. 123.
- 129 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 25.
- 130 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 96.
- 131 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 76.
- 132 Никитин А. Н. Улусная система Монгольской империи... С. 17, 18.
- 133 ПСРЛ. Т. XXV. С. 302, 303.
- 134 Там же. С. 282.
- 135 Там же. С. 297, 298.
- 136 Повесть о стоянии на Угре. С. 514.
- 137 Там же.
- 138 Там же. С. 518.
- 139 Там же.
- 140 Послание митрополита Геронтия... С. 276.
- 141 Там же.
- 142 Лурье Я. С. Вассиан Рыло. С. 124.
- 143 Павлов П. Н. Действительная роль архиепископа Вассиана... С. 201.
- 144 Пресняков А. Е. Иван III на Угре. С. 289.
- 145 Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 882.
- 146 Насонов А. Н. История русского летописания XI — начало XVIII в. С. 320.
- 147 Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 127, 128.
- 148 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V—VIII. Калуга, 1993. С. 234.
- 149 Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 177, 178.
- 150 Горский А. А. Москва и Орда. С. 173.
- 151 Послание на Угру Вассиана Рыло. С. 522.
- 152 Там же. С. 532, 534.
- 153 Там же. С. 530, 532.

- 154 Там же. С. 534.
- 155 Там же. С. 524.
- 156 Там же. С. 528.
- 157 Там же. С. 528, 530.
- 158 Там же. С. 530.
- 159 Там же. С. 532.
- 160 Там же. С. 530.
- 161 *Филлюшкин А. И.* «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. С. 184.
- 162 *Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. С. 23–105.
- 163 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Титулование в русской письменной традиции... С. 195–200.
- 164 *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи. С. 54.
- 165 *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса... С. 29, 257.
- 166 ПСРЛ. Т. XXV. С. 249.
- 167 Показательна запись в Никаноровской летописи: «От цареи тои Золотой Орды начало наша Русския земли: великое княжение принимали... все княжения великих князей, которые ныне в области Московского государства. И те все великие князья... ездили в тои Золотую Орду для всякие sprawy и начальства, и те ордынские цари давали им ярлыки за своими печатями и руками своими подписывали». ПСРЛ. Т. XXVII. С. 162.
- 168 Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. С. 361.
- 169 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 293.
- 170 См., например: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 88, 90; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 331.
- 171 См., например: *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды. С. 159.
- 172 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 141.
- 173 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 373–397; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 145–161; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 9–54; *Миргалиев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. С. 83.

- ¹⁷⁴ Более подробно см.: *Миргалиев И. М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. 88 с.; *Миргалиев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. 164 с.
- ¹⁷⁵ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 202–204; *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 24–33.
- ¹⁷⁶ *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 22, 33; *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 12–15.
- ¹⁷⁷ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 256, 257; *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 15–17; *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). С. 57.
- ¹⁷⁸ *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 30–62; *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 18–20, 22, 23.
- ¹⁷⁹ *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории.
- ¹⁸⁰ *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 20–22.
- ¹⁸¹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 46, 47.
- ¹⁸² *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. С. 492.
- ¹⁸³ См., например: *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. S. 12–14; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 118–168; История татар с древнейших времен. С. 326, 337.
- ¹⁸⁴ *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 120.
- ¹⁸⁵ *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. С. 492.
- ¹⁸⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 21.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁸⁸ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 300.
- ¹⁸⁹ Там же; *Киракос Гандзакец.* История Армении. С. 173; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 103.
- ¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.
- ¹⁹¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. С. 80.
- ¹⁹² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 300.
- ¹⁹³ Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Титулатура русских князей... С. 124–128; *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батыя

и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 12–22.

- 194 *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 122.
- 195 *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 65, 111.
- 196 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 134.
- 197 По М. Г. Сафаргалиеву Орда-Ичен младший в семье (См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 331). В «Сокровенном сказании» Бату назван старшим из Джучидов (Сокровенное сказание монголов. С. 146), однако другие источники старшим сыном Джучи единодушно называют Орду. Р. Ю. Почекаев пришел к выводу, что старше Бату были еще несколько сыновей Джучи (См.: *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. С. 50).
- 198 *Костюков В. П.* Улус Шибана Золотой Орды... С. 86–99.
- 199 А. А. Порсин полагает, что Ногай был назначен на эту должность значительно позже, поскольку не мог занимать ее в силу юного возраста. *Порсин А. А.* Политическая деятельность Ногай в Золотой Орде... С. 92, 162. Однако первоначально должность могла рассматриваться как статусная и служить формой поощрения.
- 200 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 162.
- 201 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 70.
- 202 Там же. С. 117.
- 203 Там же. С. 50; Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Золотая Орда в XIII–XIV вв.: улусная система и административно-территориальное деление. С. 110.
- 204 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 81; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 127.
- 205 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 117.
- 206 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 121.
- 207 Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея. С. 528.
- 208 ПСРЛ. Т. XI. С. 95, 96.

- ²⁰⁹ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 295.
- ²¹⁰ Там же. С. 168.
- ²¹¹ *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 125.
- ²¹² Цит. по: *Эренжен Хара-Даван.* Чингис-хан как полководец... С. 180.
- ²¹³ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 113, 114; Т. II. С. 71, 72.
- ²¹⁴ Там же. Т. I. С. 383.
- ²¹⁵ *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 124.
- ²¹⁶ *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 68.
- ²¹⁷ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 83.
- ²¹⁸ *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 199.
- ²¹⁹ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 83; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 108.
- ²²⁰ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. I. С. 107.
- ²²¹ *Идегей.* С. 14, 15.
- ²²² *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 158–160.
- ²²³ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 300; *Киракос Гандзакец.* История Армении. С. 173; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 103.
- ²²⁴ См. подробнее: *Селезнёв Ю. В.* Титулатура русских князей... С. 124–128; *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 12–22.
- ²²⁵ *Эренжен Хара-Даван.* Чингис-хан как полководец... С. 97.
- ²²⁶ Там же. С. 97.
- ²²⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 302, 304; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // *Арабески истории.* Вып. 3–4. С. 238.
- ²²⁸ *Идегей.* С. 33.
- ²²⁹ Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. С. 45.
- ²³⁰ *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 170.
- ²³¹ Там же. С. 168.

- 232 Там же. С. 173.
- 233 Там же. С. 170.
- 234 ПСРЛ. Т. XXXI. С. 80.
- 235 ПСРЛ. Т. XXV. С. 221.
- 236 ПСРЛ. Т. XII. С. 7.
- 237 *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 229.
- 238 Ср.: *Козин Н. А.* Сокровенное сказание. С. 170, 171 («дневная стража»; «ночная стража»), С. 173 («дверник»); Идегей. С. 35, 36 («страж Ангысын»; «страж Тангысын»).
- 239 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 390.
- 240 Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. С. 70, 71.
- 241 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 104.
- 242 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 129, 130.
- 243 Там же. С. 132, 133.
- 244 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 361, 362.
- 245 Там же. С. 361.
- 246 Показательны в этом плане княжеские съезды, проходившие под эгидой верховной ордынской власти. Как правило, в них принимали участие представители одного рода.
- 247 *Киракос Гандзакец.* История Армении. С. 195; см. также: *Цулая Г. В.* Анонимный грузинский «Хронограф»... С. 201.
- 248 Там же. С. 164, 165.
- 249 *Мирзалиев И. М.* Проблема престолонаследия... С. 348; *Селезнёв Ю. В.* Наследование власти в Орде в середине XIV столетия на примере жизни хана Джанибека... С. 6–9.
- 250 *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 68.
- 251 Там же. С. 68–74.
- 252 Там же. С. 104.
- 253 Там же. С. 106.
- 254 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 263, 264.
- 255 Там же. С. 263–264.
- 256 Там же. С. 264.
- 257 Там же.
- 258 Там же.

- 259 Там же. С. 263.
- 260 *Хафиз Абру*. С. 191.
- 261 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 388, 389.
- 262 Там же. С. 447, 448.
- 263 *Грачев А. И.* Поход хана Джанибека... С. 47–58.
- 264 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 101–103.
- 265 Там же. С. 128, 129.
- 266 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 66.
- 267 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 129.
- 268 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 66.
- 269 Там же. С. 66.
- 270 *Трепаев В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 108.
- 271 Цит. по: *Эренжен Хара-Даван*. Чингис-хан как полководец... С. 98.
- 272 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 186.
- 273 *Идегей*. С. 80.
- 274 Там же. С. 177.
- 275 *Эренжен Хара-Даван*. Чингис-хан как полководец... С. 100.
- 276 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 66.
- 277 *Эренжен Хара-Даван*. Чингис-хан как полководец... С. 97.
- 278 Там же. С. 98, 99.
- 279 Там же. С. 99, 100.
- 280 Там же. С. 100.
- 281 Там же... *Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни*. Чингиз-хан. С. 24.
- 282 *Эренжен Хара-Даван*. Чингис-хан как полководец... Там же. С. 100.
- 283 Там же. С. 183.
- 284 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 109.
- 285 *Житие Михаила Ярославича Тверского*. С. 78; ПСРЛ. Т. X. С. 183; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 38.
- 286 ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 406, 407; Т. XI. С. 211.
- 287 *Новгородская первая летопись*... С. 89.
- 288 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 521, 522.
- 289 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 41.

- 290 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 458.
- 291 Там же. С. 110.
- 292 Там же. С. 116.
- 293 ПСРЛ. Т. XI—XII. С. 207; Т. XV. Вып. 1. Стб. 48.
- 294 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 109.
- 295 Там же. С. 110, 111.
- 296 *Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов. С. 58.
- 297 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 80.
- 298 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 98, 99, 189, 431.
- 299 Там же. С. 119, 196.
- 300 Там же. С. 324, 515, 516.
- 301 Там же. С. 452.
- 302 Там же. С. 325, 437.
- 303 Там же. С. 326, 438, 519.
- 304 ПСРЛ. Т. XI. С. 211; Т. XV. Стб. 51.
- 305 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. С. 134; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 79.
- 306 ПСРЛ. Т. X. С. 194; Т. XXV. С. 168.
- 307 См., например: *Козин С. А.* Сокровенное сказание.
- 308 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 175.
- 309 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 386—393.
- 310 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 171.
- 311 Памятники русского права. С. 465.
- 312 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 171, 175.
- 313 Католический миссионер Иоганка, пребывавший около 1320-х годов в Башкирии, отмечал, что главу улуса «с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением» (*Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров... С. 92).
- 314 Составившие оппозицию Узбеку эмиры Кутлуг-Тимур (эмир Сарая), Таз и Тунгуз заявили хану: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего

- исповедания и каким образом мы покинем закон и устав Чингизхана и перейдем в веру арабов» (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. 141). Их движение было жестоко подавлено, а эмиры казнены (Там же. Т. I. С. 323).
- 315 История татар с древнейших времен. С. 607.
- 316 Обзор исследовательской литературы, в том числе отличные точки зрения, см.: История татар с древнейших времен. С. 599–601.
- 317 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 307.
- 318 Там же. С. 309–311.
- 319 *Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды. С. 24–226.
- 320 История татар с древнейших времен. С. 591. См. также: *Давлетшин Г. М.* Мусульманское богословие в Золотой Орде (исторический аспект) // Золотоордынская цивилизация. Вып 2. С. 27–38.
- 321 *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 103.
- 322 *Васильев Д. В.* Ислам в Золотой Орде. С. 113.
- 323 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 367.
- 324 ПСРЛ. Т. X. С. 182, 183.
- 325 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. С. 476.
- 326 *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 111.
- 327 *Васильев Л. С.* История Востока. С. 189.
- 328 *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет. С. 179.
- 329 *Дройзен И.* История эллинизма. С. 68, 78.
- 330 О роли в истории Орды клановой структуры подробнее см.: *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 140–168.
- 331 *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 74.
- 332 *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. С. 138.
- 333 Там же. С. 138.
- 334 ПСРЛ. Т. III. С. 88, 319; Т. VI. Вып. 1. С. 348; Т. XX. С. 166.
- 335 ПСРЛ. Т. XII. С. 15; Т. XXV. С. 249.
- 336 ГВНП. С. 57.

- 337 Подробнее см.: *Кушкумбаев А. К.* Институт облавных охот... С. 47–80.
- 338 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 323.
- 339 *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча. С. 36.
- 340 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 176.
- 341 *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 173.
- 342 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 296.
- 343 *Трепавлов В. В.* Бий Мангытов... С. 356, 367.
- 344 *Васильев Л. С.* История Востока. С. 82.
- 345 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 158–168.
- 346 Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 172, 173.
- 347 История татар с древнейших времен. С. 869.
- 348 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 124.
- 349 *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды... С. 163, 164.
- 350 Подробнее см.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды... С. 27–47.
- 351 Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. С. 45, 91.
- 352 Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 47.
- 353 *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. С. 492.
- 354 Цит. по: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... С. 94.
- 355 *Хара-Даван Э.* Чингиз-хан как полководец... С. 144.
- 356 *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». С. 224–230; *он же.* Общественный строй Золотой Орды. С. 141–144; История татар с древнейших времен. С. 188–194.
- 357 Византийские историки... С. 143.
- 358 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 86.
- 359 Византийские историки... С. 316–320.
- 360 ПСРЛ. Т. II. Стб. 236.
- 361 Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. С. 70.
- 362 ПСРЛ. Т. II. Стб. 236–426.
- 363 *Добролюбский А. Ю., Русеев Н. Д.* Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X–XIV вв. С. 177–184.

- 364 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 121.
- 365 Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 89, 90; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 63; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса... С. 61, 68.
- 366 История татар с древнейших времен. С. 436–448.
- 367 Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 89, 90.
- 368 ПСРЛ. Т. XI. С. 95, 96.
- 369 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 171.
- 370 Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 117.
- 371 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 68–90.
- 372 Книга Большому чертежу. С. 88.
- 373 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 68.
- 374 Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 117.
- 375 См., например: *Амелькин А. О.* Границы государств в Подонье... С. 88; *Загоровский В. П.* Воронежская историческая энциклопедия. С. 234, 235.
- 376 *Введенский С. Н.* Червлёный Яр. С. 347–380.
- 377 *Шенников А. А.* Червлёный Яр. С. 15.
- 378 *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды... С. 27–47.
- 379 *Цыбин М. В.* Древнерусско-половецкое пограничье... С. 121–124; *он же.* Юго-восток русских земель... С. 142–144.
- 380 *Цыбин М. В.* [Рецензия]. С. 286.
- 381 Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. С. 3; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси... С. 340.
- 382 ПСРЛ. Т. XI. С. 194.
- 383 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Титулатура русских князей... С. 124–128; *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 12–22.
- 384 ПСРЛ. Т. XI. С. 232–234; Т. XV: Тверской сборник. С. 70, 71.
- 385 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. С. 71, 72.
- 386 ПСРЛ. Т. XI. С. 232–234; Т. XV: Тверской сборник. С. 73.
- 387 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 125.

- 388 *Цыбин М. В.* Древнерусско-половецкое пограничье... С. 123, 124.
- 389 *Левашова В. П.* Золотоордынские памятники в Воронежской области; *Цыбин М. В.* Золотоордынские мавзолеи... С. 24; *он же.* К изучению русско-золотоордынского пограничья... С. 315–319; *он же.* Меж Русью и Ордой... С. 89–91.
- 390 Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. С. 465–469. Тарханные ярлыки Тохтамыш-ша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея. С. 528.
- 391 Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. С. 465, 467. *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса... С. 240.
- 392 ПСРЛ. Т. XI. С. 194.
- 393 Материалы по истории Казахских ханств... С. 36.
- 394 Материалы по истории Казахских ханств... С. 40; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 63.
- 395 Материалы по истории Казахских ханств... С. 40; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 61.
- 396 ПСРЛ. Т. XI. С. 238; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 199.
- 397 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 214.
- 398 ПСРЛ. Т. XI. С. 193, 194.
- 399 История татар с древнейших времен. С. 477–482.
- 400 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 219.
- 401 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 70, 71.
- 402 ПСРЛ. Т. XI. С. 233, 234.
- 403 ПСРЛ. Т. XII. С. 9; История татар с древнейших времен. С. 448–470.
- 404 Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. С. 70.
- 405 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 389.
- 406 *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. 1960. С. 267.
- 407 Там же. С. 41.
- 408 Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. С. 50.
- 409 Материалы по истории Казахских ханств... С. 55.
- 410 Там же. С. 515.

- 411 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. 1960. С. 219.
- 412 Ермак Тимофеевич. С. 63.
- 413 Подробнее см.: Селезнёв Ю. В. Титулование в русской письменной традиции... С. 195–200.
- 414 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 117..
- 415 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. 1960. С. 230.
- 416 Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров... С.92.
- 417 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 48.
- 418 История татар с древнейших времен. С.482–485.
- 419 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 81.
- 420 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 127.
- 421 Токарев С. А. Этнография народов СССР. С. 371.
- 422 Материалы по истории Казахских ханств... С. 223; 553; 288, 542.
- 423 Токарев С. А. Этнография народов СССР. С. 371.
- 424 Материалы по истории Казахских ханств... С. 126.
- 425 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. С.131.
- 426 Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни. Чингиз-хан. С. 357.
- 427 Гончаров Е. Ю. Джендский улус Золотой Орды в XIII в. С. 160–162.
- 428 Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд... С. 144.
- 429 Материалы по истории Казахских ханств... С. 101.
- 430 Юрченко А. Г. Хан Узбек... С. 93.
- 431 Иванов В. А. Социальный мир Золотой Орды... С. 19.
- 432 Там же. С. 22.
- 433 Там же.
- 434 Там же.
- 435 Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 119.
- 436 Allsen T. Commodity and exchange in the Mongol empire... С. 102–104; Крадин Н. Н. Империя Чингисхана в новых западных исследованиях. С. 18.
- 437 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 25.
- 438 Хафиз Абру. С. 68, 145.
- 439 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 165.
- 440 Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 152, 196.

- 441 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 166.
- 442 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 5. С. 44.
- 443 ПСРЛ. Т. XII. С. 15; Т. XXV. С. 249.
- 444 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 166.
- 445 ПСРЛ. Т. I. Стб. 421, 422.
- 446 *Иванов В. А.* Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах. С. 22.
- 447 ДДГ. № 4. С. 18.
- 448 Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 357.
- 449 *Кучкин В. А.* Завещания московских князей XIV в. С. 106; ДДГ. № 1. С. 8.
- 450 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 19.
- 451 Там же. С. 119.
- 452 Там же. С. 132.
- 453 *Парето В.* Компендиум по общей социологии. С. 61.
- 454 В том числе именно поэтому в регионах Джучиева Улуса наблюдаются различия в наборе погребального инвентаря, который может быть связан не только с «элитностью» или «престижностью», но и с этническими особенностями подданных хана, устоявшимися в данных регионах погребальными традициями и другими факторами, «вытесняющими» вещевой набор ордынской империи. Эти факты еще не доказывают отсутствие в Орде специфического набора вещей, выделяющих в социуме людей, обладающих особыми управленческими функциями и соответствующим статусом. Полемику см.: *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности... С. 172, 174, 175.
- 455 *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. С. 30; *Васильев Д. В.* Ислам в Золотой Орде. С. 113.
- 456 *Васильев Д. В.* Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. С. 147.
- 457 *Славко Т. И.* Математические методы в исторических исследованиях.
- 458 О термине см.: *Селезнёв Ю. В.* Происхождение понятия «монголо-татарское иго».
- 459 ПСРЛ. Т. III. С. 297.
- 460 *Хрусталёв Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига». С. 262.
- 461 Там же. С. 262, 263.
- 462 ПСРЛ. Т. IV: Новгородские и Псковские летописи. С. 37.

- 463 См., например: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 96.
- 464 ПСРЛ. Т. I. Вып. 2, 3. С. 473.
- 465 *Хрусталёв Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига». С. 263.
- 466 ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.
- 467 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 256, 257
- 468 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 136.
- 469 Там же. С. 137.
- 470 *Хрусталёв Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига». С. 264.
- 471 Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 156.
- 472 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 218; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 85.
- 473 Подробнее см.: *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 12–22.
- 474 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 75.
- 475 Подробнее см.: *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского... С. 138–154.
- 476 См., например: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 31, 32; *он же.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 96, 97; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 138.
- 477 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 77.
- 478 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 139.
- 479 ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.
- 480 Там же. Стб. 471.
- 481 Там же. Стб. 471.
- 482 Там же. Стб. 472.
- 483 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 140; см. также: *Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда. С. 48.
- 484 *Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда. С. 50; *он же.* Александр Невский и Чингизиды. С. 52.

- 485 Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского. С. 71, 72.
- 486 См.: Соколов Р. А. Александр Невский: панорама новейших мнений. С. 267–269.
- 487 Насонов А. Н. Монголы и Русь // Арабески истории. С. 97.
- 488 Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 145.
- 489 Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 141, 142.
- 490 См.: Соколов Р. А. Александр Невский: панорама новейших мнений. С. 267–269.
- 491 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III, IV. М., 1993. С. 195.
- 492 Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 140
- 493 Там же.
- 494 Там же. С. 142.
- 495 Там же. С. 145.
- 496 Там же. С. 145.
- 497 Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец... С. 28.
- 498 Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. С. 40; Соловьев С. М. История России. М., 1960. Т. 3. С. 157.
- 499 Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти... С. 46.
- 500 Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец... С. 28.
- 501 Там же. С. 28, 33.
- 502 ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.
- 503 Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец... С. 28.
- 504 Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского. С. 71, 72; он же. «Всего еси исполнена земля русская». С. 59, 60.
- 505 ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.
- 506 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 128; Р. Ю. Почекаев полагает, что ярлыки на владения братьям Ярославичам выдал еще Гуюк (Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. С. 226). Однако великий каан скончался в 1248 году, возглавляя империю «около года» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II.). Андрей и Александр ездили в Каракорум,

когда делами государства управляла вдова Гуюка Огул-Каймиш.

- 507 *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 132.
- 508 Подробнее см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 54.
- 509 *Киракос Гандзакецц*. История Армении. С. 222.
- 510 *Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. С. 47.
- 511 ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 473; Т. IV. Ч. 1. С. 228; Т. VIII. С. 160; Т. XI. С. 139; Т. XV. Стб. 397; Т. XVI. Стб. 52; Т. XVIII. С. 70; Т. XX. Ч. 1. С. 163; Т. XXIII. С. 84; Т. XXV. С. 142; Т. XLIII. С. 94.
- 512 ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.
- 513 *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв. С. 29; *Ставиский В. И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды... С. 95; *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. С. 190, 191.
- 514 Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. С. 366.
- 515 Там же.
- 516 Ср.: *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском. С. 23; подробнее см.: *Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батгья и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. С. 40, 41.
- 517 ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.
- 518 ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 327–328; Т. XXV. С. 141, 142.
- 519 ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 328.
- 520 ПСРЛ. Т. XXV. С. 142.
- 521 ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 327; Т. XXV. С. 141.
- 522 ПСРЛ. Т. X. С. 138.
- 523 Там же. С. 138, 139.
- 524 Новгородская первая летопись... С. 305.
- 525 ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.
- 526 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 153.
- 527 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. С. 87.
- 528 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 157.
- 529 Там же. С. 159.
- 530 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 220.
- 531 ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

- 532 Там же.
- 533 См., например: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 107–109; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. 157; *он же.* Русь и кочевники. С. 162.
- 534 *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. С. 161.
- 535 *Соколов Р. А.* Александр Невский: панорама новейших мнений. С. 273.
- 536 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 107, 108; *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец... С. 29.
- 537 Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. С. 368.
- 538 *Бегунов Ю. К.* Александр Невский и современность. С. 44; *Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда. С. 59; *он же.* Александр Невский и Чингизиды. С. 55, 56; *Кирпичников А. Н.* Александр Невский: между Западом и Востоком. С. 118; *он же.* Две великих битвы Александра Невского. С. 30; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. С. 198; *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец... С. 29.
- 539 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 163.
- 540 ПСРЛ. Т. XXV. С. 149.
- 541 ГВНП. С. 11.
- 542 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 165.
- 543 ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 243.
- 544 ПСРЛ. Т. X. С. 151, 152.
- 545 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 165.
- 546 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 368–371; ПСРЛ Т. II. Стб. 872, 873; Т. VII. С. 172; Т. X. С. 152; Т. XVIII. С. 74, Т. XXV. С. 151.
- 547 ПСРЛ. Т. XXV. С. 152.
- 548 Там же.
- 549 Там же.
- 550 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 123; Подробнее о возвышении Ногай см.: *Селезнёв Ю. В.* Ногай — полководец и политик Золотой Орды. С. 67–70.

- 551 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 78.
- 552 О датировке событий см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 286, 287, 289, 356; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 15, 16.
- 553 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 78.
- 554 Новгородская первая летопись... С. 225, 226; ПСРЛ Т. XVIII. С. 79. См.: *Селезнёв Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII—XV веков. С. 50.
- 555 О статусе Ногай в Орде подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Ногай — полководец и политик Золотой Орды. С. 70—75.
- 556 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 14, 15.
- 557 ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Стб. 246; Т. 1. Стб. 526.
- 558 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 72, 73; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 22, 29, 49—52, 69, 86, 91, 100, 211.
- 559 *Кучкин В. А.* Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского. С. 7—39.
- 560 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 82.
- 561 ПСРЛ. Т. XXV. С. 157.
- 562 *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 170.
- 563 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Стб. 79.
- 564 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 75.
- 565 Новгородская первая летопись... С. 323.
- 566 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду. С. 31—36.
- 567 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53.
- 568 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 95—97; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 433.
- 569 Новгородская первая летопись... С. 324, 326—328; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 483, 484, 486; Вып. 3. Стб. 525—528; Т. III. С. 324, 327; Т. IV. С. 44; Т. IV. Ч. 1. С. 244—246, 248, 249; Т. V. С. 199, 201; Т. VI. Вып. 1. Стб. 357, 358, 360, 362—364, 367; Т. VII. С. 173, 175, 176, 178—181, 183; Т. X. С. 153, 154, 155, 159—161, 167, 169, 171, 174; Т. XV. Вып. 1. Стб. 34, 35; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 404, 406, 407; Т. 16. Стб. 55, 56; Т. XVIII. С. 75, 78, 82, 83; Т. XX. С. 168—173; Т. XXIII. С. 90—94, 96; Т. XXIV. С. 101, 102, 105, 106; Т. XXV. С. 152—154, 157; Т. XXVI. С. 94—96; Т. XXX. С. 96—99; Т. XXXIII. С. 71, 75, 76; Т. XXXVII. С. 71, 165; Т. XLIII. С. 101, 103.

- 570 См., например: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 26.
- 571 Там же.
- 572 ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 364; Т. XVIII. С. 83; Т. XX. С. 171, 172; Т. XXX. С. 99; Т. XXIII. С. 94; Подробнее см.: *Астайкин А. А.* Летописи о монгольских вторжениях на Русь. С. 483; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 170; *он же.* Свержение монголо-татарского ига. С. 47; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. С. 311; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // *Арабески истории.* Вып. 3–4. С. 79.
- 573 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 27.
- 574 Новгородская первая летопись... С. 91. 330; ПСРЛ. Т. X. С. 174; Т. XXV. С. 393.
- 575 ПСРЛ. Т. XXV. С. 393.
- 576 Галицко-Волынская летопись (под 1250 г.). С. 254, 256.
- 577 Там же. С. 254.
- 578 ПСРЛ. Т. II. Стб. 840–842.
- 579 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. С. 41.
- 580 Подробнее см.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды... С. 189; *Папуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 284; *он же.* Героическая борьба русского народа... С. 245; *Селезнёв Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. С. 42; *Шетэля В. М.* Борьба Польского государства с вторжениями... С. 149–151.
- 581 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 368–371; ПСРЛ Т. II. Стб. 872, 873; Т. VII. С. 172; Т. X. С. 152; Т. XVIII. С. 74, Т. XXV. С. 151.
- 582 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 372, 373; ПСРЛ. Т. II. Стб. 856.
- 583 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 376; ПСРЛ. Т. II. Стб. 881.
- 584 *Смокина Н. П., Смокина Н. Н.* Вновь найденный фрагмент древнего Евангелия. С. 68; *Юшков С. В.* Устав св. Владимира. С. 55.
- 585 *Панышко С.* До питання про поїздку Володимира Васильовича в Орду у 1286 р. // *Волинська книга: історія, дослідження, колекціонування.* Науковий збірник. Вип. 1. Острог, 2005. С. 109–113; *он же.* Поїздка волинського князя Володимира Васильковича до Ногая у 1286 р. С. 3–16.
- 586 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды. С. 188, 189, 192.

- 587 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 101, 104, 106, 107, 109, 110–114, 152, 153, 191, 358. Подробнее см.: *Ахмедова А. О., Муртузалиев С. И.* Татаро-монголы в Болгарских землях. С. 10–12; *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды и его время. С. 1–58; *Шетэля В. М.* Борьба Польского государства с вторжениями... С. 149–151.
- 588 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 372, 373, 376, 380, 382, 384, 386.
- 589 Галицко-Волынская летопись. С. 324.
- 590 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 35; Т. XXV. С. 392.
- 591 ПСРЛ. Т. XXV. С. 158.
- 592 *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 221, 222, 294.
- 593 ПСРЛ. Т. XXV. С. 152; Т. X. С. 155.
- 594 См., например: *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского... С. 138–154. *Юрченко А. Г.* Князь Михаил Черниговский и Батухан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Сборник статей в честь В. К. Зиборова.* СПб., 1997.
- 595 Аргументацию датировки см.: *Беспалов Р. А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // *Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов.* Брянск, 2011. Вып. 13. С. 64.
- 596 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 31; Т. XVI. Стб. 52.
- 597 Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. С. 29; *Христианский мир и «Великая Монгольская империя».* С. 118.
- 598 *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 234, 546.
- 599 Подробнее см.: *Беспалов Р. А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского... С. 69, 70.
- 600 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 25.
- 601 *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 41. № 26.
- 602 Там же. С. 39. № 13.
- 603 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26; *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 41. № 26.

- 604 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 30; Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 118.
- 605 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 30.
- 606 Там же.
- 607 *Беспалов Р. А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского... С. 70.
- 608 Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 118.
- 609 *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Политические интересы VS. Матримониальные возможности в династии Рюриковичей XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 164.
- 610 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 81, 82.
- 611 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. IV. Прил. 67; *Экземплярский А. В.* Черниговские князья // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 253.
- 612 *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 27.
- 613 *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 586–588.
- 614 Там же. С. 655, 668.
- 615 ПСРЛ. Т. II. Стб. 798.
- 616 ПСРЛ. Т. II. Стб. 892.
- 617 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 42; Т. XV. Стб. 415; Т. XXV. С. 168; Т. X. С. 190.
- 618 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27; *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 43. № 35, 36.
- 619 *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 217.
- 620 ДДГ. № 3. С. 14.
- 621 ДДГ. № 2. С. 12; *Беспалов Р. А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского... С. 77–78. О датировке грамоты см.: *Кучкин В. А.* Договор Калитовичей. (К датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.
- 622 Подробнее см.: *Борисов Н. С.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999. С. 203–209.

- 623 Золотая Орда в источниках. Т. III. С. 41.
- 624 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 31.
- 625 В Вологодско-Пермской летописи указан день казни 23 сентября — точно в день новолуния. ПСРЛ. Т. XXV. С. 85.
- 626 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27; *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 43. № 35, 36.
- 627 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27, 28.
- 628 Обоснование хронологии событий подробнее см.: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. С. 5–57; *он же*. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского. С. 7–39.
- 629 Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 240, 241.
- 630 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 407.
- 631 Хронологию событий см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 44; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 120, 351.
- 632 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86.
- 633 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 35; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 407.
- 634 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 44, 45.
- 635 Там же. С. 20.
- 636 Новгородская первая летопись... С. 92, 332.
- 637 ПСРЛ. Т. XXV. С. 393.
- 638 Там же.
- 639 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 44.
- 640 Первоначальная (Краткая) редакция Жития митрополита Петра. С. 29; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 46, *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 135, прим. 22.
- 641 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 46.
- 642 Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 124; подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды. С. 181.
- 643 Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 83.
- 644 *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 54. Симеоновская летопись напрямую связывает смену хана и поездку князя Михаила и митрополита Петра в Орду: «В лето 6821.(1313) князь великий Мѣхайло поиде въ орду, такоже и Петръ, митрополить всеа Руси, духовный пастухъ, вкупе съ княземъ съ великимъ поиде въ орду того дѣля, понеже тогда Тохта царь умре, а новыи царь Озбьякъ сѣлъ на царствѣ и обесерменился» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 87, 88).

- 645 Новгородская первая летопись... С. 94, 335; ПСРЛ. Т. XXV. С. 160.
- 646 Новгородская первая летопись... С. 94, 95, С. 336; ПСРЛ. Т. XXV. С. 160.
- 647 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 36, 37; Т. X. С. 180, 181; Т. XXV. С. 161.
- 648 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 49.
- 649 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 5, 8, 153.
- 650 Новгородская первая летопись... С. 96, 338, 457.
- 651 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 78.
- 652 Там же.
- 653 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 41.
- 654 Подробнее см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 54.
- 655 ПСРЛ. Т. XXV. С. 167.
- 656 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 42.
- 657 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89.
- 658 Новгородская первая летопись... С. 97, 339.
- 659 ПСРЛ. Т. XXV. С. 167.
- 660 Там же.
- 661 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 56.
- 662 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 42–44.
- 663 Подробнее см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 60.
- 664 *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 69, 70.
- 665 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89; Первоначальная (Краткая) редакция Жития митрополита Петра. С. 30, 31.
- 666 Подробнее см.: *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 69, 70.
- 667 Новгородская первая летопись... С. 97.
- 668 ПСРЛ. Т. XXV. С. 166.
- 669 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 60.
- 670 ПСРЛ. Т. XXV. С. 169.
- 671 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 48.
- 672 Там же. Стб. 48–51.
- 673 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 160; *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений. С. 146.
- 674 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 46.
- 675 *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 141.
- 676 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47.

- 677 *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 62.
- 678 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47.
- 679 См., например: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 62.
- 680 Новгородская первая летопись... С. 349; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 48, 49.
- 681 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 160.
- 682 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53.
- 683 Там же.
- 684 Новгородская первая летопись... С. 351.
- 685 Выборка сделана по: *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 193–671.
- 686 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 52.
- 687 ПСРЛ. Т. XXV. С. 174.
- 688 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 55.
- 689 Там же.
- 690 ПСРЛ. Т. XXV. С. 175.
- 691 Вероятные варианты причин поездки см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 70, 71.
- 692 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 57.
- 693 Там же. Стб. 58.
- 694 Там же. Стб. 59.
- 695 Вероятные варианты причин поездки см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 72–75.
- 696 Там же. С. 68.
- 697 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 38; Т. XV. Стб. 410.
- 698 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 86, 90.
- 699 Новгородская первая летопись... С. 98, 341; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 44; Т. XXV. С. 169; Т. XV⁶ Тверской сборник. Стб. 417; Т. XV. Стб. 417; Т. X. С. 195, 196.
- 700 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 45; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 417.
- 701 ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.
- 702 ПСРЛ. Т. XXV. С. 173.
- 703 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 54.
- 704 ПСРЛ. Т. X. С. 217, 218.
- 705 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 49–51; Т. XXV. С. 172; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 421; Т. X. С. 208–210.
- 706 ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.
- 707 ПСРЛ. Т. X. С. 226; Т. XXV. С. 179.
- 708 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 63.

- 709 Там же. Стб. 67.
- 710 *Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды. С. 69.
- 711 ПСРЛ. Т. I. Стб. 532.
- 712 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 68.
- 713 Там же. Стб. 68, 69.
- 714 ПСРЛ. Т. XXV. С. 181.
- 715 ПСРЛ. Т. XI. С. 232, 233.
- 716 ПСРЛ. Т. XXV. С. 181.
- 717 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 72.
- 718 ПСРЛ. Т. XI. С. 4; Т. XV. Вып. 1. Стб. 77, 78; Т. XXV. С. 182.
- 719 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 77, 78; Т. XXV. С. 182.
- 720 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 93; Т. XXV. С. 186
- 721 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 95–97.
- 722 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 430, 431.
- 723 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 104; Т. XXV. С. 187.
- 724 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 106.
- 725 Там же. Стб. 142.
- 726 Там же. Стб. 143.
- 727 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 442.
- 728 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 146, 147; Т. XXV. С. 210; Т. XI. С. 81.
- 729 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 146.
- 730 Там же. Стб. 148.
- 731 ПСРЛ. Т. XXV. С. 211.
- 732 ПСРЛ. Т. XI. С. 83.
- 733 ПСРЛ. Т. XI. С. 83, 84; Т. XXV. С. 211.
- 734 ПСРЛ. Т. XXV. С. 211.
- 735 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 147.
- 736 Там же. Стб. 149.
- 737 Там же. Стб. 151.
- 738 Там же. Стб. 153.
- 739 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // *Арабески истории.* Вып. 3–4. С. 179.
- 740 ПСРЛ. Т. XI. С. 121; Т. XXV. С. 218.
- 741 *Горский А. А.* Московско-Ордынский конфликт... С. 33.
- 742 ПСРЛ. Т. VIII. С. 61; Т. XVII. Стб. 45; Т. XXXV. С. 51
- 743 ПСРЛ. Т. VIII. С. 60; Т. XXV. С. 218.
- 744 ПСРЛ. Т. VIII. С. 60; Т. XXV. С. 218.
- 745 ПСРЛ. Т. XXIII. С. 132; Т. XXV. С. 219.
- 746 ПСРЛ. Т. XI. С. 147; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 162.
- 747 ПСРЛ. Т. XI. С. 147; Т. XV. Вып. 1. Стб. 446; Т. XXV. С. 162..

- 748 ПСРЛ. Т. XI. С. 147; Т. XV. Стб. 162.
- 749 *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского. С. 102, 103.
- 750 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 162.
- 751 ПСРЛ. Т. XI. С. 148; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 162.
- 752 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 163.
- 753 ПСРЛ. Т. VI. С. 124.
- 754 ПСРЛ. Т. XI. С. 153.
- 755 Там же.
- 756 ПСРЛ. Т. XI. С. 148; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 164; Т. XXV. С. 219.
- 757 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 164; Т. XXV. С. 219.
- 758 ПСРЛ. Т. XXV. С. 221.
- 759 ПСРЛ. Т. XI. С. 156.
- 760 *Коган В. М.* История дома Рюриковичей. С. 139, 243.
- 761 ПСРЛ. Т. XXV. С. 221.
- 762 ПСРЛ. Т. XI. С. 4.
- 763 ПСРЛ. Т. XXV. С. 232.
- 764 Выборка сделана по: *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 193–671.
- 765 ПСРЛ. Т. XI. С. 218; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 486; Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* «А переменит Бог Орду...». С. 70, 71.
- 766 ПСРЛ. Т. XI. С. 167.
- 767 ПСРЛ. Т. XXV. С. 228.
- 768 ПСРЛ. Т. XI. С. 183.
- 769 ПСРЛ. Т. XI. С. 183; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 470.
- 770 ПСРЛ. Т. XI. С. 188.
- 771 ДДГ. С. 52, 53.
- 772 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 473.
- 773 *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 263.
- 774 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 236.
- 775 Там же. Стб. 473.
- 776 Там же. Стб. 478.
- 777 *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 265.
- 778 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 478.
- 779 Там же.
- 780 *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. С. 184.
- 781 ПСРЛ. Т. XI. С. 202; Т. XXV. С. 236.
- 782 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 480–482.

- 783 Там же. С. 203.
- 784 ПСРЛ. Т. XXV. С. 237.
- 785 ПСРЛ. Т. VI. С. 139; Т. VIII. С. 85; Т. XI. С. 215; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 186, 485.
- 786 ПСРЛ. Т. XXV. С. 240.
- 787 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 160.
- 788 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 485.
- 789 *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 280–281; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь // *Арабески истории*. Вып. 3–4. С. 143; *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств... С. 153.
- 790 Подробнее см.: *Селезнёв Ю. В.* Хан Джелаль-ад-Дин в эпоху Грюнвальдской битвы. С. 268; *он же.* Деятельность хана Джелаль-ад-Дина... С. 46–52.
- 791 ПСРЛ. Т. XI. С. 219.
- 792 *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 736; *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств... С. 155.
- 793 ПСРЛ. Т. XI. С. 218.
- 794 ПСРЛ. Т. XI. С. 219; Т. XV: Тверской сборник. Стб. 486.
- 795 ПСРЛ. Т. XI. С. 219.
- 796 ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. Стб. 486.
- 797 ПСРЛ. Т. XI. С. 219.
- 798 Там же.
- 799 ПСРЛ. Т. XI. С. 221.
- 800 Там же. С. 220.
- 801 ПСРЛ. Т. XII. С. 3; Т. XXVI. С. 188.
- 802 ПСРЛ. Т. XII. С. 15; Т. XXV. С. 249.
- 803 ПСРЛ. Т. XXV. С. 249.
- 804 ПСРЛ. Т. XII. С. 15–16; Т. XXV. С. 249.
- 805 ПСРЛ. Т. XII. С. 16; Т. XXV. С. 249.
- 806 ПСРЛ. Т. XII. С. 15; Т. XXV. С. 249.
- 807 Новгородская первая летопись... С. 416; ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 39.
- 808 *Беляков А. В.* Чингисиды в России... С. 373.
- 809 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 471, 472.
- 810 Послание Едигея великому князю Василию Дмитриевичу // *Горский А. А.* Москва и Орда. Приложение II. С. 196–197; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 406, 407; Т. XI. С. 211.

- ⁸¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 201. «Собрание Оболенского». Оп. 1. № 84. С. 219; *Беляков А. В.* Чингисиды в России... С. 373.
- ⁸¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 728, Софийское собрание, ркп. номер 1499, 17 в., 94 л.
- ⁸¹³ Ср., например: *Рудаков В. Н.* Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII—XVI веков // *Вестник МГИМО-Университета.* 2012. № 4. С. 30.
- ⁸¹⁴ Подробнее см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 349, 350, 394—396; Т. II. Стб. 285, 499—501, 521, 522, 630—633, 659; Т. XVIII. С. 42; Т. XXV. С. 104; *Гуркин С. В.* К вопросу о русско-половецких матримониальных связях. № 3—4. С. 41; *Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. С. 226, 317, 491, 514; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 64, 104, 164, 165; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 90, 131; *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских.

Источники и литература

Источники

- Абу-л-Фазл Бейхаки*. История Масуда 1030–1041. Ташкент, 1962.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Т. 3. М., 1964.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846; Т. 2. СПб., 1848.
- Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира. М., 2004.
- Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.: 54, 1940.
- Березин И. Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайле. Казань, 1850.
- Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // ТОДРЛ. 1960. Т. 16.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
- Венгерский хроникальный свод (XIV в.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. Западноевропейские источники. М., 2010.
- Византийские историки, переведенные с греческого при санктпетербургской духовной академии. Т. 6. СПб., 1862.
- Галицко-Волынская летопись // БЛДР. Т. 5. СПб., 2000.

- Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М., 1962.
- Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Т. 1. Царствование Михаила Палеолога (1255—1282). Рязань, 2004.
- Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. М., 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко; с ранневерхнемецкого А. В. Назаренко.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Древнерусские предания. М., 1982.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1950.
- Ермак Тимофеевич (отрывки из кунгурского летописца). Свердловск, 1984.
- Житие Михаила Ярославича Тверского / подгот. текста В. И. Охотникова и С. П. Семячко, пер. и коммент.: С. С. Семячко // БЛДР. Т. 6. СПб., 2000.
- Задонщина: древнерусская песня. Повесть о Куликовской битве / Выбор, подгот. и коммент.: А. А. Зимин. Тула, 1980.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гонган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. II.
- Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. I: Арабские и персидские сочинения.
- Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. III: Китайские и монгольские источники.
- Идегей: татарский народный эпос. Казань. 1990.
- Извлечения из «Худуд Ал-Алем» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. I.
- Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960.
- История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954.
- Казанская история. М.; Л., 1944.
- Киракос Гандзакец.* История Армении. М., 1976.
- Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
- Летописные повести о монголо-татарском нашествии / подгот. текста, пер. и коммент.: Д. М. Буланин // БЛДР. Т. 5.
- Лихачев Д. С.* Повесть о Куликовской битве: текст и миниатюры Лицевого свода XVI в. Л., 1984.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999.

Материалы по истории Казахских ханств в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. (1204—1341). Рязань, 2004.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207—1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 2008.

Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955.

Первоначальная (Краткая) редакция Жития митрополита Петра // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001.

Повести о Куликовской битве. М., 1959.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Повесть о битве на реке Воже / подгот. текста, пер. и коммент.: Л. А. Дмитриев // БЛДР. Т. 6.

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // БЛДР. Т. 5.

Повесть о нашествии Тохтамыша / подгот. текста, пер. и коммент.: М. А. Салмина // БЛДР. Т. 6.

Повесть о Петре, царевиче ордынском // БЛДР. Т. 9. Конец XV — первая половина XVI вв. СПб., 2000.

Повесть о побоище на реке Пьяне / подгот. текста, пер. и коммент.: Л. А. Дмитриев // БЛДР. Т. 6.

Повесть о разорении Рязани Батыем / подгот. текста, пер. и коммент.: И. А. Лобакова // БЛДР. Т. 5.

Повесть о стоянии на Угре // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982.

Повесть о Шевкале / подгот. текста, пер. и коммент.: Я. С. Лурье // БЛДР. Т. 6.

Послание Едигея великому князю Василию Дмитриевичу (декабрь 1408 г.) // Горский А. А. Москва и Орда. Приложение II.

- Послание митрополита Геронтия и освященного собора русской митрополии великому князю Ивану Васильевичу [на Угру] // Русский феодальный архив XIV–XVI вв. Т. 2. М., 1987.
- Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись: (реконструкция текста). М.; Л., 1950.
- ПСРЛ. Т. I. Вып. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926. Вып. 2–3: Лаврентьевская летопись по Суздальскому списку. Л., 1927–1928; М., 1962; М., 1997.
- ПСРЛ. Т. II: Густынская летопись. СПб., 1843.
- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962; 1998.
- ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IV: Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1: Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л., 1925.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л., 1925.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1: Новгородская пятая летопись. Пг., 1917.
- ПСРЛ. Т. V. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003.
- ПСРЛ. Т. V. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. V: Софийская первая летопись. СПб., 1851.
- ПСРЛ. Т. VI: Софийские летописи. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. VII: Воскресенская летопись. СПб., 1856; М., 2001.
- ПСРЛ. Т. VIII: Воскресенская летопись. СПб., 1859; М., 2001.
- ПСРЛ. Т. X: Никоновская летопись. М., 1965; 2000.
- ПСРЛ. Т. XI: Никоновская летопись. М., 1965; 2000.
- ПСРЛ. Т. XII: Никоновский свод. М., 1965; 2002.
- ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922; М., 1965; 2000.
- ПСРЛ. Т. XV: Тверской сборник. М., 1965; 2000.
- ПСРЛ. Т. XVI: Летопись Авраамки. СПб., 1889; М., 2000.

- ПСРЛ. Т. XVII: Западно-русские летописи. СПб., 1907; М., 2008.
- ПСРЛ. Т. XVIII: Симеоновская летопись. СПб., 1913; М., 2007.
- ПСРЛ. Т. XIX: История о казанском царстве. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1: Львовская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908/
- ПСРЛ. Т. XXIII: Ермолинская летопись. СПб., 1910; М., 2004.
- ПСРЛ. Т. XXIV: Типографская летопись. Пг., 1921; М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л. 1949.
- ПСРЛ. Т. XXVI: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- ПСРЛ. Т. XXVII: Никаноровская летопись. Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. М.; Л., 1962.
- ПСРЛ. Т. XXVIII: Летописный свод 1498 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.
- ПСРЛ. Т. XXX: Владимирская летопись. Новгородская вторая летопись. М., 1965.
- ПСРЛ. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
- ПСРЛ. Т. XXXIII: Холмогорская летопись. Л., 1977.
- ПСРЛ. Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- ПСРЛ. Т. XXXVII: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- ПСРЛ. Т. XXXIX: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- ПСРЛ. Т. XLII: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина / Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 445 (Чертковых), № 173.
- Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 1952.
- Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952.
- Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1952.
- Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
- Редкие источники по истории России. М., 1977.

- Руи Гонсалес де Клавихо*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406). М., 1990.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI вв. М., 2008.
- Русский феодальный архив. М., 1986. Ч. 1.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95.
- Сказание о Мамаевом побоище / подгот. текста: В. П. Будорагин и Л. А. Дмитриев, пер.: В. В. Колесов, коммент.: Л. А. Дмитриев // БЛДР. Т. 6.
- Сказание о нашествии Едигея / подгот. текста, пер. и коммент.: Н. Ф. Дробленкова // БЛДР. Т. 5.
- Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // БЛДР. Т. 5.
- Слова и Поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5.
- Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, и по разным предместьям. Ч. 1. Вильно, 1843. № 31.
- Сокровенное сказание монголов. Перевод С. А. Козина. М., 2002.
- Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея // Воскресенская летопись. Приложения. Рязань, 1998.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941⁶. Т. II.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I.
- Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.
- Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавари)*. Зейл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»). Казань, 2011.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.
- Хроника Быховца. М., 1966.

- Цулая Г. В.* Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1980.
- Чингисиана: свод свидетельств современников. М., 2009.
- Чистов К. В.* Новая запись песни о Шелкане Дудентьевиче // ТОДРЛ. 1958. Т. 14.
- Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. Приложение. Тексты. СПб., 1906.
- Шимон Кезаи.* Деяния Венгров (около 1280/85 гг.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV.
- Codex Epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae, 1376–1430 / collectus opera A. Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas illustrantia. Cracoviae, 1882. Т. 6.

Литература

- Абзалов Л. Ф.* Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011.
- Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.
- Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина: (опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. 1948.
- Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // ИСССР. 1966, № 4.
- Аксанов А. В.* Московско-Казанские отношения (1445–1552 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.
- Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Альшиц Д. [Н.]* Нашествие Батые. М., 1939.
- Амелькин А. О.* Вожская и Куликовская битвы в памяти современников и потомков // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.
- Амелькин А. О.* Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999.
- Амелькин А. О.* Епифаний Премудрый о войне московского великого князя Дмитрия Ивановича с татарами // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001.
- Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006.

- Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004.
- Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.
- Амин аль-Холи.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.
- Антонов И. В.* Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа, 2012. 308 с.
- Антонович В. Б.* Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. Киев, 1885.
- Анчабадзе З. В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М., 1992.
- Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946.
- Арыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1883. Т. 2. Кн. 2. Отд. 2.
- Астайкин А. А.* Летописи о монгольских вторжениях на Русь: 1237–1480 // Арабески истории. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. М., 1996.
- Афремов И. [А.]* Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 г. М., 1849.
- Ахмедова А. О., Муртузалиев С. И.* Татаро-монголы в Болгарских землях (XIII–XIV вв.) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. •
- Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. Тула, 1980.
- Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952.
- Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бегунов Ю. К.* Александр Невский и современность // Князь Александр Невский. СПб., 1995.
- Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в.: «Слово о погибели Русской земли». М.; Л. 1965.
- Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

- Березин И. Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайле. Казань, 1850.
- Беспалов Р. А.* Источник сведений Казанского летописца о молитве хана Улу-Мухаммеда «русскому Богу» накануне белевской битвы 1437 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1.
- Березин И. Н.* Нашествие Батыево на Россию // ЖМНП. 1855. № 5.
- Бестужев-Рюмин К. [Н.]* О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб., 1865; 1898.
- Бибииков М. В.* Русь и монголо-татарские завоевания в Азии и Европе (обзор современной зарубежной историографии) // Очерки средневековой истории экономики и права. М., 1998.
- Битва на Воже и Куликовское сражение: (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006.
- Борисов Н. С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. № 5.
- Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995.
- Борисов Н. С.* Иван III. М., 2003.
- Бочкарев В. Н.* Борьба русского народа с татаро-монгольскими завоевателями. М., 1940.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. II. М., 1988.
- Буганов В. И.* Русское летописание в советской историографии // ВИ. 1966. № 12.
- Буганов В. И.* Куликовская битва. М., 1985.
- Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975.
- Будовниц И. У.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // ТОДРЛ. 1956. Т. 12.
- Бунин А. И.* Где находились города Липецк и Воргол, а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283–1284 гг. // Труды XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. М., 1902. Т. 2.
- Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986.
- Валеев Р. М.* Торговля в Поволжье и Приуралье в IX — начале XV веков: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Казань, 2011.
- Варваровский Ю. Е.* Улус Джучи в 60–70-е гг. XIV в Казань, 2008.

Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Васильев Д. В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань, 2007.

Васильев Л. С. История Востока. Т. I. М., 1993.

Введенский С. Н. Червлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5.

Веденеева Н. Е. Василий I Дмитриевич → великий князь Московский (1389—1425). Астрахань, 2007.

Вернадский В. Г. Монголы и Русь. Тверь, М., 1997.

Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М., 1997.

Веселовский Н. И. Дополнения к статье: (А. И. Иванова) «Походы монголов на Русь» // Записки разряда военной археологии и археографии Российского Императорского военно-исторического общества. Пг., 1914. Т. 3.

Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет Санкт-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1910.

Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды и его время // Записки РАН. VIII сер. Т. XIII. № 6. Пг. 1922.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Владимиров Г. В. Образ татар и Золотой Орды в современной болгарской историографии // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). М., 1934.

Водовозов Н. В. Повесть о битве на реке Калке // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина, 1957. Т. 67. Вып. 6.

Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и составитель И. М. Миргалеев. Казань, 2011.

Военная история. М., 1984.

Воронин Н. Н. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // ИЖ. 1944. № 9.

Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская руси-

стика: Вехи историографии последних лет. Период Киевский и Московской Руси: Антология. Самара, 2001.

Гальперин Ч. Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

[Гатин М. От переводчика]. Бертольд Шпулер. Мегкэ Темюр // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2.

Гатин М. С. Проблемы истории Улуса Джучи и постордынских тюрко-татарских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2006.

Гатин М. С. Русь и Орда во второй половине XIV века в трактовках немецких историков // Золотоордынское наследие. Вып. 1. 2009.

Гардзанини М. Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // ДРВМ. 2006. № 1 (23).

Гацисский А. С. О раскопках, произведенных им на р. Сить с целью определения места битвы // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 год. М., 1891, 1892. Т. 3.

Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргош, Сновск, Унененск, Хороборь? // ЖМНП. 1903. № 5.

Гончаров Е. Ю. Джендский улус Золотой Орды в XIII в. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань; Астрахань, 2011.

Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Горностаева Н. Е. Битва на реке Пьянее (1377 год) и ее отражение в летописях XV–XVII веков // Нижегородский край в истории России. Материалы III межрегиональной конференции памяти профессора Н. Ф. Филатова (4 декабря 2009 г.). Н. Новгород, 2010.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.

Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // СР. Вып. 6. М., 2006.

- Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996.
- Горский А. А.* Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 гг. // ВИ. 1995. № 4.
- Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // СР. 1996. Вып. 1.
- Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3.
- Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России: материалы научно-практической конференции. М., 1996.
- Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV в.: причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4.
- Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. 2004. Вып. 4.
- Горский А. А.* О дате похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. М., 2004.
- Горский А. А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // ДРВМ. 2004. № 4 (18).
- Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Горский А. Д.* Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — начала XVI века // Горский А. А. Москва и Орда.
- Горюшкин С. П.* Героическая оборона Алексина. 1472 г. // Угорщина. К 525-летию «Великого стояния на Угре». Калуга, 2005.
- Грачев А. И.* Поход хана Джанибека в Иран в 1356–1357 гг. Анализ и реконструкция хронологии событий // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4.
- Гребенюк В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII // Русская литература на рубеже двух веков (XVII — начале XVIII в.). М., 1971.
- Греков Б. Д.* Татарское нашествие // ИЖ. 1937. № 6.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. Л., 1937.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л. 1950.

- Греков И. Б.* Идеино-политическая направленность литературных памятников феодальной Руси конца XIV в. // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
- Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
- Греков И. Б.* Варианты «Повести о нашествии Едегея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследования и материалы по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Греков И. Б.* О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII — начала XIV вв. // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Греков И. Б., Шамагонов Ф. Ф.* Мир истории: русские княжества в XIII–XIV вв.. М., 1986.
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л., 1983.
- Григорьев А. П., Фролов О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.
- Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование. М., 1842.
- Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891.
- Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Львів, 1905. Т. 3.
- Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1911.
- Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М., 1994.
- Гуркин С. В.* К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // Донская археология. Ростов-на-Дону, 1999. № 2, 3–4.
- Давлатов М.* Центральная Азия накануне и в период монгольского нашествия (1201–1223 гг.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Душанбе, 2010.
- Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2091.

- Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.
- Дашкевич Н. [П.]* Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873.
- Дмитриев Л. А.* Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказанія о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1954. Т. 10.
- Дмитриев Л. А.* Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3.
- Добролюбский А. Ю., Русеев Н. Д.* Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X–XIV вв. // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
- Довженок В. О.* Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Дройзен И.* История эллинизма. Т. I. Ростов-на-Дону, 1995.
- Дубенцов Б. И.* «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского» // ТОДРЛ. 1958. Т. 14.
- Дука А. В.* Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1.
- Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Егоров В. Л.* Русь и ее южные соседи в X–XIII вв. // ОИ. 1994. № 6.
- Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.
- Егоров В. Л.* Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996.
- Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // ОИ. 1997. № 2.
- Екатерина II.* Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008.
- Епимахова Т. В.* Половцы в Подунавье // Уржумка. Челябинск, 1995. № 1.

- Ермолин Е. А.* Святой великий князь Федор Ростиславич Черный, ярославский и смоленский. Взгляд с порога III тысячелетия. Ярославль, 1999.
- Жданова Т. В.* Статус князей в русском общественно-историческом сознании IX–XV вв. (по материалам погребальной практики). Глава II. Княжеский некролог как источник исследования эволюции статусных категорий: дисс.... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
- Жданова Т. В.* Особенности и характер сообщений о смерти ордынских правителей на страницах русских летописей // ДРВМ. № 3 (37). Сентябрь 2009.
- Жданова Т. В.* Особенности и характер сообщений о смерти иноземных правителей на страницах русских летописей // ДРВМ. № 1 (43). Март 2011.
- Житие и жизнь преподобного князя Феодора Ярославского // Ярославские епархиальные ведомости. 1876. Часть неофиц. № 10.
- Жучкова И. Л.* Повесть о Темир-Аксаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
- Загоровский В. П.* Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992.
- Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.
- Заидов О. Н., Шهبанин Г. А.* К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликово поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.
- Зайцев А. К.* Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг. // Липецк: начало истории.
- Зайцев А. К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: в 2 т. Тула, 2002. Т. 2.
- Зайцев А. К.* Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: в 2 т. Тула, 2004. Т. 2.
- Зайцев А. К.* Река Меча в летописных памятниках Куликовского цикла // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005.

- Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2004.
- Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
- Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991.
- Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
- Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2008.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2009.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань, 2010.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2011.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 6. Казань, 2013.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 7. Казань, 2014.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 8. Казань, 2015.
- Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 9. Казань, 2016.
- Золотоордынское наследие. Сборник статей. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Казань, 2009.
- Золотоордынское наследие. Сборник статей. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань, 2011.

- Золотоордынское обозрение. № 1. 2013.
- Золотоордынское обозрение. № 2. 2013.
- Золотоордынское обозрение. № 1 (3). 2014.
- Золотоордынское обозрение. № 2 (4). 2014.
- Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014.
- Золотоордынское обозрение. № 4 (6). 2014.
- Золотоордынское обозрение. № 1. 2015.
- Золотоордынское обозрение. № 2. 2015.
- Золотоордынское обозрение. № 3. 2015.
- Золотоордынское обозрение. № 4. 2015.
- Золотоордынское обозрение. № 1. 2016.
- Зубков В. И.* Битва на Воже. Рязань, 1961.
- Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время // Летописи занятой Археографической комиссии за 1882–1884 гг. СПб., 1892.
- Иакинф (Бичурин).* Замечания на статью в Русской истории г. Устрялова под названием «Покорение Руси монголами» // Москвитянин. М., 1845. Ч. 3.
- Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988.
- Иванов В. А.* Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Вып. 1. 2009.
- Иванов В. А.* Этнокультурная преемственность кочевников Дешти-Кипчака и Улуса Джучи (Золотой Орды) (на примере погребального обряда) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. 2011.
- Иванов А. И.* Походы монголов в Россию по официальной китайской истории Юань-Ши // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества.
- Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895.
- Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999.
- Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858.
- Иловайский Д. И.* Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского: исторический очерк. М., 1880.
- Ильин С.* Селигерский путь Батые к Новгороду в 1238 г. // ИЖ. 1944. № 4.

- Иоанн (Вендланд К. Н.), митр.* Князь Федор. Исторический очерк. Ярославль, 1990.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
- История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.
- Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV—XVI вв. Казань, 2009.
- Исхаков Д. М.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007.
- Камалов И.* Исследования о Золотой Орде в Турции // Золотоордынское наследие. Вып. 1. 2009.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. III.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. IV
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. V.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. VI.
- Каргалов В. В.* Последствия монголо-татарского нашествия XIII в. для сельских местностей Северо-Восточной Руси // ВИ. 1965. № 3.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Каргалов В. В.* Свержение монголо-татарского ига. М., 1973.
- Каргалов В. В.* Баскаки // ВИ. 1972. № 5.
- Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974.
- Каргалов В. В.* Под московским стягом. К 600-летию Куликовской битвы. М., 1980.
- Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1984.
- Каргалов В. В.* Русь и кочевники. М., 2004.
- Каргер М. К.* Киев и монгольское завоевание // СА. 1947. Т. 11.
- Каргер М. К.* Древний Киев // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
- Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1; 1961. Т. 2.
- Каримова Р. Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань. 2010.

- Карцов В. Г.* Антиордынская политика Тверского княжества // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.
- Катаев И. М.* Татары и порабощение ими Руси // Русская история в очерках и статьях. М., 1905. Т. 1.
- Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984.
- Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.
- Кирпичников А. Н.* Александр Невский: между Западом и Востоком // ВИ. 1996. № 11–12.
- Кирпичников А. Н.* Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.
- Киссель Ф.* История города Углича. Ярославль, 1844.
- Клеванов А. С.* История Юго-Западной Руси: от начала до конца XIV в. М., 1849.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). М.; Тверь. 1994.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871.
- Ключевский О. В.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1906.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. М., 1993. Кн. I.
- Князький И. О.* Русь и степь. М., 1996.
- Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1991, № 4.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Козин В. М.* История дома Рюриковичей. СПб., 1993.
- Коган В. М., Домбровский-Шагалин В. И.* Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб., 2004. Рюриковичи. Алфавитно-справочный перечень.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
- Колесов В. В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004.
- Комаров К. И.* Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006.
- Комарович В. Л.* К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. 1947. Т. 5.
- Комарович В. Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. 1976. Т. 30.

- Константинов Е.* Учебная книга истории государства Российского. СПб., 1820.
- Кондрашов А. П.* Кто есть кто в Библии. М., 2004.
- Коняевская Е. Л.* Краткий Новгородский летописец и его место в новгородском летописании // ДРВМ. 2010. № 1 (39).
- Коняевская Е. Л.* «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28).
- Коняевская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007.
- Коняевская Е. Л.* Образ Александра Невского в ранних летописях // ДРВМ. 2009. № 2 (36).
- Костомаров Н. И.* Куликовская битва // Месяцеслов на 1864 г. СПб., 1864. Прил.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Господство дома св. Владимира. М., 1993.
- Костомаров Н. И.* Русская республика: северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. М.; Смоленск, 1994.
- Костюков В. П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
- Костюков В. П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010.
- Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.
- Кошкин А. В.* О локализации древнерусского города Липовечска // Липецк: начало истории.
- Кощеев В. Б.* Еще раз о численности монгольского войска в 1237 г. // ВИ. 1993. № 10.
- Кочкина А. Ф.* Загадка поселения SAMAR (Древности Золотой Орды на Самарской Луке) // Самарская Лука. История. Природа. Искусство. № 18, 2011.
- Коялович М. О.* Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви. СПб., 1880.
- Коялович М. О.* Лекции по истории Западной России. СПб., 1884.
- Кравец В. В.* Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.
- Кравченко А. Г.* Московский летописный свод 1493–1494 гг. по Беляевскому списку // ТОДРЛ. Т. 12.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Крадин Н. Н. Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // ВИ. 2010. № 5.

Краткая энциклопедия православия. Путь к храму. М., 2002.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.

Кубанкин Д. А. Находка на Увеке печати «князя Михаила» // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.

Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. 1951. Т. 8.

Кудряшов К. В. О местоположении реки Калки // ВИ. 1954. № 9.

Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в.: особенности преломления источников в историографии. Н. Новгород, 2006.

Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет (История религии бон). СПб., 1998.

Кузьмин А. В. Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV — начале XV века (заметки по древнерусской генеалогии и сфрагистике) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции: в 2 ч. Великий Новгород, 1999. Ч. 2.

Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в.: из истории Смоленской земли // RM. München, 2001. Т. 10, fasc. 1.

Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.

Кузьмин А. В. Восточная (ордынская) политика Александра Ярославича Невского // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. М., 2002. № 1.

Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI в. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: в 2 т. Т. 2.

Кузьмин А. В. Князья Можайска и судьба их владений в XIII–XIV вв.: из истории Смоленской земли // ДРВМ. 2004. № 4 (18).

Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // ГДЛ. М., 2004. Вып. 11.

- Кузьмин А. В. Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI–XVII вв. // Сборник памяти [М. П.] Лукичева. М., 2006.
- Кузьмин А. В. Князья Пронские, бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы — участники битвы на реке Воже в 1378 г. и их потомки в XV–XVI вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: в 2 т. Вып. 2. Тула, 2007. Т. 2.
- Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой половине XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы) // ГДЛ. М., 2008. Вып. 13.
- Кузьмин А. Г. Летописные сведения о разорении Рязани Батыем // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1963. № 2.
- Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 2.
- Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2004.
- Куликово поле: материалы и исследования // Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 73.
- Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
- Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980.
- Куликовская битва в истории России. Тула, 2006.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2009.
- Куник А. А. Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844.
- К[уник А. А.] О признании 1223 г. временем битвы при Калке // Ученые Записки Императорской АН по первому и третьему Отделениям, 1854. Т. 2.
- Кучкин В. А. Повесть о Житии Михаила Тверского. М., 1974.
- Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. Т. 94. М., 1974.
- Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь: черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.
- Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8.

- Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
- Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // СР. 1996. Вып. 1.
- Кучкин В. А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории.
- Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5.
- Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову: сборник статей. М., 1996.
- Кучкин В. А. О дате взятия царевичем Еняком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы: сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001.
- Кучкин В. А. Летописные рассказы о битве на р. Калке. Рассказ в Лаврентьевской летописи // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под. Ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003.
- Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. 1962. Т. 17.
- Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М., 1990.
- Кучкин В. А. Поучения Серапиона, епископа Владимирского // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.
- Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
- Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1.
- Кучкин В. А. Завещания московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // ДРВМ. 2008. № 1 (31).

- Кушкумбаев А. К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау, 2009.
- Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV веках. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Санкт-Петербург, 2011.
- Лаптенков В. В.* Елецкие древности. Воронеж, 1998.
- Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Сер. 8: История. М., 1999. № 6.
- Лебедев В. П., Клоков В. Б.* «Печать князя Константинова» с Царевского городища // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003.
- Левашова В. П.* Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ. Вып. 37. 1960.
- Леонтьев А. Е.* Археологические исследования в ростовском Петровском монастыре в 2009 г. // Археология: история и перспективы. Ярославль, Рыбинск, 2012.
- Лествицын В. И.* Место побоища на Сити // Ярославские губернские ведомости. 1861. № 41.
- Летописи белорусско-литовские (западнорусские) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.
- Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Линиченко И. А.* Замечания на статью профессора И. Режабка и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.
- Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция и Жития Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. Л., 1947.
- Лихачев Д. С.* Повесть о Куликовской битве: текст и миниатюры Лицевого свода XVI в. Л., 1984.
- Лихачев Д. С.* А. А. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов 1864–1920. Сборник статей и материалов, под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1974.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). М.; Л., 1962.

- Лихачев Д. С.* По поводу статьи С. Н. Азбелева, Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // ИСССР. 1967. № 2.
- Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С.* Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей // ВИ. 1973, № 8.
- Лихачева О. П.* Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.
- Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж, 2010.
- Лотман Ю. М.* Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту, 1971.
- Лурье Я. С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 36. Вып. 3.
- Лурье Я. С.* Новонайденный рассказ о «Стоянии на Угре»: Краткий Кирилловский летописец // ТОДРЛ. 1962. Т. 18.
- Лурье Я. С.* Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 29.
- Лурье Я. С.* Рассказ о боярине И. Д. Всевожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М., 1977.
- Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига: («Угорщина» в истории и литературе) // РЛ. 1982. № 2.
- Лурье Я. С.* Вассиан Рыло // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988.
- Лурье Я. С.* Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.
- Лурье Я. С.* Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.
- Лурье Я. С.* Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.
- Лурье Я. С.* Летопись Симеоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.
- Лурье Я. С.* Общерусское летописание XIV—XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.
- Лурье Я. С.* Повести о Плаве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2.

- Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
- Лурье Я. С.* История России в летописании и в восприятии нового времени // Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.
- Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. I. Л., 1968.
- Лурье Я. С.* Проблемы изучения русского летописания // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970.
- Лурье Я. С.* К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27.
- Лурье Я. С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. I. М., 1973.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XII–XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей // Текстология славянских литератур. Л., 1973.
- Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей 1975 г. М., 1976.
- Любчанская Т. В.* Средневековые кочевники Восточной Европы и Древняя Русь (Кочевые элементы в генезисе древнерусской государственности): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.
- Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход Витовта на татар в 1399 г. СПб., 1907.
- Мавродин В. В.* Левобережная Украина под власть татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 32. Вып. 2.
- Мавродин В. В.* Куликовская битва. М., 1985.
- Максимович М. А.* О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении иноземным народом. Киев, 1876.
- Малето Е. И.* Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Тамбов, 2011.
- Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М, 2010.
- Маркс К.* Разоблачения секретной дипломатии истории XVIII в. // ВИ. 1989. № 4.
- Масловский Д. Ф.* Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского в 1380 г., до Куликовской битвы включительно // Военный сборник за 1881 г. СПб., 1881. № 8. Отд. 1; № 9. Отд. 1.

- Матюшко И. В.* Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX–XIV вв. н. э. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Машанова Л. В.* Россия и Золотая Орда: проблема восточных заимствований // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 1.
- Мельников С. А.* Историко-правовые факторы эволюции Древнерусского государства (IX–XV вв.). М., 2010.
- Мельникова Е. А.* Историческая память в устной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000.
- Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингис-хан и его наследие // ИСССР. 1962. № 5.
- Миллер О. Ф.* О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. Т. 2. 1876.
- Минегулова А. Р.* Русские летописи о дипломатических отношениях между улусом Джучи и русскими княжествами // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова. Казань, 2010.
- Миргалеев И. М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань, 2003.
- Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.
- Миргалеев И. М.* Проблема престолонаследия в период смуты в Золотой Орде (60–70-е годы XIV века) // Материалы конференции, посвященной Г. А. Федорову-Давыдову. Азов, 2008.
- Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М., 1997.
- Морозова С. В.* Золотая Орда в Московской политике Витовта // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. 1998.
- Моска Г.* Правящий класс // Антология мировой политической мысли. Т. 2.
- Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991.
- Мухаметов Ф. Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М., 2007.
- Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

- Мятлев И. В.* Игнач-крест и Селигерский путь // Труды XV Археологического съезда в г. Новгороде, 1911 г. М., 1914. Т. 1. Ч. 2.
- Назаревский А. А.* «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ. 1956. Т. 12.
- Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8.
- Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
- Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10.
- Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.
- Назипов И. И.* Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Ижевск, 2012.
- Нарожный Е. И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Дисс.... докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начало XVIII в. М., 1969.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь // Арабески истории. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. М., 1994.
- Наумов П.* Об отношениях российских князей к монгольским ханам от 1224 по 1480 г. СПб., 1823.
- Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб., 2007.
- Никитин А. Н.* Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2006.
- Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей. Вып. 1. Казань, 2011.
- Оленин А. А.* Исторические воспоминания о нашествиях на Россию. СПб., 1816.
- Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Отечественная история. Учеб. пособие для студентов неисторических факультетов / Под ред. В. А. Артемова. Воронеж, 2002.
- Охманьский Е.* Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.

- Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.
- Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Красноярский педагогический институт. Ученые записки. № 13. Ч. 2. Красноярск, 1958.
- Павлов П. Н.* Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в 1472–1480 гг. в окончательном освобождении Руси от татарского ига // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1955. Т. 4. Вып. 1.
- Павлов П. Н.* Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г. // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1955. Т. 4. Вып. 1.
- Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988.
- Панишко С.* До питання про поїздку Володимира Васильовича в Орду у 1286 р. // Волинська книга: історія, дослідження, колекціонування. Науковий збірник. Вип. 1. Острог, 2005.
- Панишко С.* Поїздка волинського князя Володимира Васильовича до Ногая у 1286 р. // Київська старовина. 2007. № 2 (374).
- Парето В.* Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. Т. 2.
- Парунин А. В.* Модель смерти и умирания в «Повести об убиении князя Михаила Черниговского» // http://krotov.info/libr_min/16_p/ag/unin_01.htm: 21.08. 2012, 13:24.
- Пастерняк Я.* Старий Галич. Львів. 1944.
- Пашуто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // ИЗ. 1948. Т. 26.
- Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пашуто В. Т.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2.
- Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Пашуто В. Т.* «И вскипе земля Руская...» // ИСССР 1980. № 4.
- Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В. Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории. Вып. I. 1973.

Петров А. Е. Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги. М., 1998.

Петров А. Е. Историческая информация о Куликовской битве в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» // Исследование книжных памятников: История. Филология. Источниковедение. М., 2000.

Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // ДРВМ. 2003. № 3 (13).

Петров Н. И. Волынь: исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888.

Петрова М. С. Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010.

Петров С. А. Рязанская земля во второй половине XIII — начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой. Дисс.... канд. ист. наук. Белгород, 2011.

Петрушевский И. П. К истории института сойургала // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Т. 6.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1994. Ч. 1.

Платонов С. Ф. Русская история. М., 1996.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Плюханова М. Сюжеты и символы Московского Царства. М., 1995.

Ползикова-Рубец К. Золотая Орда и государство Тамерлана: (экскурсия в Государственный Эрмитаж) // ИЖ. 1937. № 12.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Порсин А. А. Политическая деятельность Ногай в Золотой Орде (1262–1301 годы). Дисс.... канд. ист. наук. Курган, 2010.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Похлёбкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (О битве на р. Сить до покорения Сибири). М., 2005.

- Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // Сборник в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
- Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. 1974. Т. 28.
- Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.
- Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Ранняя история Ельца и данные археологии // На юго-востоке Древней Руси.
- Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л., 1952. Т. 3.
- Разин Е. А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 2.
- Расовский Д. А.* Половцы. Происхождение половцев // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова. Прага, 1935.
- Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.
- Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле / авт.-сост.: О. В. Двуречинский. М., 2008.
- Ржига В. Ф.* Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х гг. XIV в. // Повести о Куликовской битве.
- Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981.
- Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. М., 1998.
- Рудаков В. Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // ДРВМ. 2000. № 2.
- Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.
- Рудаков В. Н.* Русские книжники XV–XVI веков в поисках героев борьбы с татарами // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. М., 2011.

- Рудаков В. Н.* «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // ДРВМ. Сентябрь, 2011. № 3 (45).
- Русина Е. В.* Персональный состав северских князей во второй половине XIV века // Историческая генеалогия. Вып. 2. Екатеринбург — Париж, 1993.
- Русина О. В.* До питання про київських князів татарської доби // Записки Наукового товариства імені Тараса Шевченка. Т. 225. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1993.
- Русина О. В.* Історія Київського князівства XIV—XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смоля. Київ, 2010.
- Русина О. В.* Про князівську традицію на Київщині у XIII—XIV ст. // Київська старовина. 1997. № 3/4.
- Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.
- Рыбаков Б. А.* Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь. X—XIII вв. М., 1948.
- Салмина М. А.* Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.
- Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о куликовской битве // ТОДРЛ. 1977. Т. 32.
- Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. 1979. Т. 34.
- Сафаргалиев М. Г.* Разгром Большой орды (к вопросу об освобождении Руси от татарского ига). Саранск, 1949.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.). М., 1996.
- Свердлов М. Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. 1963. № 2. Сер.: История языка и литературы. Вып. 1.
- Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.
- Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981.
- Селезнёв Ю. В.* Летописные сведения о боевых действиях войск Золотой Орды на территории Центрального Черноземья (XIII—XIV вв.) // Армия в истории России. Курск, 1997.
- Селезнёв Ю. В.* Титулатура русских князей в XIII—XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. 1998.

- Селезнёв Ю. В.* Роль ордынского фактора в русско-литовской войне 1406–1408 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999.
- Селезнёв Ю. В.* Посол великого хана: на путях взаимодействия (историко-биографический очерк) // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации: материалы III Международной конференции. Владимир, 2000.
- Селезнёв Ю. В.* Битва на Воже: к вопросу о численности войск Бегича // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси.
- Селезнёв Ю. В.* Рязанское великое княжество и Орда на рубеже XIV–XV вв.: военное давление или пограничная война? // Верхнее Подонье. 2004. Т. 2.
- Селезнёв Ю. В.* «А переменит Бог Орду...»: русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в. Воронеж, 2006.
- Селезнёв Ю. В.* «И жаловася Александр на брата своего...»: к вопросу о вокняжении Александра Невского в 1252 г. // ДРВМ. 2007. № 3 (29).
- Селезнёв Ю. В.* Особенности трансформации образа темника Мамая в памятниках Куликовского цикла // Верхнее Подонье. 2007. Т. 2.
- Селезнёв Ю. В.* Власть ордынского хана в первой половине XV в. в представлениях русских книжников (на примере «Сказания о нашествии Едигея» и «Послания Едигея» Василию I) // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию ист. фак-та УГУ им. А. М. Горького / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008.
- Селезнёв Ю. В.* Элита Золотой Орды: научно-справочное издание. Казань, 2009.
- Селезнёв Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // ДРВМ. 2009. № 1 (35).
- Селезнёв Ю. В.* К вопросу о тактической расстановке войск на Куликовом поле // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009.
- Селезнёв Ю. В.* Титулование в русской письменной традиции золотоордынской аристократии при описании русско-ордынских конфликтов XIII–XV вв. и численность войсковых

- подразделений // Золотоордынское наследие. Вып. 1. 2009.
- Селезнёв Ю. В.* Признаки принадлежности к элите Джучиева Улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.
- Селезнёв Ю. В.* Деятельность хана Джелаль-ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы // *Studia Slavica et Balcanica*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2.
- Селезнёв Ю. В.* Земля за Игнач-крестом: Новгород и Орда // Родина. 2009. № 9.
- Селезнёв Ю. В.* Золотая Орда в XIII–XIV вв.: улусная система и административно-территориальное деление // *Клио*. 2000. № 1.
- Селезнёв Ю. В.* Идеино-религиозная оценка современниками русско-ордынских отношений 1270–1320-х гг. // Мининские чтения: материалы научной конференции. Н. Новгород, 2007.
- Селезнёв Ю. В.* К вопросу об изменениях в титуловании ордынских ханов в русской письменной традиции XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009.
- Селезнёв Ю. В.* Наследование власти в Орде в середине XIV столетия на примере жизни хана Джанибека (историко-биографический очерк) // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы Третьей региональной научной конференции. Воронеж, 2009.
- Селезнёв Ю. В.* Ногай — полководец и политик Золотой Орды // Новик. Вып. 3. Воронеж, 2000.
- Селезнёв Ю. В.* Опыт герменевтического анализа «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Ч. 1. М., 2005.
- Селезнёв Ю. В.* Ордынские чиновники на Новгородской земле (историко-биографические заметки) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2001.
- Селезнёв Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010.
- Селезнёв Ю. В.* Хан Джелаль-ад-Дин в эпоху Грюнвальдской битвы // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути

русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): материалы международной научной конференции. СПб.: Любавич, 2010.

- Селезнёв Ю. В.* К вопросу о статусе Серпуховского княжества в конце XIV в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010.
- Селезнёв Ю. В.* Новгородская земля в системе ордынской государственности // Вестник Новгородского государственного университета. Гуманитарные науки. № 63. 2011.
- Селезнёв Ю. В.* О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. № 2 (35). 2012.
- Селезнёв Ю. В.* Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4.
- Селезнёв Ю. В.* Спор за гегемонию в Восточной Европе между ВКЛ и Золотой Ордой в XIII–XVI вв.: отличие моделей взаимоотношений Орды с Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским в геополитическом и культурном контекстах // Канструкцыя і дэканструкцыя вялікага княства літоўскага. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2007.
- Селезнёв Ю. В.* К вопросу о хронологии пребывания в Орде Федора Ярославского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012.
- Селезнёв Ю. В.* Провинциальная знать в столице Золотой Орды: к вопросу о хронологии пребывания в Орде Федора Ярославского // Столица и провинция: история взаимодействия. Материалы Шестой региональной научной конференции. Воронеж, 2012.
- Сердобольская С. А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы на реке Калке // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь, 1947. Вып. 1.
- Сердобольская С. А.* К вопросу о местоположении острова Варяжского на Днепре (историко-географические заметки) // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь, 1949. Вып. 4.

- Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. М., 2008.
- Скрынников Р. Г.* Куликовская битва // Звезда. 1980. № 9.
- Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М., 1986.
- Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
- Славко Т. И.* Математические методы в исторических исследованиях: современный взгляд на старые проблемы // <http://www.hist.msu.ru/Association/НАС/aik/metodol.htm>: 27.06.2011.
- Смокина Н. П., Смокина Н. Н.* Вновь найденный фрагмент древнего Евангелия // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
- Соколов Р. А.* Александр Невский: панорама новейших мнений // *Клепинин Н. А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 2. // Сочинения. М., 1993. Кн. 1.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 3–4 // Сочинения. М., 1993. Кн. 2.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 5 // Сочинения. М., 1993. Кн. 3.
- Солодкин Я. Г.* Изображение татар в «Казанской истории» (к вопросу о происхождении памятника) // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. 4. Свое и чужое. Россия на путях международного общения. Воронеж, 1999.
- Спицын А. А.* Свод летописных известий о Вятском крае. Киров, 1993.
- Ставиский В. И.* О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // ТОДРЛ. 1990. Т. 43.
- Ставиский В. И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов). М., 1988.
- Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // ДРВМ. № 2 (16). Июнь 2004.
- Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2007.
- Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1948.
- Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3.

- Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 4.
- Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5.
- Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. // ВИ. 1955. № 8.
- Тихомиров М. Н.* Борьба русского народа с монголо-татарскими завоеваниями. Дмитрий Донской // Древняя Русь. М., 1955.
- Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия Татарского ига // Вестник истории мировой культуры. 1957, № 3.
- Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958.
- Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1991.
- Толочко П. П.* Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
- Трепавлов В. В.* Бий Мангытов, коронованный chief: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов В. В.* Статус великого князя: от ордынского «улусника» к «Белому царю» // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993.
- Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // Восток. 1994. № 2.
- Трепавлов В. В.* Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
- Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.
- Тропин Н. А.* К вопросу о понятии «Елецкая земля» и о ее границах в XII—XV вв. // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тамбов, 1992.
- Тропин Н. А.* «Елечья земля» и формирование ее территории в XII—XV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993.
- Тропин Н. А.* К исторической географии Елецкой земли XIV — начала XV вв. // Россия в X—XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995.

- Тропин Н. А.* Археологическое изучение древнерусских памятников XII–XV вв. в черте и окрестностях г. Ельца (1988–1995 гг.) // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М. П. Липецк, 1995.
- Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XV вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.
- Трофимова Н. В.* След «Задонщины» в псковских летописях // ДРВМ. 2004. № 2 (16).
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М., 1999.
- Трубецкой Н. С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока (1925) // <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns11.htm> (17.07. 2011. 14:48).
- Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
- Трубкин В. В.* Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII–XV вв. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2007.
- Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // ГДЛ. М., 1989. Сборник 1: XI–XVI вв.
- Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // ГДЛ. М., 1992. Сборник 3: X–XVI вв.
- Ужанков А. Н.* Жизнеописание Даниила Галицкого: к истории биографического жанра в древнерусской литературе // Прометей. М., 1990. Т. 16.
- Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009.
- Уо Д. К.* «Анатолевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997.
- Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса. Казань, 1979.
- Устрялов Н. Г.* Русская история. Ч. 1. СПб., 1839.
- Федоров Б. В.* Куликовская битва. М., 1939.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.
- Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999.
- Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М., 1989.
- Фетищев С. А.* Московское великое княжество в системе политических отношений конца XIV в. (1389–1395 гг.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1996.
- Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395. М., 2003.
- Филарет (Гимилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874.
- Филюшкин А. И.* Роль «Казанского взятия» в становлении русской государственности // Нестор. Воронеж, 1993. Вып. 1.
- Филюшкин А. И.* Куда шел Тамерлан? // Родина. 1996. № 9.
- Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.
- Филюшкин А. И.* Заочный круглый стол «От орды к России» // Ab Imperio. 2002. № 1.
- Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980.
- Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001.
- Хан Н. А.* Поход ушкуйников 1374 г. и основание города Вятки-Хлынова // ВИ. 2007. № 10.
- Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских. Ч. 1. СПб., 1871.
- Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV — начале XV вв. // ВИ. 1980. № 6.
- Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы // ИСССР. 1980. № 4.
- Хорошкевич А. Л.* Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.

- Хотинский Н. А.* Ковыль-трава на Куликовом поле. М., 1988.
- Хрусталёв Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига»: (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004.
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Цыбин М. В.* [Рецензия] // ИСССР. 1990. № 2. Рец. на кн.: Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв.
- Цыбин М. В.* Древнерусско-половецкое пограничье 2-й половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история юго-востока Древней Руси.
- Цыбин М. В.* Золотоордынские мавзолеи у пос. Красный в Воронежской области // IV научная конференция «Археология Юго-Востока Руси» (рабочие материалы). Елец, 2005.
- Цыбин М. В.* К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград, 2004.
- Цыбин М. В.* Меж Русью и Ордой: русские, монголы и половцы в донском пограничье // Родина. 2003. № 11.
- Цыбин М. В.* Юго-восток русских земель после монгольского завоевания // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. 1998.
- Цыбин М. В.* «Хождение Пименово в Цареград» и археологические реалии лесостепного Подонья // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. Елец, 1995.
- Цыбин М. В.* Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. № 221.
- Цыбин М. В.* К изучению северной границы Половецкой земли в Подонье // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.
- Цыбин М. В.* Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червлёном Яре // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология. Воронеж, 2009.
- Челяпов В. П.* Проблемы локализации места Вожской битвы // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: в 2 т. Т. 1.
- Череванский В.* Хронология событий в ходе борьбы России с татарами-монголами. СПб., 1898.

- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
- Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе.
- Чернышевский А. В.* «Приидоша бесчисленны, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2.
- Черменский П. Н.* Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины // АЕ за 1959 г. М., 1960.
- Чеченков П. В.* Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV — первой четверти XV вв. // Поволжье в Средние века. Н. Новгород, 2001.
- Чеченков П. В.* Территориальные приобретения Василия I в 1392 г. и Нижегородское великое княжество // Шестая нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки). Н. Новгород, 2002.
- Чеченков П. В.* Князья суздальского дома и борьба за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения: материалы научной конференции. Н. Новгород, 2003.
- Чеченков П. В.* Утверждение власти московского великого князя в нижегородских землях (первая половина XV в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2005.
- Чеченков П. В.* Нижегородский край в составе Российского государства в XV — третьей четверти XVI в. Проблемы интеграции: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2005.
- Чеченков П. В.* Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Мининские чтения: материалы научной конференции. 2007.
- Чхаидзе В.†1, Дружинина И. А.* Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. № 2.
- Шабульдо Ф. М.* Консолідація антиордынських сил північно-східних та південно-західних руських земель // Український історичний журнал. 1980. № 9.
- Шабульдо Ф. М.* Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. 1998.
- Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

- Шабульдо Ф. М.* Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. // Сословия, институты и государственная власть в России.
- Шапиро А. Л.* Русская историография периода империализма. Курс лекций. Л., 1962.
- Шахмагонов Ф. Ф.* На Куликовом поле. М., 1980.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов М. В.* Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей в Белграде 16–23 сентября 1928 г. Белград, 1929.
- Шебанин Г. А.* Западный рубеж Рязанского княжества в конце XIV — начале XV вв. по данным нумизматики // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000.
- Шебанин Г. А.* О владениях рязанских князей на правобережье верхнего Дона в конце XIV — начале XVI вв. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.
- Шеков А. В.* Верховские княжества (краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Тула, 1993.
- Шеков А. В.* Об участии князей тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.
- Шеков А. В.* Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье. 2004. Т. 2.
- Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.
- Шенников А. А.* Червлёный Яр. Л., 1987.
- Щербатов М.* История Российская. Т. 4. СПб., 1781.
- Штайндорф Л.* Чужая война: военные походы монголов в 1237–1242 гг. в хронике Фомы архидиакона Сплитского // ДРВМ. 2008. № 4 (34).
- Штетля В. М.* Борьба Польского государства с вторжениями татаро-монгольских войск // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. 1998.
- Щавелева Н. И.* К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Щербатов М. М.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1902. Т. 3.

- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г.: биографические очерки. СПб., 1889. Т. 1, 2.
- Элиты в современных политических процессах (опыт сравнительного анализа). Воронеж, 2009.
- Эммаусский А. В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского педагогического института. 1958. Вып. 17. Т. 1.
- Эммаусский А. В.* К вопросу о времени основания города Вятки (Киров): учебное пособие. Киров, 1971.
- Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М., 1962.
- Эренжен Хара-Даван.* Чингис-хан как полководец и его наследие // Арабески истории. Вып. 2. Пустыня Гартари. М., 1995.
- Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Юрченко А. Г.* Золотая статуя Чингисхана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Юрченко А. Г.* Историческая география политического мира. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв.. СПб., 2006.
- Юрченко А. Г.* Кумысная церемония при дворе Бату // Mongolica. VII. СПб., 2007.
- Юрченко А. Г.* Какой праздник отметил хан Узбек в июне 1334 г. // Золотоордынское наследие. Вып. 1. 2009.
- Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // ТҮҮВИЙН СУДЛАЛ (Studia historica). Улаанбаатар, 2004. Т. XXXV.
- Юрченко А. Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.
- Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012.
- Юшков С. В.* Устав св. Владимира. М., 1989.
- Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // Известия Государственной Академии Истории материальной культуры, Т. VI. Вып. 2.
- Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003.

- Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.
- Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960.
- Янин В. Л.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. 1.
- Янин В. Л.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник.
- Яроменюк И. И.* О битве новгородцев с татаро-монгольскими войсками у «Игнач-креста» (март 1238) // ИСССР. 1962. № 5.

- Allsen T.* Commodity and exchange in the Mongol empire: a cultural history of Islamic textiles. Cambridge, 1997.
- Fennell J. L. I.* The Tale of Baty's Invasion of North — East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the Thirteenth — Fifteenth Centuries // *Russia Mediaevalis*. München, 1977. Т. 3.
- Fennell J. L. I.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27.
- Goldfrank D.* Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000.
- Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.
- Halperin Ch. J.* Muscovite Political Institutions in the 14th Century // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000.
- Halperin Ch. J.* Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion // *Ab imperio*. № 3. 2004.
- Halperin Ch. J.* [Review of:] Ю. В. Селезнёв. Элита Золотой Орды: Научно-справочное издание. Казань, 2002. 232 с., ил., таб., карты. ISBN: 978-5-9690-0068-1 // *Ab Imperio*. 4/2009.
- Halperin Ch. J.* The Tatar yoke: the image of the Mongols in medieval Russia. Bloomington, Indiana, 2009.
- Hammer-Purgstall.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pestre, 1840.
- Hartog L. de.* Russia and The Mongol Yoke: The History of Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. L.; N. Y., 1996.
- Marks K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899.

- Martyniuk A.* Die Mongolen im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Reiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.–16. Jahrhundert. Studien zur Geschichtsforschung des Mittelalters, Bd. 16. Hamburg, 2002.
- Ostrowski D.* Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000.
- Pelensky G.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560). Mouton, 1974.
- Phillips E. D.* The Royal Hordes: Nomad Peoples of the Steppes. London-New York. 1965.
- Phillips E. D.* The Mongols. London, 1969.
- Schamiloglu U.* Tribal Politics And Social Organization In The Golden Horde. Columbia University, 1986.
- Silfen P. N.* The Influence of the Mongols on Russia: A Dimensional History. Hicksville — New York, 1974.
- Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223–1502. Leipzig, 1943.
- Stone L.* Prosopography // *Historical Studies Today* / Ed. By F. Gilbert and St. Graubard. New York, 1972.
- Werner K. F.* L'apport de la prosopographie à l'histoire sociale des élites / Ed. Keats-Rohan. Family Trees. Woodbridge, 1997.

Список сокращений

- АЕ — Археографический ежегодник.
- АН РТ — Академия наук Республики Татарстан.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.
- ВИ — Вопросы истории.
- ГВНП — Грамоты великого Новгорода и Пскова.
- ГДЛ — Герменевтика древнерусской литературы.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ИСССР — История СССР.
- ИЖ — Исторический журнал.
- ИЗ — Исторические записки.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РЛ — Русская литература.
- ОИ — Отечественная история.
- СР — Средневековая Русь.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Института русской литературы АН СССР.

Введение	5
Глава 1. Русско-ордынские отношения в освещении русского летописания	
1. Представления о природе верховной власти ордынского хана в русской письменной традиции .	7
2. Изменение титулования ордынских правителей в XIII–XV веках .	12
3. Особенности и характер сообщений о смерти ордынских правителей на страницах русских летописей .	20
4. Понятия «честь» и «жалование» в русской письменной традиции как отражение характера взаимоотношений Руси и Орды в XIII и XIV веках.	26
5. Оценка русско-ордынских отношений в правление Ивана III и концепция ордынского владычества Вассиана Рыло.	32
Глава 2. Правящий слой Джучиева Улуса в XIII–XV веках	
1. Социально-политическая организация Улуса Джучи в XIII–XV веках .	42
2. Правящий род Джучиева Улуса	48
3. Служилая знать Орды	53

4. Ордынская элита и ее функции	72
5. Административно-территориальное деление Орды в XIII–XIV веках	78
6. Признаки принадлежности к элите Джучиева Улуса в вещевой атрибутике	96
Глава 3. Хроника поездок русских князей ко двору ордынского хана	
1. Русские князья при ордынском дворе в XIII веке.	104
2. Особенности взаимоотношений князей Галицкой и Волынской земли и ордынского двора в XIII веке	128
3. Особенности пребывания при дворе ордынского хана князей Черниговской и Турово-Пинской земель в XIII — начале XIV века.	135
4. Русские князья при дворе ордынского хана в XIV веке	143
5. Русские князья при дворе ордынского хана в XV веке. 1402–1445 годы	165
Заключение.	176
<i>Примечания.</i>	182
<i>Источники и литература.</i>	216
<i>Список сокращений.</i>	261

Селезнёв Ю.

- C29 Русские князья при дворе ханов Золотой Орды / Юрий Селезнёв. — М.: Ломоносовъ, — 2017. — 272 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-345-2

В середине XIII века Русь оказалась в тяжелейшей зависимости от Монгольской империи, а затем, после ее распада, от Джучиева Улуса, или — как это государство стали называть значительно позже, когда оно уже исчезло с политической карты, — Золотой Орды. Русские князья вынуждены были время от времени, по нескольку раз за правление, ездить на поклон к ханам Джучиева Улуса, ибо именно там — при дворе ордынских властителей — на протяжении двух с половиной веков решалась их собственная участь, судьба их княжеств и в конечном счете — всей Руси. Александр Невский провел в Орде четыре с половиной года, Михаил Тверской — пять с половиной лет и был казнен там по приказу хана Узбека, Иван Калита восемь раз ездил в Орду, на что ушло в общей сложности пять лет... О поездках и пребывании русских князей в Орде и о том, какое место они занимали в системе ордынской государственности, рассказывает книга Юрия Селезнёва.

Юрий Селезнёв — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского университета.

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Юрий Селезнёв

Русские князья при дворе ханов Золотой Орды

Редактор П. Балабаева
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 04.10.2016. Заказ 6612.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

Юрий
Селезнёв

Русские князья
при дворе ханов
Золотой Орды

В середине XIII века Русь оказалась в тяжелейшей зависимости от Монгольской империи, а затем, после ее распада, от Джучиева Улуса, или — как это государство стали называть значительно позже, когда оно уже исчезло с политической карты, — Золотой Орды. Русские князья вынуждены были время от времени, по нескольку раз за правление, ездить на поклон к ханам Джучиева Улуса, ибо именно там — при дворе ордынских властителей — на протяжении двух с половиной веков решалась их собственная участь, судьба их княжеств и в конечном счете — всей Руси. Александр Невский провел в Орде четыре с половиной года, Михаил Тверской — пять с половиной лет и был казнен там по приказу хана Узбека, Иван Калита восемь раз ездил в Орду, на что ушло в общей сложности пять лет. О поездках и пребывании русских князей в Орде и о том, какое место они занимали в системе ордынской государственности, рассказывает книга Юрия Селезнёва.

Юрий Селезнёв — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского университета.

